

личный состав военно-морского флота. Всего же на Японских островах в последние дни войны дислоцировалось 3,7 млн военнослужащих³.

Исходя из подобных оценок, американский ОКНШ разработал и 29 марта 1945 г. утвердил план высадки на Японские острова под кодовым названием «Даунфол», которую предполагалось осуществить в два этапа: с 1 ноября 1945 г. в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а затем 1 марта следующего года на острове Хонсю (операция «Коронет»).

Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось, с учетом имевшегося опыта (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев), в лучшем случае на конец 1946 г., а по более глубоким расчетам – не ранее 1947 г. По прогнозам многоопытного американского генерала Д. Маккартура, осуществлявшего общее руководство военными действиями в этом регионе, война, учитывая фанатизм японского солдата, могла бы продлиться еще 5–7 лет. Считалось, что потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских – свыше 0,5 млн, а японских – 10 млн человек. Поскольку общие потери американцев во Второй мировой войне уже составили свыше 285 тыс. человек, из них около 99880 убитыми, военно-политическое руководство США не спешило с началом проведения операции «Даунфол»⁴.

Таким образом, без вступления СССР в войну рассчитывать на быстрое завершение разгрома противника воевавшим против Японии государствам не приходилось. Вместе с тем, опубликование Потсдамской декларации в случае ее принятия агрессором шанс давало Японии избежать войны с Советским Союзом. Отказ же 28 июля Японии от капитуляции на условиях Потсдамского ультиматума союзников и даже после применения против городов Хиросима и Нагасаки (соответственно 6 и 9 августа 1945 г.) двух имевшихся в наличии у США атомных бомб «Малыш» и «Толстяк» подтверждал насущную необходимость вступления СССР в войну.

Неуступчивость милитаристской Японии оставалась единственной (за исключением объясняющей эту неуступчивость слабости позиций союзников) значительной преградой на пути к скорому достижению долгожданного мира. На Азиатско-тихоокеанском ТВД создавалась явно тупиковая ситуация, при которой союзники не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями, и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий.

Советское руководство приняло в этих условиях единственно верное решение: еще не залечив раны войны с нацистской Германией, вступить в войну против Японии, ставшую логическим продолжением Великой Отечественной войны, и, говоря языком современного международного права, принудить агрессора к миру. А для этого нужно было разгромить мощную миллионную группировку японских войск в Китае и Корее, лишив Японию опоры на континенте. Возглавить военную кампанию на Дальнем Востоке советское руководство доверило выдающемуся советскому полководцу Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому.

К сожалению, Япония была принуждена к миру лишь спустя 14 лет после развязывания своей первой агрессии, приведшей к созданию марионеточного режима в Маньчжурии в 1932 г. Вместо своевременного пресечения агрессивных замыслов японского руководства, к чему призывал СССР, западные демократии пошли на сговор с ним, проводя политику «умиротворения», названную в 1938 г. «мюнхенской», хотя зародилась она задолго до этого на Дальнем Востоке, и сами стали заложниками своей же политики, в основе которой лежал антисоветизм.

Относительно короткие сроки военной кампании и сравнительно невысокие безвозвратные потери сторон дали повод недобросовестным политикам и «исследователям» для спекуляций относительно величины вклада СССР в усилия союзников по принуждению японского агрессора к миру, которые не прекращаются и в наше время. И, наоборот, вопреки фактам многие аме-

риканские историки утверждают, что США якобы уже к концу 1944 г. полностью сокрушили военную мощь Японии и что к августу 1945 г., когда в войну вступил СССР, она уже не была способна сопротивляться, ибо был окончательно подорван ее военно-экономический потенциал, истощены военные ресурсы и в основном уничтожены вооруженные силы.

Конечно же, уже в начале 1945 г. военнополитическое руководство Японии отчетливо осознавало всю бесперспективность продолжения войны. Понимая, что США с их союзниками в скором времени выйдут на ближние подступы к Японским островам, императорская ставка решила, однако, превратить метрополию, Корею, Маньчжурию и оккупированную часть Китая в «неприступную крепость», чтобы в случае штурма противник понес большие потери, а значит, и война затянулась бы на неопределенное время. Это, по ее расчетам, позволяло избежать безоговорочной капитуляции и добиться компромиссных условий мира.

В конце января 1945 г. командующие стратегическими объединениями вооруженных сил Японии получили из Токио директиву, которая гласила: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»⁵.

Хотя Япония постоянно поддерживала на театре войны существенное численное преимущество над противником в сухопутных войсках, в ставке и правительственных кругах решили провести тотальную мобилизацию всех, кто только способен держать в руках оружие. Пытаясь придать войне общенародный характер, Высший совет по руководству войной создал гражданский добровольческий корпус – по сути, японский вариант фольксштурма. В корпус обязали вступать все население за исключением глубоких стариков, детей, калек, беременных и кормящих матерей. К августу этот корпус насчитывал уже 28 млн человек, а из зачисленных в него военнообязанных были созданы боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии. В сель-

ской местности шло формирование крестьянского трудового корпуса. Для отражения ожидавшегося вторжения противника на Японские острова началось поголовное обучение населения военному делу.

Численность регулярных вооруженных сил выросла к августу до 7,2 млн⁶. Сухопутные войска Японии включали четыре стратегические группировки: Южную группу армий, Экспедиционные силы в Китае, Квантунскую группировку войск, а также 1-ю и 2-ю Объединенные армии национальной обороны вместе с 5-м фронтом, сосредоточенные в метрополии, на Южном Сахалине и Курилах. На океанских островных территориях и в Юго-Восточной Азии действовали 8-й и 10-й фронты. Крупные силы входили в Объединенную воздушную армию и Объединенный флот ВМС⁷.

Началась усиленная популяризация самоубийств в случае угрозы плена, поощрение «тактики поголовной гибели», подготовка смертников – летчиков-камикадзе, человеко-торпед («кайтэн») и водителей самовзрывающихся скоростных катеров, боевых пловцов. В конце войны и в сухопутных войсках появились части и соединения смертников, в основном для борьбы с танками противника.

В США по поводу перспектив ведения войны не было единого мнения. Ставка на действия флота и авиации, чтобы вынудить Японию капитулировать, провалилась и стала квалифицироваться как «стратегия ограниченных целей». Несмотря на крупномасштабность бомбардировок, американская авиация 65% своего бомбового груза сбрасывала не на военные цели, а на японские города. Военный министр США Г. Стимсон 2 июля 1945 г. в меморандуме на имя президента Г. Трумэна предлагал президенту изыскать такой способ, который принудил бы японские вооруженные силы к капитуляции без насильственной оккупации собственно Японии⁸. Многие военные эксперты сходились в одном: заставить ее капитулировать в короткий срок можно только путем нанесения решающего поражения одной из японских стратегических группировок.

Огромный маньчжуро-корейский регион с более чем миллионной японской

группировкой войск, развитой промышленной структурой, богатыми сырьевыми ресурсами и крупными стратегическими запасами являлся важной базой Японии, но одновременно и ее «ахиллесовой пятой», ибо был связующим звеном между метрополией и континентом. В Вашингтоне не понимали, что с потерей столь важного плацдарма Япония лишится большей части необходимых для продолжения войны средств и будет вынуждена капитулировать на условиях союзников. Решить эту задачу в короткий срок могли только советские войска, сосредоточенные в непосредственной близости от Маньчжурии и Кореи. Вот почему среди видных военачальников США было немало тех, кто связывал планы завершения войны на Тихом океане с обязательным вступлением в нее Советского Союза. Руководители США и Великобритании понимали, что «если Россия так и останется нейтральной», то «огромная японская армия в Маньчжурии может быть брошена на защиту собственно Японии»⁹.

Министерство обороны США не сомневалось в правильности и выгоды для собственной страны принятого союзниками 11 февраля 1945 г. в Ялте специального соглашения, предусматривавшего вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке через два–три месяца после разгрома Германии¹⁰.

В ходе работы Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) мнение американской стороны по этому вопросу не изменилось. Учитывая прочность позиций Японии в метрополии и на континенте, ОКНШ считал необходимым, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские». Генерал Д. Макартур был убежден, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии»¹¹. Даже перспектива использования атомной бомбы никак не повлияла на позицию президента Г. Трумэна. В своих мемуарах он пишет, что в Потсдаме одной из важнейших для него задач было «получить лично от Сталина подтверждение о вступлении России в войну против Японии»¹².

Квантунская группировка японских войск (Канто гун) в Маньчжурии, традиционно ошибочно называемая у нас Квантунской армией («гун» в японском военном лексиконе может обозначать и армию, и группировку войск, и вооруженные силы в целом), фактически являлась самостоятельным крупным стратегическим объединением. Она включала три фронта – 1-й, 3-й и 17-й, отдельную 4-ю полевую армию, 2 воздушные армии, а также Сунгарийскую военную флотилию. Кроме того, в ее распоряжении находились войска 250-тысячной марионеточной армии Маньчжоу-го и кавалерийские соединения князя Дэвана (Тонлопа) – японского ставленника во Внутренней Монголии¹³. Общая численность группировки японских и марионеточных войск к августу 1945 г. превышала 1 млн человек. На своем вооружении она имела 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей¹⁴. На Южном Сахалине и Курилах дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на Хоккайдо и который в случае продолжения Японией сопротивления также мог стать районом военных действий¹⁵.

Сложнейший по своим характеристикам Дальневосточный ТВД охватывал территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи. Морская часть театра, на которой действовал советский Тихоокеанский флот, включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей, а также акваторию северо-западной части Тихого океана. В меридиональном направлении ее протяженность составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км). Площадь только сухопутной части Дальневосточного театра составляла 1,5 млн кв. км – это территория Германии, Италии и Японии, вместе взятых. Общая протяженность границы, вдоль которой предстояло вести боевые действия советским войскам, составляла более 5 тыс. км.

Японцы в предвидении войны с Советским Союзом заблаговременно оборудовали этот ТВД. Они возвели там 17 мощных укрепленных районов, из них 8, общей протяженностью около 800 км (4500 долговременных сооружений) – против советского Приморья. Каждый укрепленный район простирался от 50 до 100 км по фронту и до

50 км в глубину. Мощные укрепления были сооружены и на Сахалине и Курилах. Неполные надежды возлагались на организацию партизанских действий на занятой противником территории. Мелкие группы диверсантов из числа белоэмигрантов, а также смертники должны были проводить «специальные операции»¹⁶.

Квантунская группировка располагала ресурсами, способными обеспечить операции 1,5-миллионной армии¹⁷. «Противостоять превосходившим по силе и подготовке советским войскам» она, по твердому мнению японского командования (об этом говорится в 73-м томе 110-томной японской «Официальной истории войны в великой Восточной Азии»), «была способна в течение года»¹⁸.

Маршал А.М. Василевский* обладал природным аналитическим умом, способностью как никто другой проникнуть в суть военных событий, дать им объективную оценку, выработать оптимальное решение. Как начальник Генерального штаба, представитель и член Ставки ВГК он проявил выдающиеся способности в планировании и координации военных действий групп фронтов на самых различных участках вооруженного противоборства с фашистской Германией и ее сателлитами. Не принижая значения всего этого, все-таки подчеркнем: опыта непосредственного, ответственного руководства действиями стратегических объединений в ранге главнокомандующего у маршала не было.

А тут – новый Дальневосточный театр, только в сухопутной его части превышавший по площади территорию, освобожденную советскими войсками в Европе. Новая, по сути, война, в новых политических условиях, в ситуации, когда для невероятно уставших от войны народов СССР только-только наступил долгожданный, завоеван-

ный ценой огромных жертв и лишений мир. Совершенно иной была и стратегическая группировка войск – три фронта, флот, пограничные войска, значительные силы авиации и... полная (подчеркнем: полная!) единоличная ответственность за ход и исход этой войны. Советское руководство дало маршалу практически полную свободу действий по планированию и организации разгрома агрессора, и он блестяще справился с возложенной на него миссией.

Дальневосточная кампания советских Вооруженных сил, без преувеличения, – «детище» маршала А.М. Василевского. Блестящая по замыслу и великолепная по воплощению, она стала бриллиантом в оправе Второй мировой войны, в каждой из граней которого нашли отражение лучшие достижения советского военного искусства, проявленные в годы Великой Отечественной войны.

Замысел грандиозной Маньчжурской стратегической наступательной операции, в разработку которой вложил все свои знания, опыт и талант Александр Михайлович, был до гениальности прост. Два главных (или основных, как их называл маршал) удара Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов во встречных, устремленных к центру Маньчжурии направлениях, расклевывавшие миллионную Квантунскую группировку японских войск надвое, и ряд вспомогательных ударов частью сил этих же и 2-го Дальневосточного фронтов. Осуществление замысла обеспечивало окружение и уничтожение группировки по частям, а также отсечение ее от войск японских Северо-Китайского и Корейского фронтов и недопущение ее усиления или эвакуации в метрополию¹⁹.

Но сколько сложнее составляющих нужно было учесть полководцу, чтобы прийти к этой гениальной простоте! Это и неприступность Большого Хингана, и ливневые дожди в Приморье, делавшие непроходимыми десятки рек и болот, и испепеляющий зной пустыни Гоби, и 17 мощных укрепрайонов противника, и огромные размеры фронта, в пределах которого предстояло вести операции, и необходимость переброски из Европы на Дальний Восток и слаживания с местными силами более 400

* 30 сентября 2010 г. исполняется 115 лет со дня рождения А.М. Василевского. По инициативе автора данной статьи проф. В.П. Зимонина, нашедшей поддержку со стороны федерального аналитического журнала «Сенатор» и ряда видных деятелей науки, культуры и искусства, принято решение Мосгордумы о сооружении памятника маршалу в Москве. – Прим. гл. ред. «Восточного архива».

тысяч наших имевших боевой опыт войск, чтобы добиться решающего перевеса сил...²⁰ Эти перевозки войск и техники по своим показателям, пишет А.М. Василевский, «не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией»²¹.

В ходе Дальневосточной кампании предстояло, кроме изгнания японцев из Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, освободить исконно русские Южный Сахалин, Курильские острова и, в случае необходимости, провести крупную десантную операцию на один из четырех главных островов собственно Японии – Хоккайдо²².

Неизбежно возникал и ряд деликатных проблем: послевоенное политическое и хозяйственное обустройство освобождаемых территорий и работа с большими массами пленных и интернированных японцев.

8 августа 1945 г. в Москве в 23 часа японскому послу было передано заявление Советского правительства, в котором говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз считает себя в состоянии войны с ней с 9 августа. В заявлении указывалось, что этот шаг является «единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий»²³. С наступлением 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов, а с рассветом и главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов пересекли государственную границу.

Хотя наступление советских войск проходило в условиях ожесточенного сопротивления врага, внезапность и сила первоначальных ударов позволили им захватить инициативу и сорвать организованное противодействие противника. К исходу шестых суток наступления советских войск Квантунская группировка оказалась расчлененной на части. И все это время маршал Василевский находился в гуще событий, в районе штаба 1-го Дальневосточного фронта, и руководил войсками оттуда. А в дни, когда моряки осуществляли операции по освобождению Южного Сахалина и Курил и готовились к высадке круп-

ного десанта на остров Хоккайдо, маршал Василевский руководил операциями из штаба Тихоокеанского флота, побывал на кораблях²⁴.

Продуманность замысла и проведенная под руководством главкома А.М. Василевского подготовительная работа, мастерство и героизм советских воинов обеспечили, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, практически полную реализацию плана кампании менее чем за 4 недели. Между тем, по предварительным расчетам советского командования, она должна была продолжаться 2 месяца, год – по расчету японцев, и несколько лет – по оценкам союзного командования²⁵.

Решительное наступление советских войск вынудило императора Хирохито заявить 15 августа по токийскому радио о готовности Японии капитулировать, а продолжавшийся их натиск и захват серий воздушных и морских десантов крупных военных и административных центров в Китае и Корее заставили японское командование начать на рубеже второй и третьей декад августа организованную сдачу в плен своих войск. Было предотвращено использование японцами бактериологического и химического оружия, подготовка к применению которого подтверждена материалами Токийского и Хабаровского процессов²⁶.

А.М. Василевский принял непосредственное участие в выработке условий капитуляции японских войск и принуждении японского командования к их неукоснительному исполнению. Когда 18 августа воздушный десант был высажен в Харбине, там на аэродроме был обнаружен начальник штаба Квантунской группировки генерал-лейтенант Х. Хата. На следующий день его доставили на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта, где маршалы А.М. Василевский и К.А. Мерецков потребовали от него немедленной организованной капитуляции продолжавших сопротивление японских войск и выдвинули конкретные условия их сдачи в плен. Хата в тот же день был доставлен в свой штаб, и с этого времени требования советского командования о капитуляции стали выполняться почти повсеместно²⁷.

Вечером 17 августа главком направил радиogramму главнокомандующему Квантунской группировкой генералу О. Ямаде: «С 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен»²⁸.

Мягкий и интеллигентный человек, каким описывают маршала А.М. Василевского сослуживцы, мог быть и весьма решительным. Когда, например, встал вопрос о необходимости перенесения боевых действий в Корею южнее согласованной с союзниками еще в Потсдаме 40-й параллели с.ш., главком своим решением перенес линию разграничения на 38-й градус. Американцы, высадка которых в Южной Корее началась лишь спустя неделю после подписания 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии, вынуждены были признать эту линию разграничения де-факто²⁹.

В Маньчжурии и Северной Корее главной задачей войск маршала А.М. Василевского было принуждение Японии к скорейшей капитуляции, прекращение грабежей, зверств и насилия японских агрессоров по отношению к местному населению и возвращение мира на китайскую и корейскую земли. Последующие операции были нацелены на реализацию ялтинского Соглашения союзников в части, касающейся наказания агрессора за его преступления путем лишения ранее захваченных им у России островных территорий. С 11 августа советские войска и силы флота повели напряженные боевые действия по освобождению Южного Сахалина, а с 18-го – Курильских островов.

Военные действия в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курилах полностью завершились к 1 сентября, за день до подписания руководителями уже поверженной Японии Акта о капитуляции перед союзниками по антифашистской коалиции³⁰. Последний очаг Второй мировой войны был затушен, мир восстановлен, агрессор принужден к миру.

Как же так получилось, что Япония без активных действий в то время всех других наших союзников заявила о капитуляции не, в лучшем случае по их расчетам, к концу 1946 г., а через неделю после вступления в войну СССР? Как стало возможным дос-

тичь беспрецедентных темпов наступления советских войск?

Лучший, на наш взгляд, ответ дал сам А.М. Василевский: «Столь высокие темпы наступления наших войск, действовавших на отдельных разобобщенных оперативных направлениях, обеспечивались тщательно продуманной группировкой войск с учетом природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом участке, широким и смелым использованием танковых, механизированных и конных соединений, внезапностью нападения, высоким наступательным порывом, решительными до дерзости и умелыми действиями, отвагой и массовым героизмом воинов Советской Армии, пограничников и моряков»³¹.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский был удостоен за Дальневосточную кампанию второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Полководец-герой не тот, кто добивается победы ценой любых жертв, а тот, кто умелыми подготовкой и руководством военными батальями достигает ее с наименьшими потерями. Общие людские потери советских войск и сил флота в войне с Японией, составившие 36456 человек³², были в 19,8 раза ниже, чем аналогичные потери японских вооруженных сил, а безвозвратные потери составили менее 0,1 процента от численности всего личного состава советских войск и сил, принявших участие в кампании. Это – абсолютный рекорд по сравнению с аналогичными кампаниями за все годы Второй мировой войны. Американский ОКНШ на опыте боев за острова Тарава, Иводзима и Окинава рассчитывал положить на алтарь победы над Японией 1,5 млн своих и британских военнослужащих при японских потерях в 10 и более миллионов человек³³. Талант А.М. Василевского помог спасти и эти жизни, предотвратив саму необходимость военных действий на территории агрессора, трагические последствия которых в полной мере ощутил на себе немецкий народ.

В плену оказались около 640 тыс. японских военнослужащих³⁴. А.М. Василевскому с первых дней их пленения пришлось решать вместе с местными органами власти и органами НКВД массу вопросов, связан-

ных с решением судьбы японских военнопленных. Свыше 90% их состава, отбыв разные сроки наказания за преступления страны-агрессора, благополучно вернулись на родину и включились в мирную жизнь. Смертность пленных, содержащихся, по общепризнанным оценкам, даже в лучших условиях, чем жили советские люди в Сибири и на Дальнем Востоке, не превышала естественных для того времени норм убыли населения.

У Советского Союза была возможность более строго наказать дальневосточного агрессора – оккупировать по предварительному соглашению с союзниками, по крайней мере, половину острова Хоккайдо, к крупной морской десантной операции на который шла серьезная подготовка³⁵. Однако высадка не состоялась.

Одной из обычно называемых причин этого является то, что выраженное И.В. Сталиным пожелание отразить в Общем приказе № 1 союзников положение о том, что в северной части острова Хоккайдо капитуляцию японских войск должны принимать представители советского командования, встретило 16 августа негативную реакцию президента США Г. Трумэна³⁶. Вряд ли, однако, это имело решающее значение: И.В. Сталин умел добиваться уважения интересов СССР союзниками, если это были интересы, действительно жизненно важные для государства. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что оккупация острова Хоккайдо утратила свое военно-стратегическое значение для принуждения Японии к миру. А «кровавый раздел» чужой территории, в чем Советский Союз пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица Страны восходящего солнца, не входил в планы советского руководства.

Мощные удары советских войск по сосредоточенной близ границ Советского Союза и Монголии крупной группировке японских сухопутных войск, а также операции на Сахалине и Курилах привели к быстрому разгрому противника, потере им контроля над Маньчжурией, Северной Кореей, Южным Сахалином и Курильскими островами, а главное – к коренному изменению военно-политической обстановки в Азии.

Пример участия Советского Союза в принуждении дальневосточного агрессора к миру наводит на ряд мыслей, связанных с уроками Второй мировой войны. Один из главных уроков кануна этой войны – нельзя потакать агрессии, «умиротворяя», а точнее – поощряя агрессора к нападению на другие страны, как это было в начале 1930-х годов по отношению к японской экспансии на континент. То же относится и к 1938 г., когда состоялся сепаратный мюнхенский сговор руководителей Англии и Франции с Гитлером и Муссолини, в основе чего лежали надежды повернуть агрессоров против Советского Союза и иллюзии стран западных демократий по поводу возможности самим избежать агрессии.

Следующим уроком является необходимость иметь на Евразийском континенте эффективную институализированную международную организацию, способную коллективно решать проблемы комплексного обеспечения безопасности, обладающую правом наложения санкций вплоть до принуждения к миру силой любого агрессора в самом начале его преступной деятельности.

Уроком является и то, что и на западе, и на востоке Евразии победные точки в борьбе союзников по антифашистской коалиции с агрессорами поставили воины Вооруженных сил Советского Союза, который изначально рассматривался и агрессорами, и западными демократиями как основной объект их враждебной политики, но, в конце концов, принес многим народам свободу и избавление от фашизма.

Быстрые и эффективные военные операции против миллионной японской Квантунской группировки войск стали возможны в немалой степени благодаря блестящему таланту выдающегося советского полководца Маршала Советского Союза А.М. Василевского, вложившего в их подготовку и осуществление весь свой опыт управления крупными группировками советских войск в войне против гитлеровской Германии.

Примечания

¹ Потсдамская декларация 1945 // Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 6. М., 2002, с. 549–550.

² The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans, 1941–1945. Wash., 1955, p. 63; Америка. 1985, № 346, с. 16.

³ Центральный архив МО РФ (ЦАМО). Ф. 113, оп. 3274, д. 11, л. 201, 203, 219. Протокол совещания военных делегаций на Ялтинской конференции; Churchill W. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N.Y., 1974, p. 536–537; Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002, с. 125.

⁴ Dull P. A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis, 1979, p. 145, 166; Maule H. The Great Battles of the World War II. L.–N.Y.–Sydney–Toronto, 1975, p. 195; War in Asia and the Pacific, 1939–1949: A Fifteen-Volume Collection. N.Y.–L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (part 1), p. 180.

⁵ Хаттори Т. Япония в войне, 1941–1945. Сокр. перевод с япон. М., 1973, с. 538–539.

⁶ Вторая мировая война: итоги и уроки. М., 1985, с. 288.

⁷ Тайхэй сэно си (История войны на Тихом океане). Токио, 1958. Т. 5, с. 380–382; Савин А.С., Носков А.М., Зимонин В.П. и др. Вооруженные силы Японии: история и современность. М., 1985, с. 301.

⁸ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: краткая история. М., 1984, с. 478.

⁹ Spector R. Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N.Y., 1985, p. 552–553.

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. М., 1984, с. 254–255; ЦАМО. Ф. 133, оп. 3274, д. 11, л. 233–234.

¹¹ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan, p. 51.

¹² Truman H. Memoirs. N.Y., 1955. Vol. I, p. 411.

¹³ Бутурлинов В.Ф., Вартаков В.Н., Зимонин В.П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: военно-политический очерк. М., 1989, с. 237; Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110 т. Канто гун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Кантокуэн. Сюсэндзи-но тайсосэн (План «Кантокуэн». Военные действия против СССР на завершающем этапе). Т. 73. Токио, 1974, с. 391.

¹⁴ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 73, с. 388–397.

¹⁵ История Второй мировой войны, 1939–1945. В 12 т. Т. 11. М., 1980, с. 182.

¹⁶ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451п, оп. 5, д. 72, л. 22, 115–122.

¹⁷ История Второй мировой войны. Т. 11, с. 180; Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2-х кн. Изд. 6-е. М., 1988. Кн. 2, с. 243; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. Кн. 1, с. 408, 409.

¹⁸ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 73, с. 383.

¹⁹ Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебеньков Ю.М. Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985, с. 22; Василевский А.М. Указ. соч. Кн. 2, с. 243; Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август – сентябрь 1945 года): документальное исследование. М., 1993, с. 126–127.

²⁰ История Второй мировой войны. Т. 11, с. 193.

²¹ Василевский А.М. Указ. соч. Кн. 2, с. 244–245.

²² Славинский Б.Н. Указ. соч., с. 126–127.

²³ ЦАМО. Ф. 25, оп. 331, д. 1, л. 1.

²⁴ Яровиков В.С. Грани военного таланта. О Маршале Советского Союза А.М. Василевском. М., 1985, с. 105–106.

²⁵ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 73, с. 383.

²⁶ См. об этом: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985, с. 161–239.

²⁷ Зимонин В.П. Победная точка во Второй мировой войне. М., 2005, с. 70–71.

²⁸ Там же, с. 71.

²⁹ Там же.

³⁰ ЦАМО. Ф. 66, оп. 178499, д. 9, л. 32, 39; д. 3, л. 617–618.

³¹ Цит. по: Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой, с. 132.

³² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993, с. 223.

³³ Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949, p. VIII; The Japan Times. 1984, August 15; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N.Y., 1948, p. 619; Churchill W. Op. cit. Vol. 6, p. 545.

³⁴ Военно-исторический журнал. 1991. № 5, с. 69.

³⁵ ЦАМО. Ф. 66, оп. 178499, д. 2, 3, 4, 8, 9 и др.

³⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 2, с. 275–286; ЦАМО. Ф. 66, оп. 178499, д. 8, л. 379–380; д. 9, л. 61.

В.В. Беляков

«РУССКИЕ РАБЫ» РОММЕЛЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В мае 1943 г., разгромив на севере Туниса итало-немецкие войска, союзники по антигитлеровской коалиции обнаружили среди освобожденных ими из фашистского плена и бойцов Красной Армии. На заключительном этапе североафриканской кампании их перебросили из Италии для ведения подсобных работ. Эти люди, «русские рабы» Роммеля, упоминаются в литературе¹. Однако об их численности до последнего времени не было достоверных данных. Весьма схематично говорилось и о том, каким образом они были репатриированы в СССР. Сегодня, благодаря архивным документам, появилась возможность и уточнить численность «русских рабов», и подробно рассказать об их возвращении на Родину.

В 2004 г. мне удалось получить из архива ФСБ краткую справку о репатриации из Северной Африки с августа 1943 по март 1944 г. с приложением списка «африканцев», направленных на родине для проверки в Рязанский и Подольский спецлагеря НКВД СССР. Согласно справке, за этот период из Северной Африки прибыли в СССР 311 бывших военнослужащих Красной Армии. Один из процитированных документов содержит довольно подробный анализ первой группы репатриированных из 59 человек. Они попали в плен в 1941 – 1942 гг. Сначала использовались в Германии на гражданских работах, а затем были прикреплены к немецким артиллерийским, прожекторным и зенитным частям. В ноябре 1942 – январе 1943 г., то есть уже под занавес североафриканской кампании, пленные красноармейцы вместе с этими частями были переброшены в Италию, а затем оттуда – в Тунис. Как явствует из списка Рязанского спецлагеря, некоторые «африканцы» вообще попали в плен лишь в декабре 1942 г. 8–10 мая 1943 г., во время наступления союзников в Тунисе, часть из них перешла на сторону англо-американских войск. Остальные были захвачены в плен вместе с фашистскими войсками².

Бойцов Красной Армии союзники поместили в лагеря для военнопленных. Американский лагерь находился возле города Матеура, английский – у города Альма. 25 мая по указанию представителя Наркоминдела СССР эти люди были переведены в советский лагерь в городе Мезонкаре в Алжире, организованный для бывших участников интернациональных бригад в Испании. Первая группа освобожденных из плена в составе 59 человек, выехавшая из этого лагеря, прибыла в Красноводск 16 июля 1943 г. 14 июля из лагеря в Мезонкаре были отправлены еще 205 человек. Они выехали морем из тунисского порта Сус в египетский Порт-Саид. Оттуда их отправили через Палестину и Ирак в Тегеран, где передали представителям советского командования³.

В списке Рязанского спецлагеря № 178 под номером 2 значится: «Фридман Борис Николаевич, 1907 года рождения, попал в плен 6.08.41 в р-не между Спас-Деменском и Вязьмой». Мне удалось разыскать мемуары Б.Н. Фридмана. Они называются «Мои военные дороги» и хранятся в архиве Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» в Москве. Мемуары напечатаны на компьютере и сброшюрованы. Значительный по размеру раздел посвящен репатриации автора из Алжира через Египет осенью 1943 г.⁴

Инженер-текстильщик по профессии, Б.Н. Фридман пошел добровольцем на фронт в самом начале войны и вскоре попал в плен в «Вяземском котле». Содержался в лагере в Могилеве, потом в Вильнюсе, а затем был переведен в Германию и направлен на работу токарем на машиностроительный завод фирмы «Шварцкопф» в местечке Вильдау, в 30 км южнее Берлина. Оттуда его перевели для проведения подсобных работ в немецкий полк ПВО. В конце 1942 г. полк был переброшен в Италию, а 13 декабря его отправили на судне из Неаполя в Тунис. Но в Африку в тот раз Фридман не попал. Британская авиация потопила фашистский транспорт. Фридма-

ну удалось ухватиться за спасательный плотик. Итальянцы, вылавливавшие в воде неудачливых союзников, приняли Фридмана за солдата вермахта: он был одет в немецкую форму и прилично говорил по-немецки, а документов у него не было. Спасенных отправили в госпиталь в Неаполе, а затем – и в санаторий в Сан-Ремо. Там-то и выяснилась личность Фридмана, и его вернули в «родной», частью уцелевший полк ПВО, дислоцированный на Сардинии. И, наконец, в июле 1943 г. Фридмана перебросили на Корсику, на работу в немецком госпитале.

3 сентября 1943 г. Италия капитулировала. Новость эта дезорганизовала фашистский гарнизон Корсики, и 5 сентября Фридман сбежал из госпиталя и перешел к французским партизанам. Они-то и отправили его в начале ноября в Алжир, снабдив соответствующими документами.

Обратимся теперь к воспоминаниям Б.Н. Фридмана. Раздел, посвященный репатриации, приводится полностью.

* * *

«И вот Алжир. Пароход встречали с музыкой – он доставил сюда партию освободившихся из немецкого плена французов. Я видел, как они сходили на берег, каждому вручали букет цветов. Все остальные прибывшие должны были пройти пограничный и таможенный контроль. Я вошел в комнату, где за длинным столом сидело человек десять военных, сел на стул напротив одного из них, показал свои бумаги... Меня попросили показать содержимое рюкзака, после чего предложили пересечь к офицеру довольно высокого звания. Он окинул меня внимательным взглядом и стал расспрашивать – откуда я, в каких частях Советской армии служил и в каком звании, как попал на Корсику, а затем неожиданно произнес: “Я предлагаю вам вступить в наш иностранный легион, зачем возвращаться в Советский Союз, вас там ничего хорошего не ждет, тогда как у нас вы будете чувствовать себя прекрасно”. Я ответил отказом и, несмотря на долгие уговоры, согласия не дал. Офицер был явно раздосадован.

Мне дали направление в военную гостиницу, объяснили, как ее найти (она нахо-

дилась неподалеку от порта) и выпустили в город. В гостинице я предъявил направление дежурному, меня зарегистрировали, проводили в большой зал, тесно уставленный кроватями, и указали свободное место. В зале звучала английская речь – преобладали английские, американские и канадские военнослужащие. Столовая работала круглосуточно, каждый мог бесплатно пользоваться ею без всяких ограничений, выбирая себе любые блюда по вкусу. Плату брали только за вино и виски. Я прожил в этой гостинице два или три дня. При регистрации я объяснил, что мне нужно попасть в советское посольство, но никто о нем ничего не знал, дежурный офицер сказал: “Подождите, пока живите, узнаем – сообщим”. Я не форсировал события. Город оказался очень интересным. Он состоит из двух частей: европейская часть – это широкие проспекты, красивые здания, нарядная толпа, шикарные магазины, рестораны, кафе, и арабская часть – ветхие постройки, узкие улочки, грязь, женщины с закрытыми лицами. Группа канадских солдат случайно узнала, что я русский. Они бурно приветствовали меня, сейчас же потащили в ресторан и устроили большую попойку. Пришлось в следующие дни избегать их, так как выдержать такую выпивку вторично я бы не смог.

Не могу вспомнить, что этому предшествовало, но вижу, как мы с поляками, моими спутниками по пароходу, в сопровождении французского солдата идем по улицам Алжира – нас переводят в какое-то другое место. Это новое место походило на казарму, а может быть, это была военная комендатура города – не знаю. Меня поместили в комнату, где находились несколько французских солдат. Поляков я больше не видел. Каждый день я справлялся у дежурного офицера, когда меня передадут в советское посольство, но ответа не получал. В одной из соседних комнат я обнаружил русского. Мы познакомились. Его звали Василий – высокий крепкий парень лет тридцати, ленинградец, по профессии шофер, тоже бежавший из немецкого плена и тоже побывавший на Корсике. Он сказал, что находится здесь уже две недели, живет тут неплохо и нет

смысла так уж спешить с переходом в наше посольство.

Дни шли, и я уже стал тревожиться – не есть ли это форма давления на меня, чтобы вынудить согласиться на вступление в иностранный легион. Добился приема у местного начальника (это было нелегко) и потребовал, чтобы меня незамедлительно передали в посольство СССР. На другой день меня посадили в машину, рядом сидел Василий, впереди – французский офицер. Мы подъехали к роскошного вида отелю, поднялись на второй этаж. Возле одного из номеров офицер предложил нам подождать и, постучавшись, вошел. Я был в некотором волнении: предстояла первая встреча с представителем советской власти, как нас примут? Минут через пятнадцать дверь открылась, и человек в штатском на русском языке пригласил нас войти, предложил сесть и принялся расспрашивать. Тут же сидел сопровождавший нас француз, больше в комнате никого не было. Мы с Василием ответили на вопросы: фамилия, имя, место жительства в Советском Союзе, когда попали в плен и некоторые другие. “Да, это наши люди”, – по-французски сказал офицеру спрашивавший нас человек и расписался в ведомости, которую тот ему протянул. Офицер попрощался с ним и, не удостоив нас даже кивка, вышел.

– Ну, теперь здравствуйте, – обратился к нам хозяин номера и пожал каждому руку. – Я первый советник посольства СССР, Аваев Иван Иванович, будем знакомы.

Это был высокий, статный, элегантно одетый человек лет сорока пяти.

Хочу прежде всего обрисовать общую обстановку, сложившуюся к тому времени (в той мере, в какой она стала мне впоследствии известной). Юг Италии и все три острова (Сицилия, Сардиния и Корсика) находились в руках союзников (англо-американские войска высадились в южной Италии 9 сентября 43-го года, я попал в Алжир в начале ноября).

Алжир являлся тылом итальянского фронта, отсюда шло снабжение действующей армии людскими резервами, оружием, боеприпасами, военным снаряжением, продовольствием. Тот красивый город стал прифронтовым и жил в условиях затемне-

ния, как и все алжирские города. Огромные материальные ресурсы были сосредоточены в прилегающем к нему районе, военные склады тянулись на десятки километров и охранялись мощной англо-американской противовоздушной обороной. В Алжире размещалось временное французское правительство, возглавляемое де Голлем, поэтому здесь находилось и советское посольство, оно представляло интересы Советского Союза в освобождающейся от немцев Франции. Штат посольства состоял из четырех человек: посол Богомолов⁵, первый советник Аваев, военный атташе и шофер. Богомолов был нашим послом во Франции еще до начала войны. Своего помещения посольство не имело, все жили в отеле и там же осуществляли свою служебную деятельность. Сразу скажу, что встречались мы только с Аваевым, остальных и в глаза не видели.

Советским правительством Аваев был уполномочен собирать советских военнопленных, освободившихся из немецкого плена, и направлять их на родину. Основой служило соглашение между советским и английским правительствами. Последнее обязалось обеспечивать этот контингент продовольствием, одеждой и транспортировать до города Басра (Иран), где их передавали советскому командованию⁶. В осуществление этого соглашения в 25-ти километрах от города Алжира был создан транзитный лагерь, где люди жили, ожидая отправки на родину. Транспорт предоставлялся в случае, если в отъезжающей партии было не менее восьмидесяти человек.

Но вернусь к моей встрече с Аваевым. После ухода французского офицера наш разговор продолжился. Сразу хочу сказать, что Иван Иванович Аваев остался в моей памяти человеком высоких душевных качеств. Он проявил ко всем нам предельную доброжелательность и трогательное внимание. После возвращения в Москву в 1946 году у меня была мысль найти его, чтобы выразить ему свою признательность и глубокое уважение. Но, подумав, я с горечью отказался от этого намерения: на мне в то время было клеймо подозрительного человека, и это могло ему повредить. В первом же разговоре выяснилось, что оба мы моск-

вичи, живем в одном районе – Замоскворечье, оба принадлежим к одному социальному слою – интеллигенции. Он сразу отнесся ко мне с доверием.

Иван Иванович отвез нас на машине в транзитный лагерь, по дороге он сказал, что назначает меня старшим по лагерю.

Лагерь состоял из нескольких деревянных бараков, в каждом было по несколько больших комнат. Кровати с постельными принадлежностями, шкафы для одежды и обуви, радиоприемник в каждой комнате. В отдельном домике кухня, оборудованная всем необходимым, и продовольственный склад. Здесь же комната, в которой поселился я и где уже жили повар и его помощник – оба советские военнослужащие, ожидавшие отправки домой. Далее склад одежды и обуви: каждого прибывающего в лагерь одевали в форму английского солдата. Надел такую форму и я. Одна партия военнослужащих уже была отправлена в Советский Союз. Я попал во вторую⁷.

Итак, я стал “начальником”. Следил за соблюдением порядка, вел учет проживающих в лагере, принимал вновь прибывших, мои указания были обязательными и, надо сказать, выполнялись. Прием продуктов и учет их расходования, выдачу английской формы новеньким вел повар – он стал моим помощником. Это был парень лет двадцати пяти, очень неглупый, дисциплинированный и, кстати говоря, знаток своего дела. Назову его Сергеем. Не могу не отметить, что в продовольственный паек английского солдата (фронтовика!) обязательно входил чай с молоком (консервы) и туалетная бумага.

Каждый мог свободно выйти из лагеря и отправиться куда-либо по своему усмотрению. Я не раз ездил в Алжир. Для этого надо было выйти на шоссе, которое пролегло метрах в четырехстах от лагеря, и проголосовать. По шоссе сновали военные машины, и не было случая, чтобы если не первая, то вторая не остановилась. На американских машинах за рулем, как правило, были негры. Они гнали всегда на бешеной скорости, не снижая ее при обгоне попутных машин, и когда я ехал с ними, сердце замирало – катастрофа казалась

неизбежной. Тем же способом я добирался и обратно.

Аваев регулярно приезжал в лагерь, обходил бараки, беседовал с людьми. В один из своих приездов он предупредил меня, что на следующий день в лагерь прибывает (впервые) новый контингент – бывшие бойцы интернациональных бригад, сражавшихся в Испании на стороне республиканцев. После победы Франко они отступили на территорию Франции, были интернированы и содержались на юге страны. После оккупации немцами Франции и ее североафриканских колоний (Алжира, Марокко)⁸ правительство Петэна сослало интербригадовцев в лагерь, расположенные в оазисах северной части Сахары⁹. Изгнание немцев из Африки не изменило положения: союзное командование еще долго продолжало держать “интернационалистов” в лагерях Сахары, несмотря на их настойчивые просьбы дать возможность сражаться против немцев в составе союзных войск. В конце концов их вывезли из пустыни, но оружия не дали, а использовали для обслуживания военных складов в тылу действующей армии. Это имело политическую подоплеку: бойцы интернациональных бригад были убежденными коммунистами, союзное командование относилось к ним с недоверием, даже с неприязнью, и не хотело видеть их в составе своих боевых частей. Желая оказать моральную поддержку своим единомышленникам, советское правительство заявило, что разрешает интербригадовцам въезд в Советский Союз, и договорилось с правительствами Англии и США об отправке желающих.

В группе, которую я принял, было около сорока человек – немцы, венгры, поляки, чехи, прибалты и даже один француз. Немцев было больше всего – человек пятнадцать. Большинство прибывших имели офицерское звание. Это были, конечно, незаурядные люди. У меня сложились с ними вполне нормальные отношения, они неукоснительно соблюдали распорядок жизни лагеря. Почти все в той или иной степени говорили по-русски. Я подружился с одним из них. Это был врач, еврей из Риги, он владел немецким и французским и по моей

просьбе перевел на русский мою боевую характеристику.

7-го ноября был устроен праздничный ужин. Сергей расстарался, и все было очень вкусно. Интербригадовцы выставили много вина. Приехал Аваев, поздравил с праздником и сообщил, что получено известие о взятии Киева советскими войсками. Раздались бурные аплодисменты.

Вскоре число проживающих в лагере приблизилось к сотне. “Готовьтесь к отъезду”, – предупредил меня Аваев и предложил разбить весь состав на взводы и образовать роту. “Командиром роты будете вы, – добавил он. – Я представляю вас как старшего лейтенанта”. “Но ведь я только сержант”, – заметил я. “Сделать так необходимо, почти все интербригадовцы имеют офицерские звания, неудобно, чтобы ими командовал сержант”, – возразил он.

Были образованы два взвода интербригадовцев и три взвода из советских военнослужащих. Я назначил командиров взводов (одним из них стал Василий, который тоже был сержантом). Надо отметить, что среди советских военнослужащих не было ни одного офицера. Аваев сказал мне также, что, поскольку дипкурьеров в посольстве нет, мне будет доверена доставка в Тегеран дипломатической почты. “Для этой цели нужен еще один человек”, – добавил он. И по моей рекомендации такой человек был выделен. Назову его Андреем.

Наступил день отъезда. Накануне нас с Андреем отвезли в город, и Аваев в своем номере прибинтовал нам к груди по пакету с бумагами. “Только через ваш труп”, – с улыбкой напутствовал он нас.

В непосредственной близости от нашего лагеря находился еще блок барачков, не отделенный от нас оградой. Там проживали поляки – одно из подразделений армии генерала Андерса, которое с согласия советского правительства перебрасывается из Советского Союза (без оружия) в распоряжение польского эмигрантского правительства. Аваев сказал мне: “Они, очевидно, будут наблюдать за нашим построением. Поэтому особенно важно, чтобы все прошло хорошо”. Утром я собрал командиров взводов, обрисовал обстановку и предло-

жил обеспечить порядок при построении и дальнейшем следовании.

И вот рота построена. Поляки действительно высыпали из своих барачков и смотрели на нас во все глаза. Аваев обратился к строю: “Представляю командира роты – старший лейтенант Борис Фридман”. Я вышел вперед и скомандовал: “Рота, слушай мою команду!” Все прошло неплохо, Аваев остался доволен. А я вошел в образ твердого командира и оставался им вплоть до прибытия в Советский Союз. Строем мы дошли до шоссе, там нас ждали машины, все расселись – и в путь-дорогу!

Нас довезли до центрального железнодорожного вокзала Алжира, посадили в товарные вагоны с нарами, и через 10–12 часов мы прибыли в алжирский портовый город Филипвиль. Аваев ехал с нами. По пути была длительная остановка в городе Константине, где мы ждали, когда нас прицепят к одному из проходящих поездов.

Расскажу об одном происшествии. Когда Аваев выяснил, что мы двинемся дальше не раньше, чем через четыре часа, многие из нас, в том числе и я, решили пойти посмотреть город. Уже смеркалось. Аваев сказал, что лучше не ходить в одиночку – рядом с нашими вагонами стоял эшелон с подразделением армии Андерса, ожидая отправки в Алжир. Антисоветские настроения поляков были известны. Один из наших парней задержался, и когда он нас догонял, поляки перехватили его и довольно сильно поколотили. Это вызвало возмущение, как советских ребят, так и интербригадовцев, и нам с Аваевым стоило больших усилий предотвратить потасовку.

В Филипвиле нас ожидало большое английское судно. Мы поднялась на борт. Аваев представил меня встречавшему нас английскому офицеру: “Это командир нашего подразделения”. Нас разместили в просторном, благоустроенном трюме, каждый получил гамак, который днем складывался и хранился в шкафу, а ночью подвешивался к специальным стоякам. Аваев простился с нами, пожелав счастливого пути.

Ранним утром судно медленно отошло от причала и двинулось в путь. Мы шли в составе большого английского каравана из десяти-пятнадцати крупных торговых су-

дов, охраняемых военными кораблями. Направлялся караван в Тихий океан на дальневосточный театр военных действий, вез оружие, боеприпасы, продовольствие и людские резервы. Половину трюма занимали мы, другую половину – английские новобранцы, они были еще в штатском. Средиземное море было спокойным, я много времени проводил на открытой палубе, любуясь синевой неба и моря. Панорама каравана, растянувшегося на десяток километров, навсегда осталась у меня в памяти.

На судне четко соблюдался распорядок дня: в семь – подъем, умывание, завтрак, в 14 часов – обед, в 19 – ужин, в 20 – отбой. Пищу подавали в трюм. Несколько больших столов позволяли с удобством расположиться для еды. Назначаемые из нашей среды дежурные поддерживали чистоту и порядок. Ежедневно после завтрака делал обход дежурный офицер, и мы вместе проверяли состояние занимаемого нами помещения. Строго соблюдалось затемнение, все иллюминаторы были тщательно задраены, выходы на палубу закрыты несколькими рядами тяжелых занавесей. Внутренние помещения освещались круглые сутки, после отбоя часть освещения выключалась. Выходить на открытую палубу, вообще говоря, запрещалось, но строгого контроля не было, и я этим пользовался.

К нам был прикреплен английский полковник, отлично говоривший по-русски. Мы встречались с ним каждый день. Он был любезен, интересовался, все ли у нас в порядке, все ли здоровы, довольны ли питанием, нет ли каких-нибудь просьб и так далее. Я рассказал ему кое-что о себе. От него я услышал, что несколько месяцев назад корабль, на котором он плыл, был торпедирован немецкой подводной лодкой, и он пробыл в воде около трех часов, прежде чем его подобрали. “Знакомая картина”, – сказал я и объяснил, почему.

В один из дней прозвучал сигнал воздушной тревоги. Всем было приказано покинуть открытую палубу, но мне удалось остаться, и я мог наблюдать за происходящим. С каждого военного корабля и торгового судна были подняты несколько аэростатов и казалось, что воздушное простран-

ство над караваном закрыли на ключ. На большой высоте показались немецкие самолеты, и тут же из зенитных орудий был открыт интенсивный огонь. Бомбовых ударов не последовало, налет был отбит. Полковник сказал мне, что ночью, возможно, налет повторится и, чтобы запутать немцев, курс следования каравана изменен.

Около полуночи я вышел на палубу. Стояла темная ночь, на небе – ни звездочки. Очень далеко появились светящиеся точки, это были разрывы световых бомб – немцы искали нас. И не нашли. Следующий день и все последующие прошли спокойно, караван миновал опасную зону, близкую к острову Криту, где находились немецкие воздушные базы.

Экипаж судна относился к нам очень дружелюбно, а вот молодые англичане, наши соседи по трюму, не проявляли к нам ни малейшего интереса, хотя знали, кто мы.

Как-то раз нам предложили экскурсии по судну, можно было выбрать одну из трех: общий осмотр судна, знакомство с его вооружением (на борту имелась зенитная артиллерия и тяжелые зенитные пулеметы), осмотр машинного отделения. Я побывал в машинном отделении, которое производило большое впечатление.

В другой раз полковник спросил меня, нельзя ли организовать хор и дать концерт в кают-компании – известно, что русские хорошо поют. Я переговорил с ребятами, удалось собрать поющих, отрепетировали ряд популярных русских народных и советских песен, и концерт состоялся. Кают-компания была заполнена слушателями – членами экипажа, военными моряками, было довольно много штатских важного вида. Наш хор имел большой успех.

И вот показалась полоска берега – мы шли уже в нейтральных египетских водах и приближались к берегам Египта, к началу Суэцкого канала, к городу Порт-Саиду. Небольшая ширина канала позволяла судам идти только цепочкой, одно за другим. Караван приостановил движение, началась необходимая перегруппировка судов. Мы ждали своей очереди около двух часов и, наконец, двинулись. Перед входом в канал прошли широкую полосу небольших островов. Я весь день пробыл на открытой па-

лубе (запрещение находиться на ней было снято) и с интересом наблюдал за открывающейся панорамой. Берега канала выложены каменными плитами, прилегающая местность – сплошь песок, камни, лишь изредка попадаются одинокие пальмы, никаких признаков жилья. Но через каждые двести–триста метров по обе стороны канала – караульное помещение и военный пост: канал усиленно охранялся. Охрану несли египтяне, это было видно по темным лицам солдат. Вспоминается курьезный случай: патруль из двух солдат внимательно наблюдает за нашим проплывающим судном, и вдруг эти парни с хохотом, сверкая белыми зубами, пускаются в какой-то дикий пляс, затем неожиданно спускают штаны и показывают нам голый зад. Европейцы с недоумением и презрением смотрят на них. Что за этим крылось – непонятно. Недоброжелательное отношение к белым или внезапная вспышка веселья примитивного человека?

Караван двигался по каналу на малой скорости. К вечеру мы вошли в большое озеро и встали на рейд возле Исмаилии. После ужина я вышел на палубу – уже совсем стемнело – и застыл, пораженный увиденным: море огней расстилось передо мной (в Египте, как в нейтральной стране, затемнения не было¹⁰). На глаза навернулись слезы, ведь я два года прожил при ночном затемнении, и этот освещенный город показался мне чудом.

Ночь мы простояли на рейде, утром двинулись дальше и часов шесть спустя пришвартовались к причалам города Суэца. Канал был пройден. Нам предстояло сойти на берег, а каравану продолжить свой путь к Тихому океану.

Незадолго до остановки пришел попрощаться английский полковник. Я поблагодарил его за хорошие условия, которые были нам предоставлены, он отметил высокую дисциплинированность нашей группы. И вдруг отвел меня в сторону и вполголоса сказал: “Зачем вам возвращаться в Советский Союз, ваше положение там будет сложным и непредсказуемым, оставайтесь с нами, это наилучшее решение для вас, я делаю вам совершенно официальное предложение”. Мой ответ ясен. Полковник по-

дал мне руку, сказал, что сожалеет о моем отказе, и пожелал всего наилучшего.

Мы сошли на берег, сели в пассажирский поезд, доехали до Каира, пересели на другой поезд и вскоре оказались на центральном вокзале Александрии, где уже ожидали машины, доставившие нас в английский лагерь на дальней окраине города. Это был благоустроенный транзитный лагерь. Нас поместили в больших палатках с дощатым полом, покрытым линолеумом, каждый получил койку с постельными принадлежностями. Мы прожили там в ожидании отправки около двух недель. К нам был прикреплен английский офицер, хорошо владевший русским языком. Это был интеллигентный человек моего возраста, мягкий и деликатный, сын русской эмигрантки и англичанина. Он следил за тем, чтобы наша жизнь в лагере проходила без каких-либо осложнений. Я встречался с ним ежедневно, и мы всегда находили время для длинных разговоров на всевозможные темы. Мне запомнился этот славный человек. Однажды он мне сказал: “Я наблюдаю за вами. О-о! Вы настоящий офицер!”

Дня через два после приезда в этот лагерь меня нашел человек в штатском, представился сотрудником советского консульства и предъявил служебное удостоверение. Он сказал, что его обязанностью будет следить, чтобы у нас не было здесь никаких трудностей и больших задержек с дальнейшим транспортом. Ему было лет двадцать пять, держался он просто, дружелюбно, и мы с ним даже сдружились, хотя я вскоре понял, что имею дело с сотрудником госбезопасности. Жил он в гостинице в центре Александрии.

Лагерь находился рядом с железнодорожной станцией. Чтобы попасть на центральный городской вокзал, надо было проехать несколько остановок на пригородном поезде. Я часто бывал в Александрии. Этот город, как и Алжир, разделен на европейскую и арабскую части. Европейские кварталы были даже шикарнее, чем в Алжире. Красивейшие здания, роскошные магазины, заполненные товарами, бесчисленные рестораны и кафе, хорошо одетая публика. Вечером улицы и проспекты были

залиты светом, причудливая световая реклама придавала им особую прелесть. Эта разница объяснима: Алжир был прифронтовым городом и жил в затемнении, Александрия, город нейтральной страны, не знала трудностей военного времени, не испытывала никаких ограничений¹¹. Арабские кварталы представляли из себя настоящие трущобы, вход сюда военнотрущобным был строго запрещен: во-первых, улицы были заполнены проститутками, публичными домами с зазывалами, и командование опасалось заражения солдат венерическими заболеваниями; во-вторых, в закоулках трущоб нередко нападали на европейцев, в том числе и в военной форме, с целью ограбления. По улицам и закоулкам арабской части патрулировала английская военная полиция, и задержанным ими военнотрущобным грозило взыскание.

В своих блужданиях по городу я заходил и в арабскую часть, где меня однажды задержала полиция. Мне удалось объяснить, что я русский солдат, они были удивлены, но отнеслись ко мне дружески и отпустили, посоветовав тотчас же покинуть трущобы.

Гебист каждое утро приезжал в лагерь, я докладывал ему, как обстоят дела, и он вскоре уезжал. Когда я с ним подружился, мы часто отправлялись в город вместе. Както я зашел к нему в гостиницу, он позвонил в Алжир Аваеву, и мне было очень приятно поговорить с Иваном Ивановичем, который интересовался, как мы доехали, как себя чувствуем. В другой раз мы вместе с гебистом пошли в кино, смотрели голливудский мюзикл, произведший на меня большое впечатление. Неудивительно, ведь ничего подобного в Советском Союзе я видеть не мог.

Однажды прикрепленный к нам английский офицер пригласил меня в офицерский ресторан. Я был в солдатской форме, и при входе меня задержали – солдатам вход был запрещен. Мой спутник сказал, что я с ним, и я провел прекрасный вечер в обществе английских офицеров, друзей моего спутника. Еда была превосходной, оркестр и певица тоже доставили мне удовольствие.

В один из дней ко мне подошел человек лет пятидесяти в офицерской форме и на хорошем русском языке сказал, что рад

встрече с русским офицером, что в Александрии живет довольно большая колония евреев, эмигрировавших из Советского Союза, что сам он и его семья принадлежат к этой колонии¹². “Мы будем очень рады, если вы найдете время побывать у нас”, – закончил он. Мы договорились о дне и часе встречи, он дал свой адрес. Во мне заговорило советское воспитание, и я, подумав, предложил гебисту поехать вместе со мной. Тот охотно согласился.

Нас приняли с восторгом. Пришло много людей, желавших встретиться с русским офицером. Для собравшихся русские были героями, и мы в полной мере ощутили это на себе. Почти все хорошо говорили по-русски. Стол ломился от снеди и бутылок с вином. Время прошло в оживленных разговорах, песнях и танцах. В один из моментов хозяин подошел ко мне и тихо сказал, что в соседней квартире живут поляки, представители польского эмигрантского правительства, и что они, узнав о присутствии русских, приглашают нас заглянуть и к ним. Гебист замаялся и сказал, что ему идти нельзя. “А ты иди”, – добавил он, но я воздержался. Хозяин понял нас».

В последующие дни я несколько раз бывал в этой семье, и меня всегда встречали тепло и дружески. Все напоминало ту атмосферу, которая окружала меня на Корсике в доме художника. Я запомнил эту милую семью. Однажды я попросил хозяйку дома помочь мне купить пару туфель для жены (деньги у меня были); на следующий же день мы отправились по магазинам, и туфли были куплены. В другой раз, по ее наводке, я купил хорошие швейцарские ручные часы – на одной из улочек города все первые этажи были заняты часовыми магазинчиками, владельцами которых были армяне: в Александрии жила также многочисленная колония армян.

Близился день отъезда. В нашу группу добавились два русских офицера (лейтенанты), которые прибыли в лагерь еще до нас, и трое потомков русских эмигрантов – юноша и две девушки, выразившие желание воевать с фашистами в рядах Советской Армии. Я всех их занес в свои списки.

Подошел день отъезда. Мои еврейские знакомые приехали проводить меня, при-

везли мне чемодан, который заменил мой рюкзак. Утром я по счету сдал английским интендантам постельные принадлежности, которыми пользовалась наша группа. Офицер, прикрепленный к нам, присутствовал при этом. Он что-то сказал интендантам, и те вручили мне одеяло со словами: “Вам пригодится”. Это одеяло я довез до Москвы. Еврейские знакомые обратились ко мне с просьбой взять золотые часы и несколько золотых изделий, чтобы передать их родным, живущим в одном из городов Советского Союза. “За вещами они сами приедут в Москву, не беспокойтесь”, – говорили они мне в ответ на мои отказы, не понимая, ЧТО послужило тому причиной. Но я-то понимал, что на родине меня ждет непредсказуемое, что возможны любые осложнения, объяснил им это и был, наконец, правильно понят.

На этот раз мы едем в пассажирском поезде. Нас сопровождает тот офицер, который был прикреплен к нам в лагере. Гебист тоже едет с нами, но в другом вагоне. Каир, Исаилия, ночью переезжаем по мосту Суэцкий канал, около двухсот километров по Палестине вдоль берега Средиземного моря, Хайфа¹³. В Хайфе выходим из вагонов. Ясное солнечное утро. Нас встречают с духовым оркестром, на перроне длинные столы, уставленные блюдами с бутербродами, вазами с фруктами, бутылками с соком и минеральной водой, кувшинами с местным вином. Еврейские девушки в военной форме потчуют нас с улыбками. Я прощаюсь с гебистом. “До встречи в Иране”, – говорит он.

Нам предстоит проехать через Синайскую¹⁴ пустыню до Багдада, это около тысячи километров. Два десятка военных грузовых машин, оборудованных для перевозки людей, ожидают нас. Я обнимаюсь с милым офицером, нашим лагерным покровителем – он с нами дальше не едет. Мой помощник Сергей получает для всех сухой паек на несколько дней. “По машинам!” – команду я. В путь!

В головной машине ехал командир автоколонны, английский офицер – пожилой человек, подтянутый, вежливый, но несколько надменный. Во второй машине в кабине водителя сидел я, в кузове Сергей

со своими помощниками, там же находились наши продовольственные запасы. А за нами растянулся караван машин. Через каждые пятьдесят минут делалась десятиминутная остановка. Люди выходили, разминались. Англичане дали нам несколько футбольных мячей, и это позволяло соединять приятное с полезным.

Около шестидесяти километров мы проехали по территории Палестины, затем въехали в Иорданию, пересекли городок Ирбид – запомнились узкие улочки, низенькие бедные домишки, миновали несколько селений – и вот мы в Ираке, в Сирийской пустыне. Едем по стратегической шоссейной дороге, соединяющей Хайфу с Багдадом. Шоссе было в отличном состоянии. Прошло 55 лет с того времени¹⁵, и мне уже трудно описать эту встречу с пустыней, хотя картина была впечатляющей. Бескрайняя однообразная песчаная равнина окружала нас, она и завораживала, и угнетала. Иногда вдаль возникали одинокие верблюды, и это казалось чудом. Попадались какие-то низкорослые растения, стелящиеся по песку, которые только подчеркивали безжизненность пространства. Часто вокруг возникали высокие дюны, и тогда казалось, что кто-то пытается преградить нам дорогу. Было безветренно и тепло, жары не было – стоял декабрь 43-го года. Я был во власти новых, необычных впечатлений. Это ощущение необычности овладело многими моими спутниками, на остановках ко мне подходили наши русские деревенские парни и говорили, как они изумлены и очарованы этой природой.

К вечеру мы достигли оазиса Рутба (на полпути между Хайфой и Багдадом), где и остановились на ночевку в английском транзитном лагере. Нас разместили в благоустроенных палатках и порадовали горячим ужином. Вспоминаю такой эпизод: комендант лагеря, встречая нас, предупредил о необходимости экономить воду, и я дал соответствующее указание командирам взводов. Это указание выполнили все, за исключением немцев, из которых ни один не отказал себе в удовольствии принять горячий душ. Все наши осудили это, а я сделал замечание командиру немецкого взвода, который никак не мог понять, с ка-

кой стати им следовало отказаться от своих привычек.

После ужина меня неожиданно вызвали к коменданту лагеря. Я думал, что в связи с допущенным нами перерасходом воды, но дело было в другом. В комендатуре кроме коменданта меня ожидали несколько польских офицеров. Оказалось, что одновременно с нами в лагере находится небольшая группа военнослужащих польской армии Андерса, направляющихся из Советского Союза в Алжир, и что командованию этой группы известно об инциденте, имевшем место в городе Константине, когда поляки поколотили нашего солдата (я писал об этом выше). Офицеры опасались, что у русских возникнет желание поквитаться, и обратились ко мне с просьбой не допустить конфликта. “Мы, конечно, осуждаем то, что произошло в Константине”, – заверили они. Комендант поддержал их просьбу. Я пообещал принять все необходимые меры, мы дружески побеседовали и в заключение распили несколько бутылок вина. Вернувшись к себе, я собрал командиров взводов и предупредил о необходимости соблюдать порядок.

Перед сном я вышел из палатки. Глазам открылся небосвод, усеянный сверкающими звездами.

Утром наше путешествие продолжилось. К исходу дня картина изменилась: стали попадаться кустарники, затем деревья, пески отступили и, наконец, исчезли совсем. Мы проехали городок Рамади, проехали по берегу озера, и оно показалось каким-то чудом после песчаной бесконечности; переехали через Евфрат – реку, имевшую совершенно заунывный вид, и вот вдаль показались очертания города – это был Багдад. При въезде в город поразило своей причудливой красотой какое-то старинное здание. Уже смеркалось. Заночевали мы в военном общежитии.

На следующее утро мне удалось немного походить по соседним улицам, не представлявшим, впрочем, особого интереса. Очень хотелось посмотреть Багдад, но не пришлось – до отъезда было слишком мало времени. Помню, что по тротуарам бродили бедно одетые женщины, многие с детьми, и просили милостыню. К нашему удив-

лению они немного говорили по-русски: это были курды, эмигрировавшие из СССР.

Нас на машинах доставили на вокзал, вскоре подошел экспресс Стамбул – Басра, где наша группа разместилась в вагонах третьего класса, а меня как командира англичане посадили в купе второго класса. Около пятисот километров мы проехали по цветущей долине Евфрата. Я не отходил от окна. Пальмовые рощи, фруктовые сады тянулись непрерывной чередой, одно селение сменялось другим. В Басру мы прибыли во второй половине дня. Этот город находится в восемнадцати–двадцати километрах от иранской границы, на берегу реки Шатт аль-Араб, образовавшейся в результате слияния Тигра и Евфрата. Нам предстояло проехать по Ирану от самой южной его точки¹⁶ до самой северной.

Несколько слов об общей обстановке в регионе. Еще во второй половине 30-х годов началось проникновение фашистской Германии в Иран. Обладание этой страной дало бы ей большое стратегическое преимущество в подготавливаемой войне, и немецкое командование готовилось к захвату Ирана. Однако участники антигитлеровской коалиции нанесли превентивный удар: в августе 1941 года Иран был оккупирован советскими и английскими войсками, страна была поделена на две приблизительно равные части – северную и южную. Северную часть заняли части Советской Армии, южную – английской. Тегеран оказался в советской зоне. Я узнал об этих событиях еще от Ивана Ивановича Аваева.

В Басре нас встретили советские офицеры, но встреча ограничилась вопросами, все ли у нас в порядке, не нужна ли какая-нибудь помощь. Больше мы их не видели. Зато мы впервые увидели новую советскую военную форму, она всем понравилась, погоны произвели впечатление. Организация дальнейшей нашей транспортировки оставалась в руках англичан. Нас посадили на местный пассажирский поезд, мы переехали границу и через два часа были в иранском городе Ахвазе. Нам указали вагоны, в которых мы продолжим наше путешествие и которые будут прицеплены к вечернему поезду Ахвaz – Тегеран. Мы погрузили ту-

да наши продовольственные запасы и чемоданы, и до отхода поезда я походил по Ахвазу. Это был город скромных одноэтажных домов.

Уже стемнело, когда наш поезд тронулся. До Тегерана оставалось около семисот километров. Я плохо помню эту дорогу. Вспоминается, что когда мы находились еще в английской зоне, поезд остановился на какой-то станции. Я вышел из вагона подышать свежим воздухом. Было раннее утро. Вблизи от нашего вагона размещалось гнездо крупнокалиберных зенитных пулеметов, его обслуживали индийские солдаты. И я вижу: молодые, рослые красавцы-индийцы после умывания расчесывают длинные, до пят, волосы и заплетают друг другу косы. Они, очевидно, принадлежали к секте, членам которой запрещено стричь волосы. Я обменялся с ними улыбками.

Следующее, что мне запомнилось: из окна поезда была видна вдалеке бесконечная цепочка движущихся больших грузовых машин – это везли по ленд-лизу в Советский Союз боеприпасы, оружие и продовольствие. Как я позже выяснил, грузы по ленд-лизу доставлялись в один из иранских портов на Каспийском море и далее водным путем перевозились в Баку.

К вечеру мы прибыли в Тегеран. Нас встретила группа советских офицеров во главе с полковником. Я представился. Держались они корректно, но холодно. Спросили, нет ли больных. Я сказал полковнику, что мы везем дипломатическую почту, он был немного удивлен, сказал, что сообщит об этом в наше консульство. Мы погрузили на поданную машину продовольствие, наш скромный багаж и строем дошли до казармы, находившейся недалеко от вокзала. Всю группу разместили на нарах в больших казарменных помещениях, а меня провели в комнату дежурного офицера. Он спросил, в каком я воинском звании, когда и где попал в плен, причем все это в сочувственном тоне. В комнате стоял широкий диван. Офицер принес мне подушку, одеяло, а затем большую тарелку с бутербродами и полный до краев стакан водки. Пожелав спокойной ночи, он удалился.

Рано утром меня разбудили – надо собираться в путь. Пришел человек в штатском, я передал ему диппочту, он поблагодарил меня. Строем дошли до вокзала, машина привезла наш груз. Нам предоставили несколько теплушек, в одной из них поместились я, Сергей и его помощник, сюда же погрузили наши продовольственные запасы. Вскоре нас прицепили к пассажирскому поезду и мы поехали. Еще около трехсот километров по красивейшей дороге! Занимался солнечный день. Сергей соорудил роскошный завтрак и даже извлек из своих тайников бутылочку вина. В отличнейшем настроении мы приближались к границам Советского Союза».

Репатриантов привезли в Бендер-Шах, на берегу Каспийского моря. Там их разместили на окраине города в небольших домиках, кормили в столовой соседней воинской части. Через десять дней группу отправили на теплоходе в Красноводск, и уже оттуда, после прохождения карантина, 8 февраля 1944 г. автор воспоминаний попал в Рязанский спецлагерь.

* * *

Воспоминания Б.Н. Фридмана – единственные из известных на данный момент, где рассказывается о репатриации советских военнослужащих, преимущественно «русских рабов» Роммеля, из Алжира в 1943 г., и уже этим они представляют для нас исключительную ценность. Примечательны воспоминания и тем, что написаны уже в конце 1990-х годов, когда их автор был в весьма преклонном возрасте (напомню, что он родился в 1907 г.), и для публикации не предназначались, так что лишены какого бы то ни было идеологического налета и редакторской правки.

Ряд эпизодов, приведенных автором, ставят под сомнение стереотипные представления о враждебности советских властей к бывшим военнопленным и русским эмигрантам. Об этом говорит и отправка с Б.Н. Фридманом диппочты из Алжира в Тегеран, и поведение гебиста в Александрии, ходившего с ним в гости к русским эмигрантам. Судя по тексту, некоторые детали того времени стерлись из памяти

Б.Н. Фридмана, но в целом его воспоминания выглядят абсолютно достоверными.

Примечания

¹ См.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996, с. 52; Полян, Павел. Жертвы двух диктатур. М., 1996, с. 222; Егорин А.З. История Ливии. XX век. М., 1999, с. 115.

² Архив автора. Папка «Эль-Аламейн (1)». Л. 144–146. Письмо Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ от 20.5.2004, № 10/А-2252.

³ Там же.

⁴ Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф-1, д. Р-429, л. 142–163.

⁵ Богомолов Александр Ефремович (1900–1969) – советский дипломат. В 1940–1941 гг. – советник полпредства, затем полпред СССР во Франции. В 1941–1943 гг. – посол СССР при союзных правительствах в Лондоне, а затем вплоть до 1950 г. – посол СССР во Франции. В последующем занимал посты заместителя министра иностранных дел СССР, посла СССР в Чехословакии и Италии. См.: Дипломатический словарь, т. 1, М., 1971, с. 215.

⁶ Двойная неточность: Басра находится в Ираке, а не в Иране, а бывших военнопленных передавали советскому командованию не в Басре, а в Тегеране.

⁷ Неточность. Согласно справке из архива ФСБ, к этому времени из лагеря были отправлены уже две партии репатриантов.

⁸ Неточность: в Алжире и Марокко не было немецких оккупационных войск, но их администрация подчинялась правительству коллаборационистов генерала Петэна.

⁹ Об одном таком лагере, в городе Джельфа в Алжире, см.: Рубакин, Александр. Французские записи. 1939–1943. М., 1947, с. 195–228.

¹⁰ Египет действительно в конце 1943 г. еще не объявил войну Германии (это произошло лишь 26 февраля 1945 г.), но отсутствие затемнения объяснялось не этим, а тем, что к этому времени его территория оказалась глубоко в тылу.

¹¹ Неточность: в 1940–1942 гг. фашистская авиация совершила 229 воздушных налетов на Александрию, вызвав значительные разрушения. Подробнее см.: Алексий, епископ Пряшевский. И мир, и безмятежие даруя. Пряшев, 1951. Раздел «Огненное небо. Александрийская эпопея. Дневник священника. 1940–1942 годы», с. 148. В период, который описывает Б.Н. Фридман, город уже вернулся к мирной жизни.

¹² Здесь, по-видимому, неточность. Скорее всего, эти люди выехали из России еще до революции 1917 г. По крайней мере об эмиграции евреев в Египет из СССР в межвоенные годы данных нет. В 1943 г. численность русско-еврейской общины в Египте оценивалась в 800 человек, причем большинство из них проживало в Александрии. См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 87, оп. 7, п. 5, д. 11, л. 26–27.

¹³ Неточность. Расстояние от Исмаилии до Хайфы значительно больше, чем 200 км, причем путь лежит преимущественно по египетскому Синаю, а не по Палестине. В ходе арабо-израильских войн эта железная дорога была разрушена, сейчас она восстанавливается.

¹⁴ Ошибка: Сирийскую, а не Синайскую.

¹⁵ Воспоминания датированы 2000-м годом.

¹⁶ Неточность. Басра лежит напротив иранского города Хорремшехр, расположенного в центральной части страны.

Д.М. Тимохин

АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ ИСТОРИКИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ С ГОСУДАРСТВОМ АТАБЕКОВ КЕРМАНА

Отечественные и зарубежные исследователи монгольского завоевания Центральной Азии особенно подробно останавливались в своих трудах на изучении жизни последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны в период с 1219 по 1221 г., то есть во время его противостояния монгольским войскам, возглавляемым лично Чингиз-ханом. Безусловно, события этого периода жизни хорезмшаха в значительной степени повлияли на дальнейшую судьбу центрально-азиатского региона, а его поражение в битве у реки Инд в 1221 г. окончательно развязало руки монгольским завоевателям. Однако дальнейшая судьба хорезмшаха не только кажется любопытной с исследовательской точки зрения, но и оказала огромное влияние на историю указанных регионов. Созданное Джалал ад-Дином Манкбурны в период с 1225 по 1227 г. государство на территории Ирака, Кавказа и Западного Ирана вплоть до 1231 г. являлось, по сути, единственным препятствием для дальнейшей монгольской экспансии на запад.

Тем удивительнее, что количество исследований по истории этого государственного образования в мировой историографии крайне невелико. В отечественной науке единственным подробным исследованием этой проблемы является монография З.М. Буниятова¹; во всех других исследованиях монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана эта проблематика рассматривается либо поверхностно, либо же авторы интересуют отдельные события, связанные с ней. В зарубежной науке можно выделить такие подробные исследования проблемы, как сочинения И. Кафесоглу² и С. Дабира³, где истории этого государства уделяется значительное внимание. Однако необходимо отметить, что в мировой историографии проблемы нет ни одного специального исследования,

посвященного одной из ключевых проблем в истории государства хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, а именно противостоянию между ним и династией атабеков Кермана. Эта борьба не только привела к созданию независимого государства на территории Кермана, но и во многом предопределила дальнейший распад и гибель державы Джалал ад-Дина. Между тем арабо-персидские историки эпохи монгольского завоевания и господства в Центральной Азии подробно описали историю этого противостояния и его исход.

Говоря об арабо-персидских сочинениях, следует выделить труд Моин ад-Дина Натанзи, написанный в 1412 г., известный ранее как «Аноним Искандера»⁴, поскольку автор посвятил его сыну Тамерлана Искандеру, при дворе которого он жил. Указанный памятник содержит ценную информацию о первых годах существования государства Джалал ад-Дина Манкбурны на территории Западного Ирана и его взаимоотношениях с местными династиями. Он также содержит большой объем информации по истории династии атабеков Кермана и их взаимоотношений не только с хорезмшахом, но также и с монгольскими правителями и аббасидскими халифами того времени. Автор указанного труда специально выделяет раздел, посвященный атабекам этого региона, описывая их историю, начиная с основателя династии – хаджеба⁵ Барака.

В данной статье будут рассмотрены не только взаимоотношения между хорезмшахом Джалал ад-Дином Манкбурны и первым представителем династии атабеков Кермана, Хаджебом Бараком, но и отражение этих взаимоотношений в арабо-персидских исторических сочинениях. Весьма важно также проанализировать особенности складывания самого госу-

дарства Джалал ад-Дина и выявить то место, которое занимал Керман в политической системе этого государственного образования. Наконец, будет уделено внимание изучению причин, приведших к отделению Кермана от государства хорезмшаха, особенностей этого процесса и его результатов.

Прежде всего, необходимо кратко описать ситуацию, в результате которой Джалал ад-Дин Манкбурны вынужден был покинуть Северную Индию и отправиться в Керман. После разгрома в битве на реке Инд в 1221 г. Джалал ад-Дин попытался закрепиться на территории Индии, однако это удалось ему лишь частично. Авторитет Джалал ад-Дина как противника Чингизхана был столь велик в Северной Индии, что почти во всех местных владениях читалась хутба с его именем, чеканились серебряные и медные монеты. Но местные правители, несмотря на это, не собирались долго терпеть присутствие столь беспокойного соседа. Ан-Насави пишет об этом: «Однако такая зависимость от султана-пришельца владетелей Северной Индии не устраивала. Ил-Тутмыш, Кубача и другие владетели – князья, предводители войск и наместники областей – договорилось избавиться от Джалал ад-Дина. Они решили прижать войска султана к берегам реки Пянджшир, оттеснив туда, где бы не было ему возможности для защиты, и травить его, как ящерицу»⁶.

Положение хорезмшаха усугубилось изменой двух его крупных военачальников – Йезидек Пехлевана и Сункурджика, покинувших его в столь сложный момент. В этих условиях после обсуждения на военном совете Джалал ад-Дин принял решение уходить в Ирак Персидский, бывший тогда под властью его брата Гийас ад-Дина Пиршаха. «Сторонники ухода из Индии в Ирак (Персидский) отмечали, что это удобная цель для завоевателей, так как там царят самонадеянность и угодливость советников, которые заботятся о собственной безопасности. Они пренебрегают Гийас ад-Дином, считая его опору ненадежной, его политику мягкой, а его самого слабым»⁷. С другой стороны, в Ираке «большая часть военачальников благоволила Джалал ад-

Дину и они (военачальники. – Д.Т.), несомненно, нуждались в его присутствии»⁸.

После того, как Джалал ад-Дин Манкбурны принял решение покинуть территорию Индии и обосноваться в Ираке Персидском, ему и его войску пришлось с большими трудностями пересечь пустыню между Индией и Керманом. Ан-Насави упоминает о том, что данный поход был крайне тяжелым и для самого хорезмшаха, и для его войска. «Они испытывали в этих пустынях нужду в капле для губ, чтобы увлажнить рот, не говоря уже об отсутствии пищи... Спасшись, Джалал ад-Дин прибыл в Керман с четырьмя тысячами воинов, при этом некоторые из них ехали на коровах и ослах»⁹. Ан-Насави датирует это событие 621 г.х. (24.01.1224–12.01.1225), Казвини, подтверждая это, пишет: «В году 621 он вернулся в Персию и затем прибыл в Керман»¹⁰.

В Кермане Джалал ад-Дин был вынужден заниматься сложным делом – урегулированием отношений с местной элитой. Он заподозрил в измене и даже хотел убить наместника Кермана, хаджеба Барака, который, как полагают некоторые историки, изначально был верен хорезмшаху: «Когда в Ирак пришло известие о приближении монгольских войск под командованием Толан-Черви, Барак решил уйти в Индию, где находился Джалал ад-Дин. Едва он достиг Джирuftа, как на него напал владетель крепости Джувашир (Гувашир) Шуджа ад-Дин Абу-л-Касим»¹¹. Убив Шуджу ад-Дина, Барак осадил Джувашир, где засел с войсками сын покойного, желая отомстить за нападение не только отцу, но и его сыну. Именно за этим занятием и застал Барака Джалал ад-Дин.

По происхождению хаджеб Барак был кара-китаем или, по крайней мере, долгое время служил Гур-хану кара-китаев, а затем перешел на службу к хорезмшаху Мухаммаду. Об этом упоминает в своем сочинении Моин ад-Дин. «Первым из них (атабеков Кермана. – Д.Т.) был хаджеб Барак, бывший эмиром Гур-хана Кара-китаев, он (и брат его Таянку) [звание эмира улуса] имели. В то время, когда Мухаммад Хорезмшах в области кара-китаев одержал победы, хаджеб Барак вместе с другим бра-

том, по имени Хамид, поступили на службу к хорезмшаху и титулы свои под сенью его государства увеличили»¹².

Примерно то же самое о происхождении хаджеба Барака говорит и Джувейни. «Барак-Хаджеб и его брат Хамид-Пур были родом из Кара-китая, и в правлении хана Кара-китая Хамид-Пур участвовал в нескольких посольствах к султану. Когда же был захвачен в плен Таянку из Тараза, они были доставлены вместе с ним и добились успехов на службе у султана: Хамид-Пур со временем стал эмиром, а Барак стал хаджебом»¹³. Как видим, местные правители легко переходили со службы одному государю на службу к другому. При этом они могли сделать карьеру у каждого из своих повелителей. По всей видимости, Барак либо попал в плен в ходе войны хорезмийцев и кара-китаев, либо же добровольно покинул службу Гур-хана, предполагая, что последнему не выйти победителем из борьбы с тогдашним хорезмшахом – Кутб ад-Дином Мухаммадом.

В «Кембриджской истории Ирана» мы находим следующее изложение истории хаджеба Барака, которое в целом соответствует информации из источников. «Здесь (в Кермане. – *Д.Т.*) был Барак-Хаджеб, кара-китай по происхождению, который получил титул хаджеба на службе султану Мухаммаду и был прикреплен (затем) к Гийас ад-Дину. Назначенный правителем Исфахана, он поссорился с везиром Гийас ад-Дина и направился в Индию служить Джалал ад-Дину, но его отряд был атакован правителем крепости Джувашир»¹⁴.

О ссоре Барака с визирем Гийас ад-Дина, брата Джалал ад-Дина, в источниках нет информации: составители «Кембриджской истории Ирана» использовали, по всей видимости, сочинение Джувейни, но при этом добавили в повествование сведения, которых в источнике нет. «А что до Барака, тот отправился в Ирак к Гийас ад-Дину и поступил к нему на службу, став одним из его главных эмиров и получив титул кутлуг-хана. После подтверждения клятв и договоров Гийас ад-Дин назначил его командующим войска Исфахана. Когда пришло известие о приближении монгольской армии под командованием Толан-Черби, он

(Барак) попросил у Гийас ад-Дина разрешения отправиться в Исфахан, а после этого последовать со своей свитой в Индию через Керман»¹⁵. Исходя из сведений, приводимых Джувейни, никакой ссоры с везиром Гийас ад-Дина у Барака не было и, более того, Гийас ад-Дин дал свое согласие на уход Барака в Индию. Последнее выглядит маловероятно не только в силу того, что нигде, кроме труда Джувейни, такая информация не встречается, но и потому, что вряд ли Гийас ад-Дин, чье положение, если верить ан-Насави, было далеко непрочным, будет отпускать одного из своих хаджебов пусть и к собственному брату, тем самым усиливая Джалал ад-Дина Манкбурны.

Как уже говорилось выше, прибыв к крепости Джувашир, Джалал ад-Дин попытался установить хорошие отношения со всеми участниками конфликта: он приблизил к себе сына владетеля Джувашира, женился на дочери Барака, но, даже заподозрив самого Барака в измене, согласился на уговоры везира Шараф ал-Мулка и предотвратил казнь Барака. Шараф ал-Мулк говорил хорезмшаху следующее: «Барак – первый из правителей и знатных лиц страны, добровольно изъявивший покорность. Если поспешить с наказанием его за измену, сердца наполнятся ненавистью, души возмутятся, исчезнут симпатии и изменятся мысли и намерения»¹⁶. В итоге Джалал ад-Дин оставил Керман Бараку, а сам направился в Шираз – главный город области Фарс. Именно здесь, в Фарсе, Джалал ад-Дин начинает накапливать силы, заметно ослабляя своего собственного брата, Гийас ад-Дина Пир-шаха.

В европейской историографии сложилось свое видение ситуации, в результате которой Джалал ад-Дин покинул Керман и предоставил Бараку практически полную свободу действий. «Несколько дней спустя (после свадьбы с дочерью Барака. – *Д.Т.*) он (Джалал ад-Дин) отправился на охоту, от которой Барак отказался, ссылаясь на телесную немощь. Сомневаясь в истинности его мотивов, Джалал ад-Дин отправился обратно, вызвав к себе офицера, которой его (Барак. – *Д.Т.*) представлял, разобравшись с этим, он уехал в Ирак, но желал предварительно узнать у Барака о положе-

нии дел в этой области. Ответ Барака, хотя и был составлен в весьма вежливой форме, ясно показывал, что Барак хочет оставить Керман самому себе, его намерение стало и еще более ясным, когда он изгнал тех последователей султана, которые остались в Джувашире. Джалал ад-Дин не имел альтернативы, стерпел расстройство своих планов и продолжил свой путь, оставляя Барака укреплять свои позиции и создавать местную династию Кутлуг-ханов (1224–1303)¹⁷.

Данный отрывок из «Кембриджской истории Ирана» не только любопытен, но и весьма показателен, поскольку из него становится ясным, на каких источниках базировались авторы исследования при описании событий этого периода. Нет сомнений, что в этом случае основным памятником стал труд Рашид ад-Дина «Сборник летописей», из которого и были взяты сведения, приведенные выше. «Спустя дня три он поехал на охоту и осмотр пастбищ. Борак-хаджиб под тем предлогом, что у него болит нога, отстал. Султана в пути известили об его притворной болезни и промедлении; тот понял, что от задержки [Борака] в пути родится неповиновение [его султану]. Он послал к нему одного из [своих] особо приближенных [хавасс] со словами: “Так как поход на Ирак в скором времени будет окончательно решен, пусть Борак-хаджиб также прибудет к месту охоты для того, чтобы ввиду его опытности, а особенно осведомленности о делах Ирака, посоветоваться с ним и предпринять согласно одобренному им [соответствующие меры]”. Борак-хаджиб в ответ сказал [послу]: “Причина [моей] задержки – заболевание ноги, совет же мой [таков]: пусть султан как можно скорее осуществит [задуманный] им поход, так как Гувашир не годится для местопребывания престола государства и эта территория не подойдет его приближенным и подчиненным [хашам ва атба’], этой же крепости и владению не избежать [чьей-либо] комендатуры [кутвали] и [чьего-либо] наместничества [наиби]. Никто не сможет быть более расположенным [к султану], чем я, потому что я – старый раб с волосами, поседевшими на службе двору, а кроме того, я завоевал это владение мечом.

Если султан [все же] пожелает вернуться в крепость, [это] ему не удастся!”. [С этим] он отправил назад посла и, выпроводив из крепости остатки свиты султана, приказал запереть ворота»¹⁸.

В более ранних арабо-персидских исторических сочинениях сведений о подобном эпизоде с охотой и притворной болезнью мы не находим. Тот же ан-Насави пишет лишь о том, что Джалал ад-Дин заподозрил Барака в измене, хотел казнить, но, как уже говорилось выше, не стал этого делать, после чего покинул пределы Кермана. «И он нашел, что [хаджиб] внешне покорен, дружелюбен, чистосердечен в своем повиновении и расторопен. Джалал ад-Дин находился в Джувашире, столице государства и местонахождении престола, на протяжении месяца, пока не догадался, что тот замыслил предательство, затаив злой умысел и коварство. Тогда он посоветовался о его деле с лучшими своими сподвижниками, людьми преданными и верными, из числа своих на'ибов и хаджибов. Ур-хан посоветовал ему схватить его, очистить государство Керман и воспользоваться помощью [для похода] против других владений и областей»¹⁹. По всей видимости, Рашид ад-Дин в своем описании этих событий либо опирается на информацию из памятников, до нас не дошедших, либо же в значительной степени трансформирует эпизод с изменой хаджеба Барака.

Так или иначе, после прибытия Джалал ад-Дина в Керман Барак начинает прилагать все усилия для того, чтобы хорезмшах покинул пределы его области. Неувязка заключается в том, что с одной стороны, если верить информации из арабо-персидских источников, Барак хочет служить Джалал ад-Дину и для этого даже собирается бежать в Индию, а с другой стороны, старается всеми способами от хорезмшаха избавиться. В данном случае мы можем только высказать свое предположение, поскольку не находим в источниках информацию по этому сюжету. Видимо, Барак, вначале желавший служить Джалал ад-Дину, убедился в слабости хорезмшаха и решил, что в этой ситуации можно попытаться оставить Керман в своих руках. На тот момент у хорезмшаха действительно не

было достаточной военной и политической мощи, чтобы попытаться привести непокорного местного правителя в повиновение. Более того, даже его присутствие в Кермане ничего не могло изменить: Барак заперся в своей крепости и поставил в других ключевых городах региона своих людей, понимая, что у Джалал ад-Дина нет ни времени, ни сил на их осаду. Если у Барака был именно такой план, то он без сомнения удался: в прямую конфронтацию с Бараксом Джалал ад-Дин решил не ввязываться.

Покинув Керман, хорезмшах начинает собирать вокруг себя коалицию эмиров и местных правителей, которые были недовольны правлением его брата, Гийас ад-Дина. Первым Джалал ад-Дин приближает к себе атабека Фарса Саад ибн Занги, который «враждовал с его братом Гийас ад-Дином»²⁰. Джалал ад-Дин даже породнился с атабеком, женившись на его дочери, и таким образом Фарс, как и Керман, признали свою зависимость от Джалал ад-Дина. «Так как из-за обид, о которых говорилось выше, владетель Фарса атабек Са'д враждовал с его братом Гийас ад-Дином, Джалал ад-Дин захотел приблизить атабека к себе. Он направил к нему вазира Шараф ал-Мулка, выразив желание посвататься к его дочери. Атабек не замедлил согласиться, проявить покорность и поскакал галопом по ристалищу желаний [Джалал ад-Дина]. Упомянутый (Шараф ал-Мулк) возвратился, успешно добившись цели и щедро удовлетворив пожелание, он перевез благородную [невесту], доставив для чести султана редкостную жемчужину из раковины [одного] из владений. Породнившись с атабеком, Джалал ад-Дин заручился его поддержкой, и благодаря этому усилилась твердость его намерений»²¹. Ту же информацию мы находим в сочинении Хамдаллаха Казвини. «Затем он прибыл в Фарс просить руки дочери атабека Саада I Бен Зенги (5-й атабек Фарса из династии Сальгуридов), затем направился в Исфahan»²².

Так начинается процесс постепенного разрастания государства Джалал ад-Дина Манкбурны, в состав которого, кроме Фарса и Кермана, входили практически весь Центральный Иран, Азербайджан и в 1226 году Грузия. Когда хорезмийские войска

захватили Тифлис и самому хорезмшаху, казалось бы, уже нечего было опасаться, хаджеб Барак решил, что наступил удачный момент для окончательного разрыва и выхода из состава государства Джалал ад-Дина. «Султан Джалал ад-Дин пошел из Азербайджана в Горджестан»²³, чтобы им завладеть; и тогда он узнал, что Хаджеб Барак восстал против него, он за 17 дней вернулся из Тифлиса в Керман. Хаджеб Барак вышел и ему (чтобы ему принести оммаж²⁴), и султан даровал ему прощение»²⁵.

Государство, создаваемое хорезмшахом, начало рушиться. Измена хаджеба Барака стала отправным моментом будущего краха. Джалал ад-Дин не успел, по мнению ан-Насави, даже усмирить Барака, ибо войска ал-Малика ал-Ашрафа начали движение вглубь его территорий, что вынудило султана спешно вернуться в Тифлис.

Совершенно непонятно из рассказа Казвини, по какой причине Джалал ад-Дин все-таки даровал прощение Бараксу и оставил его управлять Керманом, хотя это был не первый случай проявления сепаратизма со стороны этого правителя. В сочинении ан-Насави ясно дается понять, что Джалал ад-Дин отправлялся в Керман с желанием раз и навсегда искоренить измену и подчинить эту область себе, поставив там наместником своего брата, Гийас ад-Дина. «Когда султан захватил Тифлис и распространил свои набеги до дальних границ Абхаза, до него все чаще стали доходить известия из Ирака о скверном замысле Барака в отношении покорности [султану] и о том, что он начал переписываться с татарами и обмениваться послами с ними, подстрекая их против султана. Кроме этого, он прекратил установленные в знак дружбы платежи. Шараф ад-Дин 'Али ибн ал-Фадл ат-Тафриши — вазир султана в Ираке — ежедневно сообщал вести о нем [султану]. Однажды от него к султану, когда тот находился в Абхазе, пришло сообщение, что упомянутый (Барак) расположился лагерем на одной из равнин, будучи уверен, что султан далеко. И султана побудил его пыл, представивший трудное легким, а ухабистый [путь] — ровным, к тому, чтобы напасть на Барака в Кермане. Султан отобрал

шесть тысяч легковооруженных воинов и взял с собой своего брата Гийас ад-Дина, обещая ему Керман, когда он будет освобожден от отступника. Ведь Керман был его владением, а он доверил его вероломному и положился на бесчестного»²⁶.

Единственным историком той эпохи, предлагающим вразумительный ответ на поставленный выше вопрос, был Ибн ал-Асир, который пишет следующее: «Когда Джалал ад-Дин услышал об этом, он был в походе, направляясь в Хилат, он отказался от захвата Хилата и устремился в Керман, проходя за день по несколько дневных переходов. Перед собой он послал вперед посла к наместнику Кермана с почетной одеждой, дабы усыпить его бдительность и нагрянуть к нему внезапно, когда он будет не готов к защите. Однако когда посол прибыл, Барак Хаджеб понял, что это хитрость, поскольку знал, что подобные уловки обычны для Джалал ад-Дина. Он захватил все ценное, чем дорожил, поднялся в мощную крепость и укрылся в ней. Начальникам других крепостей он назначил верных своих сторонников, чтобы они обороняли их. Затем он послал к Джалал ад-Дину послание, говоря в нем: “Воистину, я раб, мамлук. И когда я услышу о твоём возвращении в эту страну, я освобожу ее для тебя. Ведь это твоя страна, и она останется твоей, даже если бы я узнал, что ты навсегда остался в земле Бабека. А сейчас я в крепости, потому что всего боюсь”. Посол Джалал ад-Дина поклялся наместнику, что Джалал ад-Дин находится в Тифлисе. Но тот не принял во внимание его слова. Посол вернулся и сообщил Джалал ад-Дину, что тот не сможет легко захватить крепости, находящиеся в руках Барака Хаджеба, и ему придется осаждать их длительное время. Джалал ад-Дин остановился возле Исфахана, послал Барак Хаджебу почетную одежду правителя и утвердил за ним независимость правления»²⁷.

Сведения из труда арабского историка Ибн ал-Асира, с одной стороны, противоречат некоторым более поздним памятникам, в частности, труду Хамдаллаха Казвини, с другой стороны, такие подробности об этой экспедиции хорезмшаха не встречаются и в трудах более ранних историков.

В частности, тот же ан-Насави, который был осведомлен о деятельности Джалал ад-Дина очень хорошо, будучи его придворным секретарем, пишет об этом лишь следующее: «Султан устал, но не достиг желаемого в отношении Барака, так как упомянутый был осторожен. Когда султан узнал, как тот осторожен и насколько [сильно] укрепился, он вернулся обратно, разочаровавшись в том, на что было направлено его старание»²⁸. В данном случае сложно сказать, что же имел в виду ан-Насави под термином «укрепился»: в прямом ли смысле это было написано, и тогда точку зрения Ибн ал-Асира следует признать верной, либо же историк имел в виду то, что Барак успел изрядно укрепить свои позиции в Кермане и обзавестись союзниками. В любом случае следует признать сведения арабского историка скорее гипотезой, нежели окончательным решением проблемы: и в силу удаленности Ибн ал-Асира от происходившего в Кермане, и в силу того, что сведения свои он черпал преимущественно из рассказов беженцев, что тоже не может служить доказательством истинности написанного им.

Отсутствие вразумительного ответа на указанный вопрос в арабо-персидских сочинениях той эпохи заставляет нас делать предположения о том, почему же хаджеб Барак не только был прощен, но и остался у власти. Возможно, Барак уже наладил настолько хорошие отношения с соседями, что его опала означала лишь дальнейшую эскалацию конфликта, а может быть, с точки зрения хорезмшаха, Гийас ад-Дин, как преемник Барака у руля управления Керманом, был еще более ненадежным. Так или иначе, даже после прямого выражения неповиновения хаджеб Барак остался у власти в Кермане.

Стоит отметить тот факт, что дальнейшее развитие событий вокруг Кермана до мельчайших подробностей напоминало события почти полувековой давности, когда молодое государство Хорезмшахов – Ануштегинидов боролось за собственную независимость сначала с Сельджукидами, а затем с кара-китаями. В тот период хорезмшахи, не решаясь на прямое столкновение, копили силы и выжидали удобного

случая для открытого неповиновения. Так и хаджеб Барак, понимая, что в открытом столкновении Джалал ад-Дина Манкбурны ему не одолеть, укреплял отношения с соседями и копил силы, дожидаясь благоприятного момента, чтобы открыто заявить о своей независимости.

После того, как хорезмшах Джалал ад-Дин покинул пределы Кермана, оставив ситуацию без должного решения, хаджеб Барак в экстренном порядке заручился поддержкой многочисленных союзников для укрепления собственного могущества. При этом для Барака не имело значения, кем являлся его союзник, главное, чтобы этот союзник выступал против Джалал ад-Дина Манкбурны. Первым таким союзником Кермана стал мятежный брат Джалал ад-Дина, Гийас ад-Дин Пир-шах. Через год после событий с усмирением Барака он покинул своего брата в разгар битвы при Исфахане в 1227 г. и бежал сначала к исмаилитам Аламаута, а затем, как это ни покажется странным, в Керман. Там на Гийас ад-Дина возлагали поначалу, видимо, большие надежды, но потом поняли, что он не имеет практически никакого политического веса в Западном Иране.

В результате Гийас ад-Дин Пир-шах погиб в 1229 г. от руки хаджеба Барака в Кермане и его голова была послана хану Угэдю. При этом Барак писал хану: «У вас было два врага: Джалал ад-Дин и Гийас ад-Дин. Голову одного из них я посылаю вам!»²⁹. Никакой реакции со стороны хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны не последовало, то ли из-за того, что он не простил брату измену в битве при Исфахане, то ли у него не было возможности наказать Барака. Со своей же стороны Барак решил, что убийство Гийас ад-Дина Пир-шаха будет благосклонно встречено монголами, и те, в свою очередь, станут союзниками Барака.

О гибели Гийас ад-Дина Пир-шаха Лео де Хартог пишет: «Во время борьбы за власть новый султан (имеется в виду Джалал ад-Дин. – Д.Т.) ни минуты не колебался при совершении злодеяний, не менее ужасных, чем сам стерпел от монголов; простые люди, уже познавшие жестокость монголов, теперь должны были снова терпеть страдания от рук необученных вои-

нов хорезмийского султана. Чтобы укрепить свои позиции, Джалал ад-Дин приказал убить своего брата Гийас ад-Дина, которого он считал соперником»³⁰. Неясно, из каких арабо-персидских источников взято такое предположение, учитывая тот факт, что гибель Гийас ад-Дина достаточно подробно описана во многих из них и лично Джалал ад-Дин не имел к ней никакого отношения.

Дальнейшая политика хаджеба Барака, начиная с 1226 г. и вплоть до 1231 г., сводилась к попыткам обезопасить свое государство с востока и запада. Как отмечают источники, в обоих случаях он добился успеха. «Барак Хаджеб немедленно отправил послов с большими подношениями и дарами ко двору Багдадского халифа, а затем к Чингиз-хану ради того, чтобы в двух странах союзников иметь. От Святого двора Халифа он получил лакаб кутлуг-султана и от дивана Чингиз-хана он также получил лакаб кутлуг-хана»³¹. С этого момента можно уже говорить о том, что в Кермане образовалась независимая династия, получившая впоследствии название династии Атабеков Кермана.

Следует добавить, что хаджеб Барак начал укреплять свое государство на внешнеполитической арене и посредством выдачи своих дочерей замуж за могущественных соседних правителей. Моин ад-Дин пишет об этом следующее: «Он (Барак) имел четырех дочерей, которых также при жизни своей выдал замуж за четырех падишахов государств. Старшую из них, Сунадж Теркен, отдал Чингиз-хану для Джагатай-хана; и другую, Йагут Теркен, для атабека Кутб ад-Дина Махмуд-шаха Йезди отдал; и Маридж Теркен Махи ад-Дину, эмиру области Йезда, и Хан-Теркен выдал замуж за младшего брата того Кутб ад-Дина»³². Благодаря этим действиям хаджеб Барак заручился еще большей поддержкой соседних правителей и мог быть, по-видимому, спокоен за судьбу своей династии. Безусловно, его столь энергичные действия в этом направлении говорят о наличии продуманной стратегии, благодаря которой удалось не только отстоять независимость в борьбе с таким серьезным противником, как Джалал ад-Дин Манкбурны, но и заложить тот

фундамент, на котором династия Атабеков Кермана просуществовала вплоть до 1304 г.

Рассмотрев историю взаимоотношений Джалал ад-Дина и хаджеба Барака, можно сделать несколько выводов как относительно самой ситуации вокруг Кермана с 1225 по 1231 г., так и о том, какое отражение этот процесс нашел в арабо-персидских исторических сочинениях той эпохи. В первую очередь хотелось бы сказать о том, что отделение Кермана от созданного Джалал ад-Дином государства стало логичным итогом не только деятельности хаджеба Барака, но и бездействия, а также откровенных политических ошибок хорезмийского правителя. С самого начала своих отношений с правителем Кермана хорезмшах не смог проявить присущей ему твердости и жесткости и задушить росток сепаратизма на территории своей державы. Все последующие попытки поставить Барака на место и заставить его подчиняться воле хорезмийского правителя были также не доведены до конца, и винить в этом Джалал ад-Дин должен был только себя. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов политическую дальновидность и изворотливость самого Барака. Используя все доступные ему средства и идя на определенный риск, особенно в случае с убийством Гийас ад-Дина Пиршаха, он сумел добиться поставленной цели и создать собственную независимую династию. Кроме того, ту легкость, с которой Барак добился своего, следует объяснить и особенностью государственного образования, созданного Джалал ад-Дином Манкбурны. Его держава была результатом политических интриг и военных действий хорезмийского правителя, который в целом ряде случаев оставлял у руля власти на местах политических деятелей, правивших там до его прихода, что создавало благодатную почву для сепаратизма. Поэтому, как только хорезмшах начал слабеть и терпеть поражения, эти местные правители один за другим стали от него отделяться и даже переходить на сторону его противников. Все это, безусловно, было политической ошибкой Джалал ад-Дина Манкбурны, который в ходе своих действий в период с 1225 по 1231 г. зарекомендовал себя как великолепный военачальник, но также и

как весьма слабый политик и администратор.

Арабо-персидские историки эпохи монгольского нашествия на Центральную Азию и Иран в своих сочинениях уделяли много внимания формированию и истории государства Джалал ад-Дина Манкбурны. Противостояние же хорезмшаха и хаджеба Барака, а также вся история отделения Кермана и создания там независимой династии также были описаны этими историками достаточно подробно. Однако, как уже отмечалось выше, некоторые эпизоды этого противостояния, в особенности причины того, почему Джалал ад-Дин пощадил Барака в 1226 г., описаны историками крайне скупо и неясно. Часть эпизодов из поздних памятников, например, труда Рашид ад-Дина, отсутствует в более ранних исторических сочинениях, что требует, безусловно, дополнительного изучения. Отметим также и тот факт, что при описании действий Барака более ранние историки, такие, как Ибн ал-Асир и ан-Насави, достаточно нелицеприятно отзывались об этом правителе, в то время как в более поздних памятниках эта эмоциональность историков исчезает. Это следует объяснять как временем написания памятников, так и тем фактом, что более поздние историки, начиная с Джувейни, находились на службе у монгольских правителей, и выражать такие же мысли в отношении Барака и тем более описывать его изменником, как это было у ан-Насави, явно не входило в их планы. Не будем забывать о том, что одним из первых политических шагов Барака как самостоятельного правителя была отправка посольства к монголам с выражением им своей верности. Наконец, отметим тот факт, что важную роль в изучении политической деятельности Барака играет исторический труд Моин ад-Дина Натанзи, где говорится о политических связях Кермана не только с монголами, но и с Багдадским халифом. Об этом не пишет большинство других историков того времени – то ли по причине незнания, то ли не желая выставить в дурном свете этого мусульманского правителя.

Данная статья является одним из первых шагов к исследованию взаимоотношений хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны и

государства Атабеков Кермана в период с 1225 по 1231 г. Дальнейшее изучение этой проблемы видится нам, безусловно, важной научной задачей. С одной стороны, в силу того, что это позволит несколько лучше понимать особенности формирования и истории государства Джалал ад-Дина Манкбурны. С другой стороны, это способствует детальному изучению информации из арабо-персидских исторических сочинений, касающейся как истории государства Джалал ад-Дина, так и истории его противника – хаджеба Барака и основанной им династии Атабеков Кермана.

Примечания

- ¹ Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов–Ануштегинидов. 1097–1231 г. М., 1986.
- ² Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara, 1956.
- ³ Dabir Seyagi. Sultan Djalal ad-Din Horezmshah. Tehran, 1977.
- ⁴ Natanzi Moin ad-Din. Montahab at-tavarikh-e Moini. Tehran, 1957.
- ⁵ Хаджеб или хаджиб – высокий военный чин в эпоху Сельджукидов и Хорезмшахов.
- ⁶ Ан-Насаби. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973, с. 130.
- ⁷ Там же, с. 136.

- ⁸ Cambridge History of Iran. Cambridge, 1968, Vol. 5, p. 323.
- ⁹ Ан-Насаби. Указ. соч., с. 139.
- ¹⁰ Hamdallah Kazvini. Tarihi gouzide. Paris, 1903, Vol. I, p. 425.
- ¹¹ Бунятов З.М. Указ. соч., с. 160.
- ¹² Natanzi Moin ad-Din. Op. cit, p. 23.
- ¹³ Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира М., 2004, с. 339.
- ¹⁴ Cambridge History of Iran. Vol. 5, p. 323.
- ¹⁵ Джувейни. Указ. соч., с. 339.
- ¹⁶ Ан-Насаби. Указ. соч., с. 140.
- ¹⁷ Cambridge History of Iran. Vol. 5, p. 324.
- ¹⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 2. М.–Л., 1952, с. 239.
- ¹⁹ Ан-Насаби. Указ. соч., с. 134.
- ²⁰ Там же, с. 135.
- ²¹ Там же.
- ²² Hamdallah Kazvini. Op. cit, p. 426.
- ²³ Горджестан – Грузия.
- ²⁴ Так переведено с персидского на французский язык.
- ²⁵ Hamdallah Kazvini. Op. cit, p. 428.
- ²⁶ Ан-Насаби. Указ. соч., с. 162–163.
- ²⁷ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. Полный свод по истории. Ташкент, 2006, с. 383–384.
- ²⁸ Ан-Насаби. Указ. соч., с. 164.
- ²⁹ Djuveini. The History of the World-conqueror. Manchester, 1959, V. 2, p. 268.
- ³⁰ Хартог Лео. Чингисхан. Завоеватель мира. М., 2007, с. 205.
- ³¹ Natanzi Moin ad-Din. Op. cit, p. 23.
- ³² Ibid, p. 23.

Д.Д. Васильев

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В КИТАЙ ЧЕРЕЗ МОНГОЛИЮ
В 1820 И 1821 ГОДАХ» Е.Ф. ТИМКОВСКОМ И ЕГО БРАТЬЯХ***

Одним из известнейших описаний Монголии и Китая на русском языке, составленных в начале XIX в., является путевой дневник чиновника Азиатского департамента министерства иностранных дел Егора Федоровича Тимковского. По поручению сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского он совершил путешествие в Пекинскую православную миссию и принял впоследствии горячее участие в драматической судьбе доставленного в Петербург настоятеля миссии, замечательного ученого-синолога Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа). «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковского (СПб., 1824) на длительный период стало в России одним из самых популярных источников по истории, культуре, обычаям и повседневной жизни Монголии и Цинского Китая, а также по истории русско-китайских отношений и Русской духовной миссии в Пекине.

В книге опубликован целый ряд важных документов того времени и, что особо ценно, в нее включены оригинальные исследования автора (его «Взгляд на Монголию» занимает большую часть третьего тома «Путешествия») и одно из наиболее ранних жизнеописаний Будды на русском языке («Жизнь Шигемуня»). Все это делает труд Е.Ф. Тимковского заметным вкладом в отечественное востоковедение.

Дневник Е.Ф. Тимковского привлек к себе внимание, причем не только в России, сразу же после его публикации. Вскоре после издания книги были опубликованы ее переводы на английский (Timkowski G. *Travels of the Russian Mission through Mongolia to China*. 2 vol. London, 1827), француз-

ский (Timkovski, Egor Fedorovich; *Voyage a Péking, a travers la Mongolie, en 1820 et 1821*, Edited by Julius von Klaproth. 3 volumes, including Atlas. Paris, 1826–1827), голландский и немецкий языки (Timkowski, G. *Reis naar China, door Mongolië, gedurende de jaren 1820 en 1821*. Bd. I–III. Bohn, 1826, Timkowski G. *Reise nach China durch die Mongolei in den Jahren 1820 und 1821*. 3 Bde. Wien, 1826). Эти издания, так же, как и первое оригинальное издание, в настоящее время являются библиографической редкостью. Однако востребованность и научная ценность труда явились основой для переиздания переводов работы Е.Ф. Тимковского на английский (Gregg Publishing, 1973) и французский (*Voyage à Pékin / George Timkovski; avertissement de Jacqueline Thevenet*. Paris: Kimé, 1993) языки.

Несмотря на это, читателям и даже специалистам остается малоизвестной сама личность Е.Ф. Тимковского, его окружение, его общественная и служебная деятельность как чиновника Азиатского департамента МИДа России, чьи заслуги и способности высоко ценились такими видными политическими деятелями, как, например, М.М. Сперанский.

Егор Федорович Тимковский являлся представителем известного дворянского рода. Каждый из пяти братьев Тимковских, Иван, Илья, Василий, Роман и Егор, оставил свой след в истории отечественной науки и литературы. Ниже приводятся сведения о братьях Тимковских из «Русского биографического словаря» (СПб., 1905–1918, тт. 1–38) и сопровождающая статьи библиография работ об их жизни и деятельности.

* * *

* Работа по исследованию и подготовке к публикации книги Е.Ф. Тимковского выполняется по гранту РГНФ 09-01-00120а.

Тимковский, Иван Федорович¹, поэт и переводчик конца XVIII и начала XIX столетия, учился в Киевской духовной академии,

окончил Московский университет с тремя медалями. Служил в канцелярии графа Воронцова, а потом в комиссии сочинения законов. Умер молодым, на 30-м году. Т. переводил с немецкого и английского языков и помещал свои оригинальные стихотворения и переводы в повременных изданиях того времени. В «Приятном и полезном препровождении времени» им помещено за 1796 г. «К пышной гробнице (ч. XII, стр. 97); за 1797 г.: «Мысли прекрасной вдовы о цветах», перев. с немцк. (ч. XIV, стр. 17), «Выписки из арабской рукописи» (ч. XIV, стр. 38), «Суд», перев. с нем. (ч. XIV, стр. 49), «Подобие лица, истинное происшествие в Германии» (ч. XV, стр. 49); за 1798 г.: «Приятный вечер при лунном сиянии», перев. с нем. (ч. XIX, стр. 209), «Утро в Вильденфельде, перев. с нем. (ibid, стр. 363), «Маркелл из Сиракуз», из Т. Ливия, кн. XXV, гл. 24 (ibid., стр. 382), «Милый кавалер» (ч. XX, стр. 20), «Кончина Фокшнова», стих. (ibid., стр. 125), «К луне», стих. (стр. 140). В «Ипокрене» за 1799 г.: «Сцены 31 декабря 1798 г.», стих. (ч. I, стр. 125), «Утомленный странник» (ibid., стр. 151). Свои журнальные статьи подписывал сокращенным именем *И-ъ Тмквск.* или *Т-й*. Кроме того, Т. отдельно издал: «Природа и любовь», соч. Мильтенберга, перев. (Москва, 1799), «Жизнь Екатерины Великой», соч. барона Танненберга (Москва, 1801, 2-е изд. СПб., 1804), «Секретарь новый или полный письмовник, содержащий в себе полное наставление, как должно образовать себя в письменном слоге», 2 части (Москва, 1801), «Полное собрание сочинений Геснера», 4 части (Москва, 1802–1803).

Тимковский Илья Федорович², профессор российского правоведения Харьковского университета, директор Новгородсверской гимназии, педагог и писатель, родился 15 июля 1772 или 1773 г. в Переяславле (Полтавской губ.). В 1777 г. семья Тимковских переехала в свое имение в Золотоношскую сотню, а затем в село Згарское. Четыре года Т. обучался дома, некоторое время вместе с сестрой и двоюродными братьями у монахинь Золотоношского Благовещенского женского монастыря, устроивших у себя нечто вроде маленького пансиона. В 1781 г. его определили в Переяславльскую семинарию, а затем в 1785 г. Т. поступил в

Киевскую духовную академию. Из академии ежегодно поступало несколько человек в Московский университет; они писали своим товарищам о профессорах, занятиях в университете, московской жизни. Известия эти побудили Т. по окончании академии, в сентябре 1789 г., отправиться в Москву и поступить в университет. Университетский курс Т. прошел блестяще. Он получил за представленные сочинения 2 серебряные медали, в 1790 и 1792 гг., по философскому факультету, и серебряную и золотую, в 1793 и 1795 гг., по юридическому факультету. Больше всего Т. занимался правоведением. «Кончив первый курс, – пишет он в своих «Воспоминаниях», – я предался правам и политике, удерживал только прикладную математику, по любви моей: знание побочное, но которое на веку часто было мне пригодно». Будучи студентом, Т. сотрудничал в газетах и журналах того времени, помещая стихи и статьи в прозе, как переводные, так и оригинальные, за подписью *И-я Тмквск.* Одно из его стихотворений, помещенное в №1 «Московских Ведомостей» за 1797 г., обратило на себя внимание куратора университета, князя Ф.Н. Голицына.

В 1797 г. Т. окончил курс университета. В это время генерал-прокурор князь А.Б. Куракин обратился в университет с просьбой доставить ему двух сведущих правоведов; конференция в числе этих двух выбрала и Т. В начале 1797 г. Т. уехал в Петербург и 7 февраля того же года назначен преподавателем российского правоведения в сенатский юнкерский институт, а в 1801 г. определен секретарем сената. Здесь им составлено было «Систематическое расположение законов российских» – первый опыт систематизации русских законов. За это сочинение он в августе 1802 г. награжден был бриллиантовым перстнем, само же сочинение передано было в Комиссию сочинения законов через графа П.В. Завадовскаго. Последний предложил ему поступить в самую комиссию, но Т. отказался. В том же 1802 г., когда образованы были министерства, Т., по предложению назначенного тогда министром юстиции Г.Р. Державина, занял должность юрисконсульта при департаменте министерства юстиции. Здесь он составил, по поручению Державина, «Проект третейского совестного суда».

В этой должности Т. пробыл недолго, около 4 месяцев. В январе 1803 г. он получил два предложения: одно от Дерптского университета – занять в качестве ординарного профессора кафедру российского правоведения, другое – от назначенного попечителем Харьковского учебного округа графа С.О. Потоцкого – сделаться профессором Харьковского университета, который еще предстояло открыть. Желая быть ближе к родине, он принял последнее предложение. Вместе с тем на него возложена была обязанность визитатора учебных заведений Харьковского округа. В июне 1803 г. Т. переселился в Харьков. На его долю выпало немало труда в деле приготовления открытия университета, так как В.Н. Каразин принужден был выехать из Харькова в Петербург. Т. заботился о приискании и приготвлении здания для университета, о сборе пожертвований и т. п. В марте 1804 г., с приездом Потоцкого, был образован Комитет университета, в который вошел и Т.; к торжественному открытию университета он составил церемониал и сочинил для этого случая стихотверение. Читал Т. «российское право, не только гражданское и уголовное, но также общее и частное, вместе с историей оных». Лекции его отличались витиеватостью и вычурностью языка и с большим трудом усваивались студентами. Больше всего деятельность Т. проявлялась в визитации учебных заведений обширного в то время Харьковского округа. О результатах своих ревизий он представлял подробные отчеты, хранящиеся в архиве Харьковского университета, попечителю или его заместителю Н.Н. Новосильцеву. По словам Лавровского, в этих отчетах заключается обильный материал для истории учебных заведений Харьковского округа. «Едва ли, – говорит Лавровский, – какой город ускользнул от посещения Т.; из отчетов его можно видеть, с каким участием и любознательностью относился он к разным сторонам и явлениям тогдашней провинциальной жизни, хотя бы во все и независимым от непосредственно порученного ему дела. Он проверял при ревизиях не только познания учеников, но и учителей, проектировал устройство при университетах краткосрочных педагогических и методологических курсов для учителей низших учебных заведений, высказывался в своих

отчетах за широкое распространение грамотности среди крестьян». При содействии Т. были устроены вновь открытые Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Воронежская, Новгородсеверская, Таганрогская и Одесская гимназии и уездные училища в тех же губерниях. Т. состоял членом правления университета, членом училищного и цензурного комитетов; кроме того, в 1807, 1810 и 1811 гг. он был деканом Отделения нравственно-политических наук, а в 1810 г. назначен был членом комитета «для испытания чиновников и преподавания наук молодым людям, обязанным гражданской службой», причем составил программу испытаний по праву и государственному хозяйству. В 1805 г. Московский университет признал его доктором прав *honoris causa*, а в заседании 18 декабря 1804 г. то же сделал и Харьковский университет. В 1811 г. Т. подал прошение об отставке и был уволен из университета. При этом совет университета, перечислив все заслуги Т., счел нужным заключить, что «университет всегда с величайшей признательностью будет вспоминать, что устройство весьма многих училищ в округе университета, теперь цветущих, обязано благоразумию, усердию, неутомимому труду проф. Тимковского» (в заседании 15 июля 1811 г.). За время службы при университете были напечатаны три его речи: «О бывших в России поместьях и поместном праве» («Речи, говоренные в торжественном собрании Харьк. унив. 30 июня 1810 г.», Харьков, 1811), «О применении знаний к состоянию и цели государства» (то же, от 17 января 1808 г., Харьков, 1808), «Опытный способ к философическому познанию российского языка» (Харьков, 1811).

По выходе в отставку Т. поселился в своем имении Турхановке, Черниговской губ. 18 августа 1812 г. он был избран членом дворянского комитета, снаряжавшего ополчение во время Отечественной войны, и состоял в нем по 2 января 1815 г. С 1815 г. служил по выборам два трехлетия Глуховским уездным судьей. В 1825 г. вновь назначенный попечитель Харьковского учебного округа А.А. Перовский предложил ему занять должность директора Новгородсеверской гимназии. В первые годы заведывания Т. гимназией произошло

некоторое уменьшение числа учеников в ней в виду строгости экзаменов, как вступительных, так и переводных, но вслед затем число это стало быстро возрастать: в 1833 г. было 126 учеников, а в 1838 г. – 454. Поэтому в Новгородсеверской гимназии раньше, чем в большей части губернских гимназий, потребовалось разделить первые три класса на два отделения, о чем состоялось Высочайшее повеление 27 декабря 1838 г. Успешная педагогическая деятельность Т. побудила попечителя вновь образованного Киевского учебного округа Е.Ф. фон Бранке предложить ему занять место директора Нежинского лицея в 1834 г., но Т. отказался, мотивируя отказ желанием быть поближе к своим родным и привязанностью к Новгородсеверской гимназии.

В 1838 г., утомленный многолетними трудами, Т. вышел в отставку и окончательно поселился в Турхановке, посвящая свое время сельскому хозяйству, в частности, пчеловодству. Он напечатал «О состоянии пчеловодства в Черниговской губ.» («Москвитянин», 1853, № 19). Т. написал также свои воспоминания, о которых с похвалой отзывался Погодин, они помещены в «Москвитянине» за 1852 г. и перепечатаны были в «Русском архиве» за 1874 г. Кроме того, им помещена в «Москвитянине» статья «Судья и парадоксы» (1855, № 19). В бумагах его есть указание на сочинение, написанное им на латинском языке в бытность его в Харьковском университете: «Сравнение юстициановых законов с российскими», за которое Геттингенское ученое общество избрало его своим членом в 1809 г., причем осталось невыясненным время и место его издания. Умер Т. в Турхановке, в феврале 1853 г., 80-летним стариком.

Тимковский, Василий Федорович³, гражданский губернатор Бессарабской области, писатель, родился в 1781 г. Первоначальное образование, подобно братьям, получил под руководством монахинь Золотоношского Благовещенского монастыря. С детства он предназначался родителями к поступлению в монашество, но в Киевской духовной академии, где он получил высшее образование, Т. увлекся литературой и воспротивился намерению родителей. На студенческой скамье он занимался переводами из иностранных язы-

ков и писал стихотворения на духовные и светские темы; несколько его стихотворений напечатано в книге «Радостные чувствования муз» (Киев, 1796), которой академия приветствовала нового киевского митрополита Иерофея. По окончании академического курса Т. несколько лет жил, по-видимому, в небольшом родительском имении в Золотоношском уезде. В 1804 г. появился в печати его перевод «Путешествия Морица по Англии» (Москва) и два года спустя – «Жизнь графа Миниха» Галема (Москва, 1806). Только в 1810 г. он поступил на государственную службу – в канцелярию государственного совета. Т. был человеком несомненно весьма способным, о чем свидетельствуют как знавшие его (напр., М.А. Максимович), так и те должности, которые он занимал: человек относительно безродный, он, с самого начала службы и долгое время в течение ее, состоял для особых поручений при влиятельных лицах, а поручения ему давались иногда исключительной важности. В канцелярии Государственного совета он состоял при председателе Департамента государственной экономики Н.С. Мордвинове. В начале 1812 г. его взял к себе бывший тогда в звании государственного секретаря А.С. Шишков. Т. был постоянным спутником и сотрудником Шишкова во всех его путешествиях по России и Европе вслед за императором Александром I. Ему поручалось, между прочим, составление манифестов в эпоху войн с Наполеоном. Позже Т. занимал последовательно должности: правителя канцелярии при полномочном наместнике Бессарабской области, начальника обоих отделений Азиатского департамента министерства иностранных дел, председателя Оренбургской пограничной комиссии.

По просьбе главнокомандующего в Грузии Ермолова он был командирован к нему для особых поручений. В 1826 г. был назначен губернатором Бессарабской области, каковым оставался до 1828 г. Умер Т. в 1832 г.

В бытность чиновником для поручений при бессарабском наместнике Т. собирал материалы для истории этого края и использовал их в труде «Истории Бессарабии» (написана в 1816–1817 гг.), не напечатанному, так как рукопись погибла во время петербургского наводнения. М.А. Максимович свидетельству-

ет о другой работе Т., историческом исследовании под названием «Князь Курбский», но о судьбе ее ничего не известно. Во время своих путешествий и поездок он вел путевые заметки и писал записки о Кавказе; рукописи эти тоже, по-видимому, погибли. Видевший их М.А. Максимович очень высокого мнения о их достоинствах, так же, как и о талантах их автора, о которых он говорит: «Сила пера его нередко уравнивалась с силою его увлекательного изустного слова, в котором я не знал ему равного».

Тимковский Роман Федорович⁴, филолог, ординарный профессор Московского университета по кафедре римской и греческой словесности, доктор философии, родился в 1785 г. в деревне Згаре Полтавской губернии, Золотоношского повета. Элементарные начатки грамоты мальчик получил в келье своего дяди, инока Киево-Печерской обители; аскетический образ жизни первого наставника и суровая окружающая обстановка оказали на душу ребенка настолько сильное впечатление, что уже из него некоторые биографы Т. пытаются вывести те черты, которые отличали его характер в позднейшем, необщительность, любовь к уединению, некоторая суровость и пр. С элементарными познаниями мальчик вступил в число учеников Киевской академии, но там пробыл недолго и в октябре 1797 г. перешел в гимназию при Московском университете, а по окончании в 1802 г. ее курса с серебряной медалью был принят в самый университет. Главное свое внимание здесь Т. сосредоточил на изучении классической словесности, которою занимался под руководством профессоров Христиана-Фредерика Маттеи, Иоганна-Вильгельма Мельмана и П.А. Сохацкого. Успехи его в этой области были поощрены в 1803 г. серебряной медалью и поручением ему вести греческие этимологические и латинские синтаксические классы. Окончив в 1804 г. университетский курс кандидатом и удостоенный в 1805 г. за диссертацию степенью магистра словесных наук, а в следующем году степенью доктора философии, для дальнейшего совершенствования в классической словесности он был отправлен за границу. Вместе с командированным туда же для изучения восточной словесности А.В. Болдыревым, впоследствии профессором этого пред-

мета в Московском университете, Т. направился, прежде всего, в Галле; город вскоре был осажден французами, университет разгромлен, а Т. остался без всяких средств. Очутившись в критическом положении, он оставил Галле и в сопровождении того же Болдырева пешком отправился в Лейпциг, где занимался в течение одного года, а затем перешел в славившийся тогда своими учеными силами университет в Геттингене. Под руководством профессоров Гейне и Мичерлиха, живейшую признательность к которым, особенно к первому из них, Т. сохранил всю жизнь, там он с исключительным усердием отдался изучению древней словесности и археологии, успешности занятий которыми в немалой степени способствовали богатейшие сокровища университетской библиотеки, одной из замечательнейших в тогдашней Европе. В Германии Т. пробыл в общей сложности три года и за это время успел очень много. С запасом обширных познаний и солидным научным багажом в 1809 г. возвратился он в Москву, и с 1 сентября того же года в звании адъюнкта, которым был удостоен непосредственно перед заграничной поездкой, открыл в университете курс древней словесности. Выдающейся успех, который он встретил с самого начала своей педагогической деятельности, побудил университетский совет избрать его в 1810 г. экстраординарным и уже в следующем – ординарным профессором греческой и латинской словесности. Впоследствии лекции по этим обширнейшим предметам были разделены между двумя лицами, но Т. читал их один, возможность чего находит свое объяснение отчасти в действительно прекрасном знакомстве его с ними, отчасти же в том сравнительно невысоком уровне, на каком стояли как научная разработка этих областей, так и изложение их с университетской кафедры. Из греческих классиков Т. объяснял слушателям преимущественно Софокла, Геродиана, Гомера, Геродота, Ксенофонта, Аполлодора и Демосфена, из латинских же – Ливия, Вергилия, Цицерона и Горация. Курс римских древностей он разделял на две части – древности государственные и древности, по его терминологии, «домашние», – и каждый год попеременно читал то одну, то другую из них. По примеру заграничных университетов

им был введен и при Московском филологическом семинарии, в котором студенты под его руководством практически работали над разбором и критикой классических писателей и древностей, о которых параллельно шла речь на лекциях. Характер лекций Т. учеником его А.М. Кубаревым рисуется следующими несколько тяжеловесными словами: «Чтения его... близко подходили к диктованию... Из повторений, когда это было нужно, сказанного им прежде, выражаемых всегда почти теми же словами, было очевидно, что каждая его лекция была основательно им обдумана. Он так привык к какой-то ученой отчетливости и полноте, что никогда почти не увлекался или не позволял себе увлекаться дальше границ, предписанных самому себе. При объяснении древностей, охотно раскрывая нам прекраснейшие места из классиков, он однакож никогда не пускался в эстетический разбор красот их, оставляя слушателям самим их чувствовать. Но из выбора этих мест было видно, что он был проникнут их красотою...»

Деятельность Т. в университете, помимо его прямых обязанностей, отмечена и другими сторонами: с 1812 по 1818 г. он состоял членом училищного комитета, несколько лет (1814, 1815 а также 1817 гг.) занимал должность декана словесного отделения, с 1811 г. и до смерти состоял при цензурном комитете, а с 1815 г. — директором педагогического института, наконец, преподавал греческий и латинский языки в находившейся при университете гимназии и некоторое время латинскую словесность в университетском Благородном пансионе. Летом 1812 г., не предвидя угрожавшей Москве опасности, Т. уехал на родину, оставив в Москве все свое имущество, которое и было уничтожено пожаром, — в том числе ценное собрание книг и рукописей, которыми он чрезвычайно дорожил, особенно частью, собранной им с большим трудом и материальными лишениями во время пребывания за границею. Деятельность Т. продолжалась очень недолго; упорная болезнь, обострявшаяся его раздражительным характером и в свою очередь неблагоприятно на него влиявшая, скоро свела его в могилу, в последнее время послужив причиной задумчивости,

нервности, угрюмости Т., а также охлаждению, почти равнодушию его к ученым занятиям. 15 января 1820 г. он скончался.

Как ученый, Т. в свое время пользовался выдающейся известностью; некоторые труды его на много лет пережили автора, и отзвуки их, конечно лишь весьма слабые, можно и ныне встретить в литературе, посвященной исследованию древнерусских памятников; как ни обширны были познания Т. в классической филологии, тем не менее, наиболее существенные услуги оказал он науке совсем в другой, почти совершенно неразработанной области критического исследования подлинности упомянутых памятников. Первый труд Т., относившийся к классической филологии, вышел еще в 1803 г., когда автору было всего 18 лет. Это был сделанный им перевод (с немецкого) Оссиана. В 1806 г. вышла в Москве магистерская диссертация Т. — «De Dithyrambis eorumque nsn apud Graecos et Romanos», относительно которой проф. И.Т. Буле писал: «Рассуждение сие тем более заслуживает похвалу, что оно важнее по своему содержанию, относящемуся к такому предмету древней классической литературы, который до сих пор еще не был довольно обработан и объяснен. Сверх того, так как подобные занятия, при всей их пользе и необходимости для усовершенствования наук в России, очень редки между нашими молодыми людьми, — оно может также для прочих служить примером и образцом к подражанию». Сочинение это, в исправленном и дополненном виде напечатанное также в «Актах» словесного семинария Лейпцигского университета, действительно обладает научными достоинствами, отмеченными и некоторыми немецкими авторитетами. Почти одновременно с ним появилось издание Т. на латинском языке басен Федра под заглавием «Pliaouri Augustii Hberii fabularum Aesopiarum libri quinque ex recensione P. Burmani» с русским подзаголовком: «Федровы басни с замечаниями издал Роман Тимковский» и с посвящением «в знак признательности за благосклонность и милостивые попечения об авторе» М.Н. Муравьеву, тогдашнему попечителю Московского университета. Труд этот, принятый по желанию Муравьева, в своей текстуальной части представляет просто дословную перепечатку с заграничного издания

Бурмана с некоторым уклонением лишь в знаках препинания; ценны и оригинальны в нем лишь примечания Т., обнаруживающие в молодом филологе – ему в это время было всего 20 лет – солидные и разносторонние познания. Об этой работе, за которую, по ходатайству того же Муравьева, Т. был награжден золотой табакеркой из кабинета, он тем не менее вспоминал впоследствии с большой неохотой, считая ее неудовлетворительной и несерьезной и лишь отчасти извиняя себя той спешностью, с которой пришлось ее заканчивать перед самым отъездом за границу. Последним сочинением Т. по классической филологии была произнесенная им на университетском акте 5 июля 1811 г. торжественная речь «*De Yirtutibus Graecorum et Romanorum non nisi ex eorum ingenio moribus et vita recte aestimandis*», в переводе И.И. Давыдова, напечатанная в «Трудах профессоров Московского университета» и предвосхитившая многие положения Нибура в области классической древности.

В последние годы своей жизни Т. заметно охладел к классической филологии и преимущественное внимание стал уделять русской древней словесности; главнейшая заслуга его в этом отношении состоит в том, что он первый подверг критике установленное на шатких основаниях XVIII в. мнение о сочинениях преп. Нестора, первый пришел к мысли детального сличения и сличил летопись с другими памятниками, приписывавшимися Нестору, с «Патериком» и «Житием св. Феодосия», причем первый же указал несходство между летописью и «Житием» и открыл, по его собственным словам, «весьма важную истину, что преподобный Нестор не оставил нам по себе никакого другого памятника, кроме драгоценной летописи». Избранный в действительные члены Исторического общества, он, по предложению последнего, занялся изданием поучения Луки Жидяты, которое и появилось в I части «Русских достопамятностей», снабженное ценными филологическими примечаниями. Им же предпринятое издание Несторовской летописи долгое время считалось образцовым. Наоборот, довольно слабым явился его труд «Рассуждение о Несторе, как сочинителе «Патерика», напечатанный в «Трудах Общ. истории и древностей российских» (ч. I). Наконец, Т.

много трудился над объяснением «Слова о полку Игореве» и по этому предмету написал обширное исследование, которое затерялось после его смерти.

В заключение приведем небольшую характеристику Т. как ученого, принадлежащую одному из его биографов: «С глубокими сведущими в греческой и римской словесности он соединял основательное знание древностей и истории. Как искусный критик, он умел тонко раздроблять предмет и глубоко проникать в оный; порядок и точность были средством и целью его исследований, которые он посвящал и на рассмотрение исторической истины, и на определение происхождения и значения слова». Помимо древних, Т. в совершенстве знал и несколько новых языков – французский, немецкий, английский и польский, а латинский был для него «как бы природным».

Тимковский Егор Федорович⁵, тайный советник, родился 23 мая 1790 г. в д. Егорской – Тимковщине (Золотоношского уезда Полтавской губернии); начатки грамоты получил у монахинь Золотоношского Благовещенского монастыря, потом учился в Киеве и Переяславле и высшее с образование получил в Московском университете. В 1813 г. поступил на службу в главное управление путей сообщения, находившееся тогда в Твери; с переводом в 1815 г. этого управления в Петербург на жительство туда переехал и Т. Занимая должность секретаря совета путей сообщения, он участвовал в совещаниях разных комитетов и комиссий по представляемым в этот совет проектам и запискам. В 1820 г., по предложению М.М. Сперанского, бывшего тогда сибирским генерал-губернатором, Т. было поручено сопровождать в Пекин вновь составленную во главе с архимандритом Петром Каменским духовную миссию и вывести из Пекина в Россию прежнюю духовную миссию, начальником которой был известный синолог Иакинф Бичурин. Т. выехал из Кяхты 31 августа 1820 г., а возвратился туда из Китая 1 августа 1821 г., причем 9 месяцев из этого времени провел в Пекине. Свою поездку Т. использовал для многостороннего изучения Китая, результатом которого было изданное по Высочайшему повелению на казенный счет трехтомное сочинение «Путешествие в Китай че-

рез Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824). В первом томе этого сочинения описывается караванный путь между Кяхтой и Пекином, второй включает разнообразнейшие сведения о Китае, отчасти о Восточном Туркестане, Тибете и Корее, и третий посвящен описанию возвращения в Россию и общему обозрению Монголии с точки зрения исторической, географической, административной, этнографической и религиозной. К книгам приложены карта пройденного пути и несколько планов и рисунков с натуры. Книга Т. теперь устарела как в фактических данных, так и в своих выводах, но в свое время представляла самое полное и обстоятельное собрание сведений о Китае. Достаточно сказать, что она была переведена на английский, немецкий и французский языки. В течение многих лет она была необходимейшим пособием, даже настольною книгою для всех изучавших Китай. В течение своего относительно недолгого пребывания в Китае Т., конечно, не мог собрать все те сведения, которые даны в его книге, и нет сомнения, что часть их он почерпнул из бесед с Бичуриным. Другим последствием путешествия Т. в Китай был приезд в Россию Иакинфа Бичурина. Духовную миссию в Пекине Т. нашел в самом плачевном положении. Отягченное Наполеоновскими войнами, правительство, по-видимому, совсем забыло об этой миссии, в течение долгих лет не посылало туда содержания, и Бичурин принужден был продать все, даже церковную утварь. Роль Т. в смысле избавления Бичурина от этих обстоятельств не может быть точно выяснена, но М.М. Сперанский, очевидно, имел основание выразиться так: «Наш Тимковский подарил России два китайских творения: одно живое – отца Иакинфа, и другое живописное – свою книгу». По приезде в Россию Бичурин был предан суду по обвинению в расстройстве дел миссии, осужден и заточен в Валаамский монастырь, и только в значительной мере благодаря ходатайству Т. быть освобожден и мог отдаться своим научным работам. Еще важнее то содействие, которое Т. оказал Бичурину в издании его книг, настоятельно рекомендуя Азиатскому департаменту печатать их на казенный счет – этим он оказал важную услугу и русской синологии. По возвращении из Китая Т. в ближайшие годы

служил начальником отделения в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, а с 1830 по 1836 г. был консулом в Молдавии. Утомленный службою, в 1836 г. он вышел в отставку и около 9 лет прожил в своем небольшом имении в Золотоношском уезде, но в 1845 г. вновь поступил на службу, заняв должность начальника драгоманов в министерстве иностранных дел. В 1852 г. назначен на должность управляющего петербургским главным архивом министерства иностранных дел, а с 1866 г. служил членом совета этого министерства и в этой должности и умер 9 февраля 1875 г. С 8 мая 1846 г. Т. состоял действит. членом Императ. географического общества. В «Киевской старине» 1894 г. напечатаны «Воспоминания» Т., доведенные им до 1813 г. В них много интересных данных о Московском университете, описанном Т. в момент перед нашествием Наполеона и виденного им также вскоре по уходе французов из Москвы.

* * *

Продолжение работы по изучению и публикации книги Е.Ф. Тимковского «Путешествие через Монголию в Китай в 1820–1821 годах» обусловлено важным обстоятельством. В 2008 г. В.Г. Дадцышен выявил черновик дневника одного из членов Российской духовной миссии в Пекине, в основном совпадающий по содержанию с текстом 2-го тома этой работы. Автором этого рукописного документа был не Е.Ф. Тимковский, а другое лицо. Введение в научный оборот текста этого архивного документа представляет научный интерес в связи с тем, что в опубликованный в XIX в. вариант книги Е.Ф. Тимковского не вошел ряд важных для изучения истории Российской духовной миссии в Пекине сюжетов. Например, в книге отсутствуют некоторые дневниковые записи, отражающие сложные ситуации внутренней жизни миссии, а спектр описываемых в документе событий, предметов, персоналий шире, чем это представлено в книге. Выявленный документ является своеобразным дополнением к трехтомнику Е.Ф. Тимковского и дает более правдивое представление о непростой жизни российских миссионеров в Китае.

Публикация сочинения Е.Ф. Тимковского в настоящее время была бы не полной без

подготовки исследовательского очерка истории самого путешествия, биографического очерка о Е.Ф. Тимковском и его семье и, что особенно важно, полноценного специального научного комментария ко всей работе.

Примечания

¹ **О нем:** Киевская старина, 1891, август, с. 215; *Неустроев А.Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 включ. СПб., 1875, с. 771, 773, 774, 779, 780 и 816; *Сопиков В.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813–31, ч. 3, с. 79 и 80, №№ 3977–3978; ч. 4, с. 223, № 9040–9041; с. 365, № 10186; с. 464, № 11009; ч. 5, с. 185, № 13103; *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых. Берлин, 1880, т. II, с. 373; *Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина.* СПб., 1828, с. 163, № 2192; с. 213, № 2813; с. 485, № 6171; с. 663, № 9288; *Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова.* СПб., 1820, с. 264, № 3097; *Карцов В.С., Мазаев М.Н.* Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891, с. 127; Энциклоп. словарь Эфрона, 1-е изд., полут. 65, с. 184.

² **О нем:** Воспоминания И.Ф. Тимковского. // Москвитянин, 1852, ч. 5, № 17, 18, и 20, и Русский архив, 1874, № 6; *Шугуров Н.В.* И.Ф. Тимковский. Педагог прошлого времени // Киевская старина, 1891, август, с. 212; сент., с. 375; октябрь, с. 82; Энциклоп. словарь Эфрона, 1-е изд., полут. 65, с. 184; *Багалеи Д.И.* Опыт истории Харьковского универс. Харьков, 1894; *Лавровский Н.А.* В.Н. Каразин и открытие Харьковск. универс. // Журн. Мин. народ. просв. 1872, январь, с. 78, 84, 87, 92; февраль, с. 197, 202, 212–214, 242; *его же.* Из первоначальной истории Харьковск. унив. Там же, 1869, октябрь, с. 242–245, 247; *Фойгт К.* Историко-статистические сведения об Импер. Харьковск. унив. Харьков, 1859, с. 140, 141, 143; *Багалеи Д.И.* Характеристика просветительной деятельности Харьковск. унив. // Русская школа, 1892, № 10, с. 21; Лг 11, с. 11, 15, 17; *Пекарский П.* Русские мемуары XVIII в. // Современник, 1855, № 4, с. 80–82; *Рославлев-Петровский.* Об ученой деятельности Харьковск. унив. // Журн. Мин. народ. просв. 1855, ч. LXXXVII, с. 2, 4, 8, 11, 12, 28, 31; *Ромель.* Пять лет из жизни Харьковского унив. Харьков, 1868, с. 60; Харьковский сборник, 1889, с. 142; 1890, с. 116, 119; Русский архив, 1869, с. 1547; Воспоминания М.К. Чалаго // Киевская старина, 1889, № 3, с. 620; № 4, с. 232; № 5, с. 327–335; № 6, с. 15–32; № 7, с. 157–176; № 8, с. 443–444; *Межов В.И.* История всеобщей и русской словесности. СПб., 1872, с. 482, № 12838; *его же.* Русская историческая библиография за 1800 – 1854 гг. СПб., 1893, т. II, с. 248, № 17868; *Ламбины П. и Б.* Русская историческая библиография 1855 г. СПб.,

1861, с. 46, № 448; *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых. Берлин, 1880, т. 2, с. 47; *Неустроев А.Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875, с. 768, 806, 834; *Роспись российским книгам из библиотеки для чтения А. Смирдина.* СПб., 1828, с. 451, № 572; с. 503, № 6439; *Сопиков В.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813–1831, ч. 3, № 4387; ч. 5, № 11247; *Карцов В.С. и Мазаев М.Н.* Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891, с. 127; Русская старина, 1875, сентябрь, с. 195; Биографич. словарь юрид. фак. Харьк. ун-та, 1903.

³ **О нем:** *Шугуров Н.В.* Илья Федорович Тимковский // Киевская старина, 1891, т. 34, с. 215–216; Русский архив, 1871, № 12, с. 2108–2119; Энциклопед. словарь Эфрона, 1-е изд., т. 33, с. 183.

⁴ **О нем:** *Шевырев С.* История Императорского Московского университета. Москва, 1855, с. 345, 348, 403, 410, 424, 425; *его же.* Обзор столетнего существования Импер. Московского университета // Историческая записка... и отчет Московского университета. Москва, 1855; *Двигубский И.* Краткая история Императорского Московского университета с 6 июля 1819 г. по 6 июля 1820 г. Москва, 1820; *Сушков Н.В.* Московский Благородн. пансион. Москва, 1858; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Москва, 1855, ч. II, с. 486–498; Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета профессорами одного с кратким их жизнеописанием, ч. III, Москва, 1821; *Барсуков.* Жизнь и труды М.П. Погодина, т. I, СПб., 1888; *Сухомлинов М.И.* Русские университеты при Александре I; Воспоминания И.Ф. Тимковского // Москвитянин, 1852, ч. 5, №№ 17, 18, 20, и Русский архив, 1874, № 6; *Пытин А.И.* История русской этнографии, т. I, с. 27, 29, 223, 317, 322; Энциклоп. словарь Березина, а. в.; Настольный словарь Ф. Толя, т. III, СПб., 1864 г., s. V.

⁵ **О нем:** *Скачков К.А.* Е.Ф. Тимковский // Московские ведомости, 1875, № 47 (до напечатания этот биографический очерк был читан на заседании Импер. Географического общества); *его же.* Еще о Е.Ф. Тимковском, там же, 1875, № 66; Воспоминания Е.Ф. Тимковского // Киевская старина, 1894, т. 44 и 45 (с предисловием и кратким биографическим очерком, составлен. Н.В. Шугуровым); Чтения Общ. истории древн. российских. 1874, № 4, с. 167 (краткая биографич. заметка О.М. Бодянского); Отчет Императ. русского географического общества за 1875 г., составл. И.И. Вильсоном. СПб., 1876, отдел «Некрологи»; Отрывки из воспоминаний сибирского казака Черепанова // Древняя и новая Россия, 1876, № 6, гл. I; В память гр. М.М. Сперанского. СПб., 1872, прилож. III (письма Сперанского к Т.); Гражданин, 1876, № 4; Календарь А. Гатцука на 1876 г., с. 205; Русский календарь А.С. Суворина на 1876 г.; Энциклоп. словарь Эфрона, 1-е изд., т. 33, с. 183.

Е.В. Ностаева

ХАРАЧИНСКИЙ ВОПРОС В БАРГЕ (1917 г.)

В отечественной историографии харачинский вопрос в Барге¹ специально не рассматривался. В этой статье мы попытаемся осветить и проанализировать события, связанные с вторжением харачин (народность Внутренней Монголии) на территорию Барги, обострившие тем самым и без того сложные русско-китайско-японские отношения в начале XX в.

В начале 1917 г. международная обстановка на Дальнем Востоке отличалась нестабильностью, что было связано с внутриполитическими катаклизмами, происходившими как в России, так и в Китае. Участие в Первой мировой войне и Февральская революция 1917 г. ослабили Россию и, соответственно, ее международный престиж. Сложившиеся крепкие позиции Японии в Маньчжурии еще больше усилились. Вытесняя Россию из прежних сфер ее влияния, Япония открыто не нарушала предыдущие русско-японские соглашения 1907 и 1910 гг. о разграничении сфер влияния в этом регионе, по которым Южная Маньчжурия (Внутренняя Монголия) и Корея входили в японскую зону специальных прав, а Северная Маньчжурия (Барга) и Внешняя Монголия – в российскую.

Что же касается Китая, то посланник в Пекине Н.А. Кудашев подчеркивал, что после Февральской революции авторитет России в Китае несколько упал. Он объяснял это тем, что Временное правительство, отвергнув «принцип аннексий», «приободрило» китайцев, которые стали менее сговорчивыми, а иногда просто игнорировали предложения русской дипломатии². В одном из донесений в Петроград посланник изложил свое отношение к политике России в следующих словах: «Я отлично понимаю, что перемены в нашей политике возможны по отношению к Китаю, но думаю, что осторожнее не выпускать из рук того, что имеем, и не отказываться от тех целей, которые были поставлены еще ста-

рым режимом, ибо цели эти, которые сводятся в конечном счете к мирной агрессивности как средству к ограждению наших азиатских владений от захватов соседей, по моему убеждению, соответствуют нашим государственным интересам, какой бы ни был у нас государственный строй»³.

Н.А. Кудашев выступал за сохранение прежних позиций России в этой стране. Однако к лету 1917 г. экономическое положение России резко ухудшилось. Стала быстро сокращаться торговля в Монголии и в Барге, русский рубль существенно обесценился. Поскольку торговля была важным средством влияния России в этом регионе, то с ее спадом начало слабеть и влияние⁴. Появилась несогласованность в действиях между русскими военными и дипломатами. Забегая вперед, отметим, что впоследствии это проявилось при захвате харачинами г. Хайлара, когда солдаты русского гарнизона отказались выполнить приказ о защите города и приняли участие в его разграблении. Усилия царской дипломатии сохранить прежнее привилегированное положение России были тщетны. Так что одна из главных причин возникновения харачинского инцидента в Барге – ослабление российского влияния в Северной Маньчжурии и неспособность России контролировать ни политическую, ни экономическую ситуацию в регионе.

Соседство Барги с районом Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и наличие там русских экономических интересов сделало ее в начале XX в. зоной особого внимания российского государства. Так, во время провозглашения независимости Барги от Китая в 1911 г. и ее присоединения к Халхе (Внешняя Монголия) Россия оказала баргутам финансовую помощь, не поддерживая при этом их идеи сепаратизма во избежание обвинений со стороны Китая в нарушении целостности своего государства. Возможность объединения всей Мон-

голии (Внешней и Внутренней Монголии, Урянхайского края и Барги) Россия не рассматривала. Главной задачей царской власти являлось сохранение стабильной обстановки в регионе, поэтому она отказала пекинским властям в переброске китайских войск в Хулунбуир по КВЖД для расправы над баргутами. Дело в том, что в те времена введение китайских войск всегда сопровождалось грабежами и жестокими массовыми убийствами, что могло подорвать престиж России и затронуть интересы русских подданных.

По решению Кяхтинской конференции от 7 июня 1915 г. Внешняя Монголия получила статус автономной части китайской территории. 6 ноября того же года вопрос о независимости Барги разрешился подписанием русско-китайского договора, по которому она объявлялась неотъемлемой частью Китая с автономным самоуправлением⁵. Монголы Внутренней Монголии, которые наряду с баргутами провозгласили свою независимость и объявили о присоединении к Халхе (Внешней Монголии), были менее удачливы. В архивных документах нетрудно заметить негативное отношение русских дипломатов к харачинам. Так, например, советник IV Политического отдела МИД Г.А. Козаков называл харачинов «шайкой монголов». 1-й секретарь российской миссии в Пекине В.В. Граве характеризовал их следующим образом: «Шайка разбойников, захвативших Хайлар и известных в общежитии под названием “харачин”, является ни чем иным, как сбродом праздношатающихся монголов, уроженцев всех хошунов Внешней и Внутренней Монголии, и китайцев-хунхузов»⁶. В 1911–1912 гг. харачины под предводительством Бабучжаба⁷ состояли на службе у ургинского правительства и помогали ему в военных действиях против китайцев, вспыхнувших после объявления Халхой независимости. Во время заседаний Кяхтинской конференции 1914–1915 гг. харачины просили отвести им постоянные территории для проживания. Их просьба была отвергнута. Обиженные, харачины покинули Халху и поселились во Внутренней Монголии, на границе Мукденской провинции, где и предавались грабегам⁸.

В 1915 г. военный атташе Германии в Китае фон Паппенгейм организовал экспедицию с целью взорвать Хинганский тоннель в районе г. Цицикара. Планы Паппенгейма не удались, он был убит, а имущество экспедиции разграблено людьми Бабучжаба, за что последний получил от царского правительства подарки: золотые часы и оружие. Впоследствии выяснилось, что эти подарки не удовлетворили Бабучжаба. Он и его сподвижники посчитали, что они не равноценны той услуге, которая ими была оказана России уничтожением германской экспедиции, и сочли себя во второй раз обиженными русским правительством⁹. Эти обиды также подтолкнули харачинов на вторжение в Баргу. Они понимали, что такой шаг будет иметь неприятные последствия для России и может привести к решению территориального вопроса военным путем. Однако надо сказать, что решающую роль в возникновении харачинской проблемы сыграл авантюризм японцев.

В 1916 г. японские власти обратились к харачинам с предложением содействовать монархическому движению в Южной Маньчжурии. Предложение японцев было принято ими. По совету командированных к ним японских офицеров харачины развернули военные действия против китайцев. Когда последние после смерти Юань Шикая одерживали победу над харачинами, японцы дипломатическим воздействием на Пекин и передвижением своих войск в Южной Маньчжурии спасли харачин от полного разгрома. Во время одного из сражений был убит Бабучжаб, и харачины выбрали на его место его родственника Шадарбала. Однако тот не обладал авторитетом предшественника, между отдельными начальниками участились споры. Японские инструкторы старались примирить соперников. По их же совету харачины выбрали себе местом поселения южный берег р. Халхи (близ озера Буир), где и оставались до весны.

В течение этого времени японцы делали попытки устроить дальнейшую судьбу харачин, вели переговоры с китайскими властями в Пекине и Мукдене о принятии их на службу с поселением их семей в Маньчжурии. Переговоры не имели результата,

вмешательство японцев, по-видимому, пугало китайцев, и они поставили такие условия харачинам, на которые те не пошли. В.В. Граве писал в Петроград: «В целях оказания давления на китайцев для подписания ими договора с харачинами и для создания определенного впечатления на русские круги в связи с распространенными тогда настойчивыми слухами о сепаратном мире между Россией и Германией японцы натолкнули харачинов на поход в Баргу»¹⁰. Анализ событий, отразившихся в документах, показывает, что выводы 1-го секретаря российской миссии достаточно обоснованы. Архивные материалы свидетельствуют о том, что, играя на чувствах и трудном положении харачинов, японцы активно содействовали возникновению харачинского вопроса.

Поводом для нападения харачинов на баргутов послужил отказ правителя Хулунбуира Шэнфу провозгласить монархию в Барге и его обращение к китайскому правительству с просьбой о военной помощи, чтобы отогнать харачинов от границ области¹¹. Зимой 1916–1917 гг., когда участились случаи нападения харачинов на местное население с целью грабежа, баргинские власти просили китайское правительство выдать им ссуду в 100 тыс. кит. долларов на содержание своего отряда, охранявшего границы Барги от харачинов. Однако баргуты смогли получить безвозвратную ссуду лишь в 20 тыс. кит. долларов от цичикарского губернатора, что было недостаточно для увеличения военного отряда до необходимого количества. Обычно баргинские власти содержали всего 400–500 солдат. С появлением в Халхе харачинов они увеличили численность своих войск до 1800 человек. Планировалось же довести их до 3 тыс. и в случае необходимости мобилизовать еще до тысячи человек. Затруднения были не только с содержанием войск, но и с оружием. В Барге имелось 800 штук мосинских винтовок, 1500 берданок и около 200 китайских винтовок. Патронов для берданок в наличии было 600 тыс., а для мосинских винтовок – всего около 150 тыс., т.е. менее чем по 200 штук на винтовку. Поэтому баргуты просили русских военных оказать им помощь и дать около 100 тыс.

штук патронов и несколько сот мосинских винтовок¹².

Следует заметить, что баргуты просили именно мосинские винтовки, а не берданки, объясняя это тем, что последние уступали в дальноточности японским винтовкам, которыми были вооружены харачины. Царским властям пришлось откликнуться на просьбу баргутов, которые с декабря 1915 г. охраняли КВЖД около Хингана.

В начале мая 1917 г. харачины вторглись в пределы Барги и несколькими отрядами продвинулись к северу от линии КВЖД. 10 мая некоторые из отрядов заняли соседние деревни Ситунь и Наньтунь в Старом Хайларе, а 11 мая был занят и сам город Хайлар. Правитель Хулунбуира Шэнфу обратился за помощью к русским военным. Русскому гарнизону было приказано занять ямынь и защитить его от нападения харачинов. Приказ этот не был выполнен. Более того, вместо защиты местных властей русские солдаты даже приняли участие в разграблении харачинами Старого Хайлара. Шэнфу и другим представителям власти Барги со своими семьями пришлось бежать, им был оказан приют в консульстве¹³.

При занятии столицы Барги харачины стали стягивать свои силы ближе к Хайлару, в управление же областью предпочли не вступать, ограничившись провозглашением Хулунбуира вассальным владением императора Сюань Туна (Пу И). По совету харачинов были проведены выборы амбана и других должностных лиц. На должность правителя был избран бывший помощник Шэнфу баргут Ань (он же Гэхэджа). В администрацию совершенно не попали чиновники из местных дауров (этническая группа Барги), а ведь из их числа Шэнфу ранее назначал своих сотрудников. Предоставив баргутам править областью, харачины потребовали от них доставки им провианта для всех харачинских отрядов и, не довольствуясь этим, продолжили грабежи мирного населения, результатом чего явилась массовая откочевка жителей Барги частью на север от железной дороги, частью в пределы Халхи.

В июле – августе 1917 г. в Барге сложилось следующее положение. Харачины раз-

делились на 4 отряда. Первый в количестве около 1500 человек разместился в южной части Барги, в Цаганноре. Там же находился главный начальник харачинов, Шадарбал. При отряде состояли несколько вооруженных японцев. Второй отряд занял деревню Наньтунь на юге от Хайлара, в нем насчитывалось около 1400 солдат, и ими командовал Дорджа. В отряде не было японцев, поскольку Дорджа не любил их. Третий отряд, под командованием Бумбучаба, занимал деревню Ситунь в трех верстах от Хайлара. Отряд насчитывал около 500 солдат: 300 монголов и 200 хунхузов. У них были два бронзовых орудия образца до русско-японской войны 1904 г. При этом отряде находились японцы. Старый Хайлар был занят отрядом в 100 человек во главе с Сэбчингэ. В городе жили и главные советники-японцы Секи и Садаки, известные среди монголов под именами Гуаня и Лина. Кроме того, по всей Барге бродили мелкие группы харачин, грабивших местное население и главным образом дауров¹⁴. Нападения участились и на русских торговцев; были ограблены Тенищевы, Карапетовы и другие. Нападения парализовали торговлю скотом и сырьем в местностях, где появлялись харачины. Опасаясь грабежей, «баргутские и китайские скотопромышленники предпочитали для продажи пригонять скот в Маньчжурию», и во всех бедах Барги они обвиняли «непрекращающиеся с 1916 г. японские интриги»¹⁵. 3 сентября произошло столкновение между монгольским отрядом в 60 солдат и харачинами, которых было 40 человек¹⁶. Это был первый достойный вооруженный отпор харачинам, который немного отрезвил последних и положил начало их вытеснению из Барги. К тому времени преступная деятельность харачин легла тяжким бременем на всех жителей тех мест: баргутов, русских, китайцев, монголов, и ликвидация первых в скором времени должна была стать естественным процессом.

Что же касается непосредственно коренного населения, то из 8 хошунов новых баргутов, состоявших приблизительно из 22 тыс. чел., из-за грабежей харачин в Халху перекочевало 5 хошунов. Затем окончательно ушли в Цицикарскую провинцию все дауры в количестве 702 человек, и в Барге

остались около 4 тыс. старо-баргутов, 2 тыс. солонов и 400 олетов¹⁷.

Харачинский вопрос вплоть до осени 1917 г. оставался открытым. Причин на это было немало. По договору 1915 г. в случае возникновения проблем, дестабилизирующих положение в области, Россия должна была принимать активное участие в их разрешении. Однако к 1917 г. она оказалась не в состоянии контролировать ситуацию в Барге, и причиной тому являлось не только трудное экономическое положение, но и отсутствие дисциплины у местных военных. Так, например, В.В. Граве в своем письме атаману Забайкальских казачьих войск сетовал на то, что «русские воинские части, состоявшие в ведении КВЖД, не являются надежными»¹⁸. Под этим, видимо, подразумевалось участие русских солдат в разграблении г. Хайлара при захвате его харачинами. Поэтому царскому МИДу ничего не оставалось, как попробовать решить эту проблему самостоятельно, что и было поручено 1-му секретарю миссии В.В. Граве. Однако, по его собственному признанию, его старания «не имели успеха: харачины не собирались уходить из Барги, так как были прекрасно осведомлены о невозможности русских поддержать военной силой свои словесные заявления, и то, что харачинский вопрос – дело японцев, у русских, китайцев и монголов не вызывало сомнений»¹⁹.

Японские интриги в Барге нашли свое подтверждение еще и в том, что сами харачины считали себя на службе у князя Суцин-вана (участника монархического движения за восстановление цинской династии), проживавшего в Порт-Артуре, представителями которого являлись японцы. От князя Су харачинские командиры получали жалование и постоянные подарки. Более того, в одном из своих посланий князь Су сообщил баргутским властям о назначении в Хайларе в помощь им двух японских советников, находившихся в лагере харачинов – Секи и Хаяси. К этому следует добавить, что баргутские власти сообщали российскому консульству в Хайларе о требованиях японцев выдать им соляную концессию на озере Чжурбет и рыбные промыслы около озера Далай²⁰.

Таким образом, японцы открыто заявляли о своих экономических и политических интересах в Барге, что не соответствовало предыдущим русско-японским договоренностям. Российский посланник в Токио В.Н. Крупенский направил ноту протеста японскому правительству. На это японские власти ответили, что «их правительство выражает сожаление об участии японцев в баргинском деле, но ничего против этих лиц предпринять не может, так как оно лишено средств к воздействию на них»²¹. Российский посланник в Китае Н.А. Кудашев писал по этому поводу В.В. Граве: «Подобный ответ свидетельствует просто о нежелании японского правительства пресечь деятельность означенных японцев. И с этим Вам приходится считаться при улажении положения»²².

Отметим, что правительство Японии было заинтересовано в сохранении харачинской проблемы и явно не собиралось пресекать деятельность своих граждан в Барге. В.В. Граве рассчитывал на помощь китайского правительства в устранении харачинов из Барги. Однако Китай, будучи занятым своими внутренними проблемами, связанными с постоянной сменой правительства и борьбой военных за власть в северных провинциях, откладывал разрешение харачинского вопроса до более удобного случая. Русским дипломатам пришлось действовать «по своему усмотрению». Оттягивать решение этой проблемы в ожидании благоприятного момента было уже невозможно в силу нараставшей угрозы со стороны харачинов пограничному мирному населению Забайкальской области и снижения русского авторитета в регионе. В.В. Граве попросил атамана Забайкальских казачьих войск прислать в Хайлар отряд численностью не более тысячи. Атаман отправил туда 200 казаков. Помимо этого, в распоряжении российского дипломата находился монгольский отряд под командованием войскового старшины Васильева, дислоцированный на границе с Баргой. К этим силам следует добавить разбежавшиеся баргутские отряды и войска, находившиеся в полосе отчуждения КВЖД близ Хайлара, которые, по мнению генерала Хорвата (управляющего КВЖД), также были готовы помочь²³.

Параллельно с планами силового вмешательства В.В. Граве продолжал искать пути мирного разрешения вопроса. Как уже было сказано выше, в лагере Сэбчингэ и Бумбучжаба японское влияние было особенно сильным; на этой почве у последних возникли серьезные разногласия с остальными главарями, Шадарбалом и Дорджа, не доверявшим японцам. Этим не замедлили воспользоваться китайские власти, которые предложили Шадарбалу и Дорджа перейти к ним на службу. В июле того же года эти двое подписали соглашение с генералом Ли о переходе их со своими людьми на китайскую службу и о расселении их в Мукденской и Цицикарской провинциях. Остальные предводители харачинов, занявшие Хайлар, где они себя чувствовали уверенно в сопровождении японских инструкторов, не поддавались на увещевания русских дипломатов покинуть Баргу.

Стоит заметить, что представители цицикарского губернатора пытались решить харачинскую проблему мирным путем. Однако влияние японских советников на Сэбчингэ и Бумбучжаба оставалось прежним. Таким образом, китайцам, как и русским, не удалось убедить их покинуть Баргу. В итоге китайские военные совместно с русскими приняли решение прибегнуть к силе для вытеснения харачинов из Барги. В сентябре 1917 г. по КВЖД в Хайлар были переброшены китайские войска, после чего харачины были рассеяны, а японцы, находившиеся при них, покинули Баргу²⁴.

Подведем итог. В начале XX в. в Северной Маньчжурии и Барге превалировали российские экономические и политические интересы, связанные с постройкой КВЖД. Россия поспешила закрепить свое положение в регионе официально. С этой целью в 1907, 1910, 1912 и 1916 гг. были подписаны русско-японские договоры (неоднократно опротестованные Китаем), по которым область Барга являлась сферой влияния России. Несмотря на это, в 1917 г. Барга была подвергнута нападению и захвату харачинами. В ходе рассмотрения данного вопроса мы выделили несколько причин его возникновения: вмешательство Японии, целью которого являлся подрыв политического влияния России и ее вытеснение из Барги;

ослабление российского авторитета в регионе; неопределенность постоянного проживания харачин и их неприязненное отношение к русским и к самим баргутам; политические катаклизмы внутри Китая.

Следует отметить, что харачинский вопрос в Барге имел столь затяжной характер (апрель–октябрь 1917 г.) благодаря японскому вмешательству, которое заключалось в оснащении харачинов японским оружием, деньгами и инструкторами. Безусловно, подобные действия были основаны на уверенности японцев в безнаказанности своих действий, в неспособности ослабленной России контролировать ситуацию в Барге. Однако не стоит возлагать всю вину на японскую сторону. Баргинские власти зимой 1917 г. сообщали вице-консульству в Хайларе о возможном нападении харачинов на Хулунбуир и просили о помощи (выдать им дополнительное оружие и патроны). Это обращение было оставлено без должного внимания. Харачины, оттесненные из Внутренней Монголии китайскими войсками после смерти Бабучжаба и уже привыкшие жить легкой наживой и грабежами, воспользовались слабостью в военном отношении властей богатой природными ресурсами Хулунбуирской области.

Харачинский вопрос выявил геополитические изменения в регионе. В связи с этим китайских властей не могла не беспокоить политическая и экономическая активность Японии в Северной Маньчжурии и сдержанный, осторожный курс России. Однако в последнем они видели для себя некоторый позитивный момент. Страхи о возможной аннексии русскими Хулунбуира долгое время будоражили умы китайских правителей. Харачинский инцидент показал, что их опасения остались в прошлом. Однако с ослаблением России ситуация в регионе осложнилась, японское присутствие в Северо-Восточном Китае постепенно стало носить более агрессивный характер.

Примечания

¹ Барга – местность между правым берегом р. Аргунь и Хинганским хребтом в Северной Маньчжурии, до 1911 г. являлась Хулунбуирским округом Хэйлунцзянской провинции Китая.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Китайский стол», д. 141, л. 380–381.

³ Там же, л. 382.

⁴ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999, с. 149.

⁵ Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997, с. 179.

⁶ АВПРИ. Ф. «Миссия в Пекине», оп. 761, д. 397, л. 25.

⁷ Бабучжаб – лидер движения за независимость Внутренней Монголии в 1911–1916 гг.

⁸ АВПРИ. Ф. «Миссия в Пекине», оп. 761, д. 397, л. 26.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 27.

¹² АВПРИ. Ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 1133, л. 56.

¹³ АВПРИ. Ф. «Миссия в Пекине», оп. 761, д. 397, л. 28.

¹⁴ Там же.

¹⁵ АВПРИ. Ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 1133. «Харбинский вестник», 11 сентября 1917 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АВПРИ. Ф. «Миссия в Пекине», оп. 761, д. 397, л. 30.

¹⁸ Там же, л. 82.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 16.

²¹ Там же, л. 54.

²² Там же.

²³ Там же, л. 2.

²⁴ АВПРИ. Ф. «Миссия в Пекине», оп. 761, д. 395, л. 9.

Ю.Н. Тихонов

ДОКУМЕНТЫ О РЕВИЗИИ РАБОТЫ ТУРКЕСТАНСКОГО БЮРО КОМИНТЕРНА В КОНЦЕ 1921 г.

Деятельность Коминтерна в странах Центральной Азии до настоящего времени остается недостаточно исследованной в отечественном востоковедении, хотя «революционная активность» эмиссаров этой организации в Туркестане и восточных странах, сопредельных Советской России, играла значительную роль в антибританских акциях советской дипломатии на подступах к Индии.

Все вышесказанное в первую очередь относится к работе Туркестанского (Ташкентского, Ближневосточного) бюро Коминтерна, штаб-квартира которого находилась в Ташкенте в 1920–1923 гг. Согласно замыслам коминтерновского руководства, Бюро должно было создать и возглавить в Центральной Азии «восточный фронт» мировой революции. В сферу деятельности этого органа входили бывшие среднеазиатские ханства (Бухара, Хива), все страны, граничившие с российским Туркестаном (Иран, Афганистан, Китай), и Индия. Обладая на первом этапе своей работы высокой степенью самостоятельности, Туркбюро Коминтерна оказало значительное влияние как на внутривосточную ситуацию в Хиве и Бухаре, так и на международную обстановку на Среднем Востоке.

Нормализация отношений с Великобританией потребовала от советского правительства приступить к свертыванию деятельности Туркбюро. Весной 1921 г., после подписания советско-английского торгового соглашения, Бюро официально было закрыто, но фактически продолжало свою деятельность на нелегальном положении, о чем свидетельствует публикуемый отчет этого коминтерновского органа за май – июнь 1921 г. (документ №1). Данный документ свидетельствует, что за время своего существования Туркбюро

достаточно результативно работало в Центральной Азии, хотя и не смогло реализовать первоначальных широкомасштабных планов Коминтерна при организации экспорта революции в страны Центральной Азии.

Авантюры Туркбюро препятствовали дипломатическим акциям НКВД на Среднем Востоке, а порой и срывали их, поэтому наиболее активным сторонником свертывания коминтерновской деятельности из Ташкента был нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. От него и его единомышленников факт перехода Бюро на нелегальное положение держали в тайне (документ № 2). К осени 1921 г. продолжавшуюся деятельность коминтерновцев в российском Туркестане и сопредельных ему странах больше нельзя было скрыть – борьба за закрытие Туркбюро возобновилась в советском руководстве с новой силой, в результате чего работа Бюро была подвергнута тщательной проверке. Одна из ревизий представительства Коминтерна была поручена А.А. Иоффе¹, который, ознакомившись с реальной ситуацией, высказался за продолжение деятельности сотрудников Бюро Коминтерна в Ташкенте (документ № 3), хотя ранее был сторонником его немедленного закрытия. Данный факт, на наш взгляд, служит еще одним убедительным доказательством того, что деятельность Туркбюро была все же результативной, а многие его провалы были в значительной степени предопределены левацкими директивами из Москвы.

В тексте документов очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения и приводятся пропущенные слова и даты.

Документ № 1

Доклад о деятельности Туркбюро Коминтерна со времени реорганизации его постановлением ИККИ в течение мая и половины июня [1921 г.]

1. Постановление ИККИ (здесь и далее выделено в документе. – Ю.Т.).

Согласно постановлению ИККИ, состоявшегося в конце апреля, Туркбюро Коминтерна должно было изменить форму своей работы. Председателем его был назначен Рудзутак². Центр индийской работы должен был быть перенесен в Бухару. Тов. Рою³ была поручена ликвидация индусской базы в Ташкенте и перенос ее.

2. Состав бюро и организация работы.

По приезде тов. Роя в Ташкент бюро в составе председателя Рудзутака и членов Роя и Сафарова⁴ приступило к проведению решения ИККИ. Тов. Рой направился в Бухару, где им была выяснена принципиальная и практическая возможность переноса туда работы. Однако бюро было решено до конгресса Коминтерна и индусской конференции⁵... из Ташкента не переносить, но ликвидировать легальный аппарат бюро и Индревкома и индусскую эмиграцию в Ташкенте, законспирировав свою работу и сотрудников. Индусскую эмиграцию, совершенно разложившуюся в Ташкенте и Бухаре, решено было эвакуировать в Афганистан, Анатолию и на родину. Курсантов военной школы перевести в Москву, в Восточный Коммунистический университет.

3. Аппарат бюро.

К концу мая нелегальный аппарат бюро был окончательно налажен и работа и сотрудники законспирированы.

Центральный аппарат был разделен на персидско-китайскую и индо-афганскую [секции] с отделениями на местах для связи:

1. В Закаспии с Персией.
2. В Фергане с Кашгарией.
3. В Семиречьи с Джунгарией.
4. В Бухаре с Индией и Афганистаном.

Представитель бюро имеется в Бухаре для руководства БКП⁶ и в Хорезме для руководства ХКП⁷.

В распоряжении бюро имеются следующие сотрудники:

заведующий аппаратом и персидско-китайской секцией – Фридлянд⁸, бывший помощник ответственного секретаря бюро; представитель бюро в Бухаре – Диманштейн⁹;

уполномоченный по связи с Персией – Калаков¹⁰;

уполномоченный по связи с Джунгарией – Леппа¹¹;

уполномоченный по связи с Кашгарией – Назарянц¹²;

в Ташкенте имеются 8 сотрудников;

в Джунгарии – ¹³

в Кашгарии – 9 (из них 5 закордонных); для Афганистана – 6 (из них 1 закордонный);

для Индии – имеется самостоятельная база в Афганистане, во главе которой стоит Магомед Али¹⁴ и 9 сотрудников в распоряжении Ташкента, из которых 8 закордонных;

2 информатора в Хиве.

Необходимую официальную работу Туркбюро выполняет через Туркбюро ЦК РКП и Турккомиссию¹⁵.

4. Текущая работа бюро.

Работа Туркбюро Коминтерна распространяется на:

- а) Хорасанскую и Астрабадскую провинции Персии;
- б) Синдзянскую провинцию Китая (Джунгарию и Кашгарию);
- в) Афганистан;
- г) Индию;
- д) БКП;
- е) ХКП.

Персидская работа заключается:

в организационной, инструктивной и материальной поддержке ИКП на территории Хорасана и Астрабада;

в агитационной и организационной работе среди трудящихся, в армии, среди мелкой буржуазии и интеллигенции;

в поставке информации о Персии.

В настоящее время установлена живая постоянная связь с 12 организациями (4000 членов), которым оказывается инструктивная, материальная и организационная поддержка.

Подготавливается 20 июля в Полторацке съезд ИКП Хорасана и Астрабада.

Выработаны и распространены инструкции по работе среди профсоюзов, крестьян и молодежи и по агитработе.

Приняты меры к превращению газеты «Чаман» в Мешхеде в неофициальный орган ИКП.

Вызваны из Персии 10 человек для отправки в Коммунистический восточный университет в Москве.

Распространены два воззвания к крестьянам и к ремесленникам.

Подготовлена брошюра «Задачи наших дней» и воззвание к молодежи.

Высылаются множительные аппараты для снабжения организаций ИКП.

Установлена информационная связь с Тегераном.

Ближайшие задачи работы заключаются:

- в проведении съезда ИКП для выработки твердых организационных форм работы и тактической линии поведения;

- в постановке массовой работы среди крестьян;

- среди армии;

- среди профсоюзов.

Кашгаро-джунгарская работа заключается:

- в создании национально-революционных организаций трудящихся, эмигрировавших из Кашгарии и Джунгарии на территорию Ферганы, Семиречья, Бухары и Сырдарьинской области;

- в создании кадров подпольных работников;

- в агентурно-информационной работе за кордоном;

- в создании национально-революционного союза крестьян, ремесленников на территории Кашгарии и Джунгарии;

- в поддержке антиправительственных групп кашгаро-джунгарской интеллигенции и мелкой буржуазии.

В настоящее время проведен съезд союза Алтышаар (шестиградье – Кашгария) джунгарских рабочих (уйгур), на котором присутствовало 120 представителей от 13 организаций из Семиречья, Ферганы, Бухары [текст неразборчив] и Ташкента. В том числе коммунистов было 50 человек. Съезд

принял все резолюции, выработанные Туркбюро. Создан ЦК союза, объединяющего до 7 тысяч членов в 13 организациях. ЦК состоит из 9 коммунистов. Создано бюро коммунистических фракций союза. Коминтерн будет вести работу в союзе через бюро комфракций, которое официально будет являться секцией ЦК КПТ.

Выделено со съезда 20 человек для отправки в Москву в Коммунистический восточный университет.

Посылается уполномоченный по связи с Кашгарией в Фергану.

Ближайшие задачи работы:

- Постановка политическо-просветительской работы в союзе.

- Организация артелей из членов союза.

- Установление агентурно-информационной связи с Кашгарией и Джунгарией.

Афганская работа, которая впервые начинается вестись, заключается:

- в выявлении и организации оппозиционных групп среди афганских эмигрантов на территории Бухары;

- в агентурно-информационной работе на территории Афганистана;

- в организации и выявлении недовольных элементов гонимых племен джемшидов и хазарейцев;

- в организации младо-афганцев (джадидов);

- в ведении агитации на почве недовольства в населении налоговой системой и в армии на почве недовольства ее экономическим положением.

В настоящее время в Бухаре создана инициативная революционная группа во главе с зарекомендовавшим себя революционером афганцем Якубом¹⁶. Посылается сотрудник в Термез для работы среди находящихся там афганских эмигрантов. Посылается агент-информатор в Герат с явкой в имеющуюся там революционную группу. Подготавливается агитационная литература для отправки в Афганистан.

Ближайшие задачи заключаются:

- в подготовке съезда на территории Бухары представителей оппозиционных элементов гонимых племен, интеллигенции, крестьян и трудящихся;

- в политпросветительной работе среди афганских эмигрантов в Бухаре;

в подготовке подпольных и политпросветительных работников-афганцев.

Индийская работа заключается:

в установлении связи с Индией (информационной и для транспортировки литературы, средств и оружия);

в оказании материальной поддержки пограничным племенам;

в агитационной работе среди индусской армии в Сеистане;

в подготовке подпольных работников;

в ликвидации старой индусской эмиграции в Ташкенте и борьбе со шпионажем.

В настоящее время готовится агентурно-информационная экспедиция в Индию через Персию, Сеистан и через Восточную Бухару;

организовано бюро в Афганистане;

подготавливается посылка сотрудников со специальной литературой для работы среди армии в Сеистане;

подготавливается агитационная литература для крестьян, рабочих, молодежи (агитационная и коммунистическая для посылки в Индию);

посылается 15 индусов в Коммунистический восточный институт;

отправляется 15 индусов по их желанию в Анатолию;

принимаются к эвакуации на родину 25 человек через Афганистан;

создана партийная комиссия для расследования деятельности Революционной ассоциации ввиду раскола в ней и взаимного обвинения членов в политических и уголовных преступлениях;

официально ликвидирован индусский Ревком.

Ближайшие задачи заключаются в создании широкой индусской базы в Ташкенте или Бухаре.

Бухарская работа заключается:

в реорганизации БКП,

выработке ее программы и идейном руководстве ею.

В настоящее время инструктирована «левая группа» БКП, желавшая произвести переворот, о недопустимости каких бы то ни было авантюристических выступлений [текст неразборчив].

Ближайшие задачи:

создание работоспособного ЦК;

перерегистрация членов;

правильная постановка партийной работы;

назначение постоянного представителя

[Турк]бюро в Бухаре.

Хивинская работа заключается в реорганизации ХКП и руководстве ею.

В настоящее время:

установлена информационная связь;

обследована ХКП специальным представителем [Турк]бюро;

выработан проект программы;

создано временное организационное бюро;

приняты меры к вовлечению в партию туркменской бедноты.

Ближайшие задачи.

Подготовка к съезду, на котором должна быть выработана твердая политика по национальному вопросу и аграрному вопросу и принята программа. Посылка постоянного представителя.

5. Взаимоотношения Туркбюро и Совета действия.

До сих пор не установлен модус взаимодействия [Турк]бюро и Совета действия¹⁷ и не ограничена работа в Персии. В последнее же время Совет действия пытался начать работу в Бухаре, где им производилась работа по созданию Бюро народов Востока в Бухаре. Эта работа не увенчалась успехом, а во время пребывания Роя в Бухаре была выяснена ненужность создания подобной организации. Работа с БКП ведется Туркбюро; работа среди кашгарцев – ЦК союза кашгарцев; афганская работа направляется Туркбюро; индусская работа руководится Ревкомом. Поэтому всякая другая работа из Баку будет вносить ненужный и вредный параллелизм.

6. Очередные задачи работы Туркбюро в целом.

Созыв Съезда революционных и коммунистических организаций Средней Азии и Индии.

7. Нужды Туркбюро:

установление твердого постоянного состава бюро;

выделение фонда согласно смете;

получения представителя для Бухары и Хивы.

8. При сем прилагается список изданий [Турк]бюро.

9. Смета бюро.
 10. Доклад о Персии.
 11. Доклад о Кашгаро-Джунгарии.
 12. Доклад о Кашгарско-Джунгарском съезде.
 13. Материал о Персии.
 14. Сообщение об [Революционной] ассоциации.
 15. Протокол заседания Туркбюро от 15 и 16 июня¹⁸.
- Председатель Туркбюро Коминтерна
Я. Рудзутак.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 544. Оп. 4. Д. 7. Л. 1–6. Машинописный текст. Подпись – автограф.

Документ № 2

Г.В. Чичерин – В.И. Ленину

13.10.1921 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Может быть, Вы успеете прочитать прилагаемый первый доклад тов. Раскольников¹⁹ из Кабула. В нем говорится об ожесточенной борьбе, закончившейся нашей победой, отклонением договора с Англией и ратификацией нашего договора. Из аргументации приверженцев и противников договора с нами можно видеть, какое громадное значение для каждой отдельной мусульманской страны имеет наша политика по отношению к другим мусульманским странам. Наша политика в Турции и Персии была решающей для Афганистана. В то же время видно, какую вредную для наших интересов роль играет поддержка нами так называемых афганских революционеров, которые в действительности совершенно висят в воздухе. Никакой почвы для революции в Афганистане нет, это есть самоутешение некоторых ташкентских товарищей. Мы все время твердим, что из Ташкента не должны посылать в Афганистан так называемых революционных агентов, не должны оказывать им поддержку. Этими агентами мы все равно ничего не достигнем, а афганское правительство раздражим и поможем Англии. В Афганистане еще гораздо меньше, чем в Персии имеется почвы для

таких авантюр, а вреда они могут принести еще гораздо больше, чем в Персии **нашей восточной политике**. Надо надеяться, что теперь, когда распущено Туркбюро Коминтерна и заменено тов. Диманштейном, этого больше не будет.

С коммунистическим приветом,
Чичерин.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2059. Л. 5. Машинописный текст. Подпись – автограф.

Документ № 3

**Письмо А. Иоффе
в Исполком Коминтерна**

18.10.1921 г.

Уважаемые товарищи,

Мною получен мандат на ревизию Туркбюро Коминтерна.

Во исполнение этого поручения я ознакомился с положением дел в Туркбюро и выяснил следующее:

Туркбюро Коминтерна как таковое никакой почти работы не вело. Поскольку эта работа вообще велась, она лежала на техническом аппарате Туркбюро, возглавляемом двумя юнцами, один из коих даже не коммунист.

Считалось, что ведется работа: 1) персидская, 2) кашгаро-джунгарская, 3) китайская, 4) бухарская, 5) хорезмская, 6) афганская, 7) индийская, 8) работа Туркбюро молодежи, 9) издательская работа.

Что касается издательской работы, то список изданий вам высылается. Как видите, очень бедно.

Работа в молодежи ни в чем почти не проявляется.

Индийская работа, фактически, прекращена, и на деле возятся с небольшой группой совершенно разложившихся в морально-политическом отношении эмигрантов, от которых даже не могут избавиться, ибо боятся снабдить их деньгами и отправить на родину, так как были прецеденты, что по прибытии туда они прямо показывали, что получили деньги «от большевиков». Я предложил Отделу внешних сношений НКВД все же их отправить.

В Афганистане есть несколько информаторов, но информации нет почти ника-

кой. Работа, чрезвычайно мизерная, ведется на территории Бухары.

В Хорезме работы почти нет.

То же самое в Бухаре, где, поставив себе правильную задачу политического руководства так называемыми левыми коммунистами, фактически и этой работы не выполняют и даже с группой этих левых коммунистов, находящейся в Туркестане, почти не поддерживают связи и, во всяком случае, совершенно ими не руководят.

Китайской работы совершенно нет. Между тем, мне думается, следовало бы попытаться через Туркестан связаться с южными китайскими революционерами, ибо эта связь была бы чрезвычайно важной, а все другие пути, вероятно, еще труднее. На мое предложение относительно этого мне было отвечено, что курьер послан. Но от этого курьера ни слуху, ни духу, и я не думаю, что ему были даны ясные директивы. Налаживание связи с Южным Китаем, получение оттуда постоянной и дельной информации, по-моему, вопрос большой важности, и на достижение этого следовало бы не жалеть затрат.

В кашгаро-джунгарской работе дело сводится к организации бедноты, находящейся на нашей территории. Политического значения это не имеет, но приводит к протестам кашгарских и джунгарских властей и к тому, что возвращающиеся на родину безжалостно расстреливаются. В мою бытность в Верном мне на это жаловались сами китайские рабочие, которые, очевидно, смотрят на свою организацию как на тяжелую обязанность. Полагаю, следовало бы отдельные союзы китайских (подданных) рабочих ликвидировать и организовать их совместно с туземной беднотой. Это и принципиально правильное.

В персидской работе делается кое-что больше, чем в других местах. Об этом вам были посланы доклады своевременно.

Считаясь с таким малым объемом и содержанием работы, Туркбюро ЦК РКП недавно постановило ходатайствовать о закрытии Туркбюро Коминтерна и назначении одного уполномоченного Испол[нительного] бюро Коминтерна в лице т. Диманштейна. Фактически Туркбюро Коминтерна уже передало всю работу т. Диман-

штейну, так что Исполкому остается только формально закрепить это решение, что я со своей стороны рекомендую сделать.

Т. Юренев²⁰ ходатайствует о назначении уполномоченным для Бухары его заместителя т. Бодрова²¹. Я советую это ходатайство удовлетворить, поставив, однако, Бодрова в подчинение к Диманштейну.

По существу работы следовало бы т. Диманштейну, как уполномоченному Исполкома, преподать нижеследующие инструкции:

1. Путь на Индию всемерно поддерживать.

2. Связь и путь на Южный Китай в спешном порядке наладить.

3. В Персии, Афганистане, Хиве и Бухаре вести работу в направлении создания действительной компартии, без увлечения революционными авантюрами.

4. В Кашгарско-Джунгарском районе вести работу только информационного характера, не ведя политической, ибо эти провинции могут легко отложиться от Китая, что в данное время никакой пользы не принесло бы, но затруднило бы взаимоотношения РСФСР с Китаем.

5. Аппарат Туркбюро Коминтерна следовало бы еще сократить, сократив вместе с тем и расходы.

Вот все то, что я, при беглом ознакомлении с положением дел, имею сообщить.

С коммунистическим приветом

А. Иоффе.

Ташкент, 19.10.1921 г.

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 6. Л. 210–211. Машинописный текст. Подпись – автограф.

Примечания

¹ Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – советский дипломат и партийный деятель. В 1918 г. участвовал в переговорах о заключении Брестского мира. В 1921 г. – зам. председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и Туркестанского бюро ЦК РКП(б). В 1922 г. – член советской делегации на Генуэзской конференции, затем представитель РСФСР на переговорах с Японией. До 1924 г. – полпред в Китае. В 1924–1925 гг. был советским полпредом в Австрии.

² Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) – советский партийный и государственный деятель. В 1920–1937 гг. был членом ЦК. С 1921 г. председа-

тель Туркестанского бюро Коминтерна. С 1922 г. председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б).

³ Рой Манабendra Натх (Мартин, Роберто Аллен, Вильягасия, Роберт Аллен-Рой, Робертс, Мануэль Мендес) (1892–1954) – индийский революционер. В 1920 г. по мандату компартии Мексики направлен делегатом на II конгресс Коминтерна. В Москве встречался с Лениным, по предложению которого подготовил тезисы по национальному и колониальному вопросам, обсуждавшиеся на II конгрессе Коминтерна. Входил в комиссию II конгресса по национальному и колониальному вопросам как представитель Мексики (Роберто Аллен) и Индии (Манабendra Натх Рой – Роберто Аллен). С 1921 г. член Исполкома Коминтерна (ИККИ) от Индии. Делегат III–VI конгрессов Коминтерна (в работе VI конгресса «из-за болезни» участия не принимал), XIV съезда ВКП(б). В 1920–1921 гг. – представитель ИККИ в Ташкенте для работы в странах Востока. В Ташкенте основал компартию Индии.

⁴ Сафаров Георгий Иванович (1891–1942) – член партии большевиков с 1908 г. В 1920–1922 гг. – член Туркбюро ИККИ. В 1921–1922 гг. – заведующий Восточным отделом ИККИ.

⁵ На этой конференции планировалось объединить все группы индийских националистов, сотрудничавших с советским правительством и Коминтерном. Из-за активного саботажа группы Роя–Мукерджи примирения группировок не произошло.

⁶ Бухарская коммунистическая партия.

⁷ Хорезмская коммунистическая партия.

⁸ Личность не установлена.

⁹ Диманштейн С.М. (1886–1939) – советский партийный и государственный деятель. С июля 1920 г. – нарком по делам национальностей Туркестанской республики и член Туркбюро ЦК РКП(б). С осени 1921 г. курировал нелегальную работу Туркбюро Коминтерна. С 1922 г. на партийной и государственной работе. Член ВЦИК.

¹⁰ Калаков Габай (?–?) – с марта 1920 г. сотрудник Туркбюро Коминтерна, начальник Полторацкого пункта связи с Ираном. С мая по сентябрь 1922 г. работал в Восточном секторе ИККИ, а затем после «заграничной командировки» был переведен на работу в Коммунистический университет народов Востока.

¹¹ Личность не установлена.

¹² Личность не установлена.

¹³ В тексте неразборчиво.

¹⁴ Али Мухаммед (Хуши Мухаммед, Абдус Салым) (1894 – 1937) – индийский коммунист. В 1915–1919 гг. жил в Кабуле, откуда осуществлял антибританскую деятельность. Он был связан с «Временным правительством Индии» во главе с М. Баракатуллой. Участвовал в заговоре «золотых писем». В 1920–1922 гг. – резидент Коминтерна в Кабуле. Выслан из Афганистана по приказу эмира Амануллы-хана. До 1928 г. – на нелегальной работе в Германии и Франции. С 1928 г. – сотрудник аппарата Коминтерна. В 1937 г. репрессирован. 21.04.1992 г. реабилитирован.

¹⁵ Туркестанская комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (Туркцик).

¹⁶ Личность не установлена.

¹⁷ Совет пропаганды и действия народов Востока создан в Баку в 1920 г. как вспомогательная структура Коминтерна для связи с компартиями Ближнего и Среднего Востока.

¹⁸ Перечисленные документы не публикуются.

¹⁹ Раскольников Федор Федорович (1892–1939) – советский полпред и представитель Коминтерна в Афганистане с 16.7.1921 г. по 6.2.1924 г.

²⁰ Юренев Константин Константинович (настоящая фамилия Кротовский) (1888–1938) – советский дипломат. В 1921 г. был полпредом в Бухаре.

²¹ Личность не установлена.

В.П. Хохлова

ВАСИЛИЙ ТОРСКИЙ: ИЗ ТВОРЧЕСТВА «РУССКОГО АЛЖИРЦА»

Творчество российских литераторов, оказавшихся на чужбине после революции и Гражданской войны, ныне достаточно хорошо известно на родине. Многие их произведения, изданные когда-то за рубежом, выпущены в последние годы и в России, им посвящены исследования специалистов. Но были среди эмигрантов и те, кто писал в свободное от основной работы время и чаще всего не мог опубликовать свои стихи, рассказы или повести. Творчество таких литераторов, обычно живших в странах Востока, где невозможно было прокормиться литературным трудом, практически не известно в России. Один из них – «русский алжирец» Василий Торский.

Василий Васильевич Торский (1895–1970) родился в русской части Польши. Участник Гражданской войны на стороне белых, он эвакуировался в составе врангелевских войск из Крыма в Турцию в конце 1920 г. Затем перебрался в Северную Африку. С 1926 г. Торский жил в Алжире. Долгие десятилетия работал топографом. После Второй мировой войны получил советское гражданство, но на родину не вернулся и закончил свои дни в независимом Алжире.

Публикуемый рассказ «Горбатая», написанный в 1963–1966 гг., интересен прежде всего тем, что описанный в нем трагический эпизод гражданской войны в России через много лет получил продолжение на других широтах, в тогда еще колониальном Алжире, в мире иных реалий, человеческих стремлений и страстей. Но не только в этом его познавательная ценность для современного читателя.

Повествование ведется от лица крымского «зеленоармейца». Что знали мы о «зеленых», отряды которых когда-то доставляли столько хлопот и красным, и белым, сошедшимся в смертельном поединке на бескрайних просторах распавшейся империи? По сути дела, ничего (примитивные ярлыки типа «белобандиты», или «бабки»,

внедрявшиеся в сознание нескольких поколений советских читателей и особенно кинозрителей, не в счет). Бывший белогвардеец Василий Торский, встречавшийся с «зелеными» как на родине, так и на чужбине, внимательно слушавший их рассказы, пожалуй, впервые приподнимает завесу над участью этих обездоленных людей.

В 1918–1920 гг. в крымских горах и сопредельных районах Южной России действовали отряды людей, отколовшихся от обеих противоборствовавших армий. У них было отнято все, они были порождением кровавой всероссийской междоусобной схватки. Своими грабежами и насилием они мешали и красным, и белым, дезорганизуя армейские тылы. Известно, что и белые, и красные пытались так или иначе склонить их на свою сторону. Отсюда фантастически звучащие для нашего уха словосочетания, имевшие распространение в ту пору («бело-зеленые», «красно-зеленые» и прочие, не сумевшие внятно определить свое место в политическом спектре). Отчаявшиеся, мечущиеся, не желающие служить ни Советам, ни белогвардейцам, эти люди сбивались в отряды. Их численность колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Состав был необычайно пестрым как в социальном, так и в национальном отношениях¹.

Одна черта их объединяла: стремление выжить. «Красно-зеленые» не хотели покидать Россию и ждали прихода большевиков. «Бело-зеленые», напротив, были готовы уйти за кордон с Русской армией Врангеля, да не успели. Им оставалось надеяться на милость победителей, громкогласно обещавших, кстати, амнистию. Но у победителей был, как вскоре выяснилось, свой расчет. Так, после взятия Перекопа временных союзников большевиков, махновцев, ждали бессудные расстрелы. Сдавшиеся же или захваченные в горах «зеленые» в лучшем случае попадали на Соловки или в сибирские центры. Боль-

ше повезло тем из «зеленых», которые, спустившись с гор, успели смешаться с толпами отступавших врангелевцев и погрузиться на отплывавшие из Ялты, Севастополя, Феодосии, Керчи корабли Русской эскадры. О них и ведет речь в очерке рассказчик, выведенный под именем Афанасия Ивановича Шапошникова.

Говорит этот человек с полным знанием дела – ведь он коренной крымчак и непосредственный участник событий. Здесь надо сказать, что в те годы в разных местах Крыма жили именитые россияне, в том числе творческие люди, обладавшие всероссийской известностью – Иван Шмелев, Максимилиан Волошин, Викентий Вересаев, Евгений Чириков, Иван Билибин, Владимир Вернадский, Аркадий Аверченко... Приютил тогда Крым и других, менее известных писателей, ученых, журналистов, художников, артистов, музыкантов. Естественно, они были в курсе происходившего вокруг них и о «зеленых» знали. В их произведениях, например, у И.С. Шмелева или З.А. Шаховской, мы находим упоминания об отчаянных вооруженных людях, в том числе бывших офицерах, живших в горах и не признававших никаких властей². Но эти упоминания довольно отрывочны. Вряд ли могло быть иначе: временно осевших на побережье Крыма москвичей, петербуржцев, киевлян одолевали каждодневные житейские заботы, связанные с элементарным выживанием, которые и выходили впоследствии из-под пера литераторов на передний план. Вот почему бесхитростный рассказ простого уроженца Симферополя, человека, знавшего «зеленых» не понаслышке, к тому же чудом уцелевшего и добравшегося аж до берегов Африки, не может не вызывать интереса и в наши дни.

Судя по всему, автор колебался, выбирая название рассказа. Сначала назвал его «Футболист», выдвинув на первый план судьбу сына-эмигранта. Во втором, более позднем варианте («Горбатая»), напротив, оттенил участь матери.

Впрочем, сюжетные линии, отразившиеся в обоих названиях, тесно связаны. В сущности, обе судьбы – матери и сына, каждая по-своему, глубоко трагичны. Мать, молодая женщина, мстящая за свой позор,

гибнет от рук карателей, в данном случае белых (между прочим, попади отряд в руки красных, конец, видимо, был бы не лучше). Но не менее тяжела и доля сына. Он будет расти на чужбине, станет апатридом поневоле. Ему придется отзываться на иноземное имя, говорить на чужом языке. Короче, повернуться, подобно многим сверстникам из числа беженцев, спиной к родине. А главное – вычеркнуть из памяти мученицую мать.

Предлагаемый текст в высшей степени биографичен и, не побоимся этого слова, документален. Топограф Конопницын – это, несомненно, сам Торский, в свое время исходивший с теодолитом в руках если не весь Алжир, то, во всяком случае, его обширную прибрежную часть.

Рассказ «Горбатая» дает самое общее представление о творчестве Василия Торского – прозаика, поэта, публициста, мемуариста, обширное литературное наследие которого лишь недавно стало доступно российским ученым. Рукописи своих произведений Торский передал в консульство СССР в Алжире, откуда они впоследствии были вывезены в Москву и подарены Институту Африки РАН. В 2008 г. рукописи Торского переданы в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Текст печатается по машинописному оригиналу с незначительными сокращениями, преимущественно описаний алжирской природы. Пропуски обозначены угловыми скобками. Были устранены замеченные опечатки. Текст приведен в соответствие с правилами современного правописания. Стилистические особенности оригинала сохранены. Публикатор дополнил в словах отсутствующие буквы без обозначения этого в тексте. В квадратные скобки заключены буквы или слова, опущенные автором или неразборчиво написанные, а также переводы с французского.

ГОРБАТАЯ

Топограф Конопницын работал на постройке дороги в горах и в лесу. Снимал план, поперечные и продольный профили, прокладывал трассу, земляные работы и все

прочее, что в таких случаях полагается. За ним, на расстоянии полутора, двух километров, подрядчик начинал постройку дороги. Она должна было пройти берегом реки, пересечь реку и углубиться в горы, в сторону моря. С Конопницкими работали три помощника – молодые люди, французы алжирского происхождения, те, что называют себя «черноногие». Для них это была не только работа, заработок – они выполняли практический стаж. Пройдут этот стаж, выдержат экзамен и получают звание техника, «аджуэн техник» (помощник топографа. – В.Х.). А потом, если толковый парень и действительно хочет учиться, будут допущены к экзамену на звание инженера. И так далее.

Обстановка – горы и лес. Лес дубовый. Дубы двух пород – те, что сбрасывают листву на зиму, и те, что не сбрасывают. Изредка попадались участки соснового леса, пробковые дубы. В пойме реки росли вербы, серебристые тополя, мимозы, еще какое-то дерево, похожее на ольху, только серая ольха никогда таких громадных размеров не бывает. И, главным образом – кустарник. По-французски он назывался «лянтист». Деревень и жилых мест поблизости не было. В восьми километрах от их лагеря небольшой городок и проходила национальная дорога. В прошлом году он жил в этом городке, в гостинице, но за год успели построить пять километров дороги, и пришлось поселиться ближе к месту работы, то есть – в палатках, в лесу.

Главная трудность работы в том, что горы и лес. Были бы ровные, открытые места – и все было бы по-иному. А с другой стороны – были бы ровные, открытые места и все было бы не интересно. В том-то и прелесть этой работы, что – горы и лес. Работа не походила на работу, а так – какая-то увеселительная прогулка. Иногда очень уставали, и все равно не было впечатления, что работа. От гор и леса исходили романтизм, приключенческое настроение. Так что можно сказать – чем больше леса, тем интереснее.

Но было еще и другое. Им приходилось рубить деревья и жалко было рубить. Конопницкий подходил к дереву, трогал его рукой, ласкал, прощался с ним, подымал

голову, смотрел, какие у него ветки. По ветвям с точностью не много распознаешь, но приходило на помощь воображение и добавляло подробности. А корни... их не видно, но это ничего не значит... как они переплелись с корнями других деревьев, вытесняют друг друга, стараются перехитрить. <...>

И вот, приходят к месту, которое называется Корина. Конопницкий хотел узнать, что означает это слово на местном языке. Двух знатоков расспрашивал и толку не добился. Один сказал, что корина – это западня, ловушка, а другой, что красота, изящество... линия может быть кориной, правильная дуга, красивый поворот, о женщине говорят корина, если она красива и изящна. И то, и другое одинаково подходило к этому месту. Действительно, что-то вроде западни: вместо обычных ста метров в день проходи[ли] десять, пять или еще меньше. А красота тоже подходила, потому что река описывала правильную дугу, широкое песчаное ложе, по которому вьется, шумит на перекатах струйка воды. Противоположный берег крутой, уступчатый, покрыт дубовым лесом. А тот, по которому им пройти, ровный до самого подножья высокой скалы. Если с вершины этой скалы посмотреть, то все покажется зеленым газоном и на нем подстриженными фигурами, копнами возвышаются высокие деревья. <...>

Трасса дороги привела их к скалистому краю, который пересекал долину реки и терялся на той стороне. Метров пять выемки на этом краю, легкий поворот и спуск в газон. Хотели войти, и оказалось невозможно. Так же, как невозможно войти в дом без окон и дверей. Нужно не входить, а врубаться. И сразу теряешь землю, которая исчезает, уходит вглубь, оставляет в виде знака о себе [горки] камней. Человек проваливается в глубину, наполненную трухой, перегноем, гнилыми кусками дерева, все это потрескивает, поддается, фыркает пылью, мусором и, как трясина, засасывает все глубже и глубже. Человек может совсем исчезнуть, обвалом засохшей трухи засыпет его, и только по голосу узнаешь, что там человек. И нужно вытаскивать его, потому что собственными силами он не выбе-

рется. А то, что сверху сыпется, куски дерева, гнилушки, пыль, перегной, об этом и говорить не стоит. Что делать? Рубить? Что рубить? Рубить нечего... Все эти стволы, стебли, веревки, нити, что уходят из земли в высоту, они как будто и ни при чем. Срубишь их, что от этого изменится? Ведь это не деревья, это – кустарник. Он не здесь, а высоко вверху разросся непроницаемой зеленой крышей. Подрубишь ее, она даже не опустится. А если опустится, то накроет тебя сверху и совсем забудет, придавит. Смилакс (род лиан. – *B.X.*), вьющееся растение с тупыми крючками, загнутыми книзу, чтобы нельзя было вверх подняться, чечевичник... с ними они давно знакомы. Но здесь совсем не то. Если срубил, то нужно оттащить срубленное в сторону, чтобы оно не мешало. А как его оттащишь – земли нет, камни, невидимые щели между камней. <...>

Объяснялось такое скопление кустарника очень просто: вода. Где нет воды, там кустарника или вовсе нет, или очень мало. А здесь очевидно имеется какой-то водонепроницаемый пласт, глина или камень... растет кустарник. А крупные деревья вырасти не могут, потому что нет почвы. В этом климате дай только воду, и все зарастет кустарником. Так оно и было когда-то – росли непроходимые тропические леса. Но вода уходит из Северной Африки, кустарники не растут, лес редееет, климат меняется. Поселился человек и стал пахать землю, вызвал эрозию, смыл плодородной почвы, ускорил уход воды. Еще сто, двести лет – и все будет унесено водой, выброшено в море, и в Северной Африке водворится пустыня такая, как теперь в Сахаре. Сахара раньше не была пустыней. Это были степи, и человек занимался скотоводством там, где теперь, как волны в море, ветер перекачивает песчаные барханы.

На следующий день, утром, Конопницын уехал в город. Два раза говорил по телефону с инженером, видел подрядчика, рассказал ему, в чем дело, ездил с ним к инженеру. Инженер телефониловало в лесное ведомство, лесное ведомство телефониловало в Алжир, и в результате всех этих переговоров еще на следующий день, в девять часов утра, условились быть на месте все заинтере-

сованные в этом деле стороны: инженер, лесное ведомство и подрядчик, осмотреть положение и выработать соответственный образ действий. Конопницын вернулся в лагерь поздно вечером, было уже совсем темно, усталый, измученный, как никогда после работы, от еды отказался, выпил только воды с анисо[вкой] и лег спать.

Свидание состоялось. Приехал инженер со своим помощником. Верхом на лошадях приехали лесник со своим племянником. И подрядчик со своим начальником работ. Если прибав[ить] Конопницы[на] с его тремя помощниками, то получится двенадцать человек. Ходили, рассматривали, проваливались, отряхивались. Шагов на десять можно было пройти до ближайшего камня... Увидеть что-нибудь нельзя, потому что темно. Сойти с камня тоже нельзя, потому что провалишься, взбудоражишь темноту и посыпется труха, обрушатся громадные гнезда-комья гнилой листвы, застрявшей в ветвях. Она медленно падает с шорохом, похожим на вздох, словно ощупывают тебя невидимые руки.

Общее мнение: жечь, только пожega... Обычным порядком очищать землю, рубить и оттаскивать срубленное нет смысла. Десять гектаров очистить таким образом – сколько это времени займет, и сколько это будет стоить. Спорили инженер с подрядчиком – кому выполнять эту работу? Отходили в сторону и обсуждали этот вопрос наедине. <...> Наконец, в двенадцать часов дня, голод дал себя знать и пришли к заключению: с применением огня, под строжайшим надзором лесника, выполнит эту работу подрядчик, а платить будет инженер, то есть дорожное ведомство, для чего, ввиду исключительности положения, не предусмотренного в контракте, будет составлен дополнительный контракт. Разрешив таким образом вопрос, возвратились в лагерь, выпили два кувшина воды, полторы бутылки анисо[вки], попрощались и уехали.

Подрядчик завтра [же] пришлет своего человека выяснить положение: что нужно, какой инструмент, сколько людей, как устроить их в смысле питания и жи[лья] – нельзя ли их поселить вместе с людьми Конопницына – и всякие иные мелочи.

Проходит еще один день и приезжает человек от подрядчика. В палатку Конопницына вошел пожилой мужчина среднего роста, бритый, с приятным лицом. Конопницын посмотрел на него и сразу решил: русский. И не ошибся.

– Вы русский?
– Русский. А вы?
– Тоже русский. Давайте говорить по-русски. Для вас это не трудно?
– А нет, не трудно. По-русски яснее выразишь. Вы из какой губернии?
– Я из Севастополя.
– Вот и отлично. А я из Симферополя. Земляки. Петровскую слободку³ знаете?
– Не знаю. Но это неважно.
– Правильно. Неважно... А я не один. Я с сыном. Разрешите представить? Базиль, вьен иси (иди сюда. – В.Х.). Он, видите ли, по-русски не говорит.

И появился Базиль, молодой парень, в шортах... Самое замечательное в нем, что поражало с первого взгляда и заслоняло все прочее, – высокий рост, могучее телосложение, словно фигура с какого-то монумента ожила, сошла с пьедестала и ходит по земле. И за этой фигурой, как тень, следовала мысль: и откуда берутся такие росты... Ведь отец совсем маленького роста. Очевидно, все дело в матери... и представлялась мать, высотой с дерево. И только после таких размышлений начинаешь замечать все остальное – яркий румянец, голубые глаза, светлые золотистые волосы, детское личико. Вообще красавец. Наверно, нравится южным женщинам, брюнеткам.

– Ну, и сын у вас...
– А что, хорош?
– На ять.
– Футболист...

Так состоялось знакомство с Афанасием Ивановичем Шапошниковым и его сыном, Базилем. Вечером того же дня пришли восемь человек рабочих подрядчика со своей палаткой, инструментом и всем необходимым для жизни. К четырем палаткам лагеря прибавилась пятая. Маленькую, двухскатную палатку занимал Конопницын. В ней было две койки, одна свободная, и он предложил Афанасию Ивановичу поселиться у него. Для Базилиа нашлось место в палатке помощников. На почве футбола у него сра-

зу завязалось знакомство, и они приняли его как своего.

А еще через день, утром, приехали верхом на белых лошадях лесник с племянником и началась работа. На первый взгляд – очень просто: подожги кустарник и он сгорит. Но лесник покачал головой и сказал, что этот кустарник гореть не будет, чересчур сырой, много воды. Его нужно не жечь, а прожигать. Раскладывать огонь, сушить и сжигать все, что высохнет на огне. А трудность в том, что земля покрыта огромными камнями. <...> Нужно находить место для огня, сносить сухой валежник и зажигать. Нужно, по выражению лесника, устраивать огненные взрывы.

– Вот увидите, как это будет...

Так все и было. Утро, ветер еще не прилетел с моря, росы не было. На камне разложили огонь. Сначала он горел нехотя, дымил, потрескивал. Лесник командовал: больше суши, больше суши... А как туда сушь заложить... Так, на камне, рядом с огнем не устоишь, снизу нужно подавать топливо, кочергой не поковыряешь, чтоб оживить огонь. И сушь-то эту не несут, а передают из рук в руки, перебрасывают. Плохо выбрали место для огня, надо в другом месте костер разложить. И занялись другим костром. И вдруг хлопнуло что-то... Да так хлопнуло, что все переглянулись – как выстрел... А за выстрелом заурчало, загрохотало, словно валится что-то, завывало, как зверь. Все подняли головы и увидели высоко вверх, сквозь чащу ветвей и всего, что на ветвях развешено, огненный стол[б] сжигает на лету и выбрасывает искрами. А звуки какие... Ни за что не скажешь, что это огонь. Хлопает, как флаг на ветру, воеет, свистит, визжит. И видели, как сверху вспыхивают и зажигаются ветви. И так длилось минуту, может быть, две. Потом умолкло, огненного столба нет, только потрескивают зажженные ветви, сыплются головешки, уголья, горящие куски дерева и дымит костер. Но зато появился просвет, голубеет небо. А потом и вовсе погасло. Вот это и называется прожигать... огненный взрыв. <...>

Сразу наметилось две функции: поджигатели и подсекатели. Поджигатели добывали топливо, приносили его, раскладыва-

ли огонь и вызывали взрыв. За ними шли подсекатели, собирали в кучу горящие обломки, секли все, что выходило из земли, стволы, ветки, стебли, и укладывали их между камнями так, чтобы можно было хоть как-нибудь передвигаться. Поджигателями командовал Афанасий Иванович, с ним было три человека, а пять остальных – подсекатели. А топографическая бригада, так как в первые дни [ей] нечего было делать, помогала и тем, и другим. И все были очень довольны. Таких замечательных приключений никогда не видели, не слышали – приедут домой, будет о чем рассказывать. После работы, прежде чем прийти в лагерь, шли на реку мыться. Выкупаться негде – раздевались и ложились в воду.

И тут возник вопрос: что будет делать Базиль? Он не был рабочим у подрядчика. Отец взял его с собою только для того, что[бы] не оставлять дома одного. Когда Конопницын спросил, что делает Базиль, Афанасий Иванович сказал, что он футболист. Конопницын в области спорта не осведомлен и больше не спрашивал. Афанасий Иванович вдовец, их только двое в доме, он и сын.

Прошло несколько дней, и Афанасий Иванович нашел работу для сына: сторожить палатку. В лагере был уже такой сторож, и нет ни малейшей надобности заводить другого. Афанасий Иванович помолчал некоторое время, ожидал, что Конопницын что-нибудь скажет. Но Конопницын не сказал – ему какое дело, не он будет платить... И Афанасий Иванович продолжал: что же так оставаться без дела, лишние деньги всегда пригодятся... И больше об этом не говорили. А сам Базиль не проявил никакой инициативы. Он всегда занят. У него был карманный мяч, и он все время подбивал его ногой. Стоит и разговаривает с кем-нибудь, и всевозможными способами, ногами, головой, спиной, животом, воздействует на мяч, не дает ему упасть на землю. А рукой нельзя тронуть мяча. Незнающий может подумать, что руки только мешают, соблазняют прикоснуться к мячу. Но оказалось вовсе не так. Руки очень нужны. Они для него то самое, что для канатного плясуна гири или железный стержень, от тяже-

сти которого он отталкивается, находит в нем точку опоры. <...>

Раз вечером, когда легли спать, был разговор о Базиле. Афанасий Иванович спросил, трудно ли стать топографом, как эти молодые люди, помощники Конопницына, и что для этого нужно сделать. Он спрашивает об этом, потому что с сыном не знает, как быть. Вырос, возмужал, жениться пора, а никакого дела не знает. Футбол. А что такое футбол? Ничего... Ну, кое-что получает от него, премии за участие в футбольных выступлениях или как там у них называется... Ездил в Марокко, в Италию, во Францию. Нельзя сказать, что плохо, но и хорошего ничего нет. Хвалят, пишут, приглашают, переманивают... такое там у них идет, у всех этих футбольных заправил, что даже не поверишь... Вовсе это не так просто, как кажется. Говорят, у Базилья замечательная верность удара, точность глаза и правильный расчет, что там еще... сразу узнает, как надо играть, слабую сторону противника, куда и что нужно... и вообще – игрок замечательный. Все это отлично. Ну, а дальше что? Пройдет еще десять лет, в футбол играть нельзя и что делать? Вот о чем нужно думать.

Конопницын ответил, что если сейчас пропустить время, то потом уже не станет топографом-землемером. Нужно с ранних лет заниматься этим делом. Хотя, впрочем... все зависит от способностей человека... Но должен сказать, как ему представляется Базиль... не похоже на то, что у него такие способности... Тут требуется усидчивость, воля... Ну, и так дальше. <...>

Потом был еще один разговор. Оказалось, в конце июля Базиль возвращается в [город]. Кончился отпуск, который им дали, игрокам в футбол, и нужно за работу приниматься, тренироваться. Так что через несколько дней он уезжает.

И тут случилась беда – Базиль обжег ногу. Играл в мяч, мяч упал в тлеющий хворост. Захотел достать его, не рассмотрел, и нога провалилась в горячие уголья. Сейчас же приняли все меры, смазали специальной [против] ожогов мазью. Думали – сойдет. А оно не сошло. Вздудились два пузыря на левой ноге, на той самой, которой играть правому форварду. Как с такой ногой трениро-

ваться в футбол? Невозможно, а через два дня – уезжать в Алжир.

И тут началась горячка. Афанасий Иванович ездил в город, в аптеку, и купил там всего необходимого для скорейшего исцеления ноги. Базиль лежит. Обожженная нога на высокой подставке, чтобы кровь не прилиwała, Афанасий Иванович не отходит от него, промывает, прикладывает, дает какие-то пилюли, термометр поставил, нет ли жара. Жара не было. На третий день словно бы лучше стало, перестали сочиться ожоги, заживают. Бог даст – заживут к тому времени. И через два дня состоялся отъезд. Заказан был мул, чтобы не идти пешком. Усадили Базилья на муле. Он, оказывается, боится, очень высоко, за гриву мула держится, никогда не ездил верхом. Афанасий Иванович с одной стороны ведет мула, а с другой стороны – мальчик-погонщик. И рано утром, до начала [работы], ушли, чтобы успеть к девятичасовому автобусу.

В полдень вернулся Афанасий Иванович.

– Ну, как? Все благополучно?

– А благополучно, слава богу. Моя вина – не подумал об этом.

– В чем ваша вина?

– А ну как же... нужно было предвидеть, что такое случится. С огнем имеем дело. Нам это, можно сказать, ничего не значит, не заметим даже, а ему – чуть что-нибудь такое пустяшное, и выбыл из строя. У них это обязательно, держать себя в неприкосновенности.

Конопницын ничего не сказал. Но заметно стало, что Афанасий Иванович беспокоится. В субботу, после обеда, он не пошел на работу – едет в Алжир, проводить сына, как он там... Вернулся в понедельник к полдню.

– Ну, как?

– А ничего, все хорошо. Зажило, слава богу. Сегодня у них начало тренировок.

А работа тем временем продвинулась далеко вперед. <...>

Прошло еще какое-то время. Август месяц, самое жаркое время года. Пересекли овраг. Очень много было работы с этим оврагом. Он зарос плакучей ивой всяких возрастов, начиная такими, что от старого дерева только душло осталось. А кругом

душла хороводом растут молодые деревья, охраняют родоначальника. Тонкие стволы, обтянутые темно-зеленой, гладкой корой уходят вверх и там шумят, качаются по ветру. А под ними светло, солнце проглядывает и заросли хвоща и дикой спаржи. Через овраг придется строить мост, и требовалась подробная съемка. <...>

Афанасий Иванович получил письмо от Базилья. Нога зажила, все благополучно, тренируется, двадцатого сентября едут играть в Оран, а после в Касабланку. И следовало перечисление, путанный список имен, фамилий, каких-то непонятных слов. Афанасий Иванович плохо разбирался во всем этом – так безграмотно, неразборчиво написано, что ничего не поймешь. Конопницын помогал и тоже ничего не мог понять. <...>

Заметно было, что после отъезда Базилья Афанасий Иванович разговорчивее стал, словно при Базиле не мог о нем говорить. И оказалось, что все идет совсем не так, как он бы хотел. Выходило так, что всем управляет Базиль, а Афанасий Иванович только обслуживает. Странно как-то... Казалось бы, должно быть наоборот, Афанасий Иванович всему голова, старший, отец семейства, деньги зарабатывает. Ну, ладно... теперь это так. А как же раньше было, когда Базиль маленький был, тогда кто командовал? <...> А расспрашивать Конопницын не хотел, ковырять в чужой беде. У него то же самое в семье. У него трое детей, два сына и дочь, и тоже не говорят порусски. Футболистов нет, сыновья докторами хотят быть, потому что доктора хорошо зарабатывают. А что такое Россия и что в России делается – понятия не имеют. Никакие они не русские и не хотят быть русскими. Быть русским для них – это быть хуже, чем другие, [вот они] и скрывают от других, что отец и мать у них русские. И уже ничем этого не изменишь. И то, что он видел у Афанасия Ивановича, было то самое, что у него. Только у Афанасия Ивановича хватило мужества сказать об этом, а у него – нет. У Афанасия Ивановича это происходило от простоты, от недомыслия, не выражалось в таких точных формулах, как у него: потеря национальности, утрата русскости... а у него – выражалось. А сказать

об этом не мог, не хватало решимости. Не говорил, умалчивал, как о пустяках, о которых и говорить не стоит. Тут нужно совсем не то, нужно сказать Афанасию Ивановичу, крепко пожать руку, обнять его: милый друг мой, и у меня то же самое. Не футболистами, а докторами хотят быть, потому что доктор хорошо зарабатывает. А Афанасий Иванович на это ответит, что и отлично... Лучшего и желать нельзя. Что бы он дал, чтобы и у него так было... Не сделал чего-то, когда нужно было, вот и последствия... И разные другие, такие же невеселые мысли.

И так длилось до одного вечера, когда почему-то, может быть, устали чересчур или день выдался какой-то особенный, до обеда безоблачно, а после обеда облака нашли, закрыли солнце, а на западе совсем темно, столько там низких от груза воды, темных туч скопилось. Ветра не было, и перед угрозой этого облачного нашествия чуткая тишина наступила в лесу. И в этой осторожной тишине зашелестел дождь. А какие запахи пошли по лесу, разбуженные дождем после четырех месяцев бездождья. Идешь по открытому месту, и мелкий, мелкий дождик сыпется на тебя. И как начал с вечера, начал семенить, так, все усиливаясь, без помощи ветра, который только шумиху бесполезную подымает, шумел лес до утра. С дождем сычи вышли на работу и ухали страшными голосами, словно тишину и темноту рвали на части. И всякие ночные звуки не жили в этом шуме дождя. Может быть, все это и настроило на какой-то особенный лад, сняло томительную обязанность скрываться, молчать и высматривать. Ужинали в кухонной палатке и после ужина сразу разошлись.

И вот, придя в палатку, Афанасий Иванович сказал, что настроен сегодня, ничего не поделаешь... хочет рассказать Конопницину, как все на самом деле было и есть. Так сказать, открыться ему, облегчить душу. Первому из посторонних людей ему рассказывает, сколько лет прошло – никому не говорил. <...>

И когда легли, оставили на столе лампу догорать, Афанасий Иванович начал.

Это было в девятьсот девятнадцатом году, в Крыму. Он вернулся из немецкого

плена. Думал, застанет отца и будут жить по-прежнему. Куда там... отца не застал, помер отец, а о прежней жизни и думать смешно. Стал мешочником, спекулянтом. И кончилось плохо. Залопали⁴ его белые на продаже английского обмундирования и посадили в тюрьму. Но в тюрьме... во-первых, тюрем нет, то-есть не хватает, переполнены... а, во-вторых, люди им нужны на фронте, а не в тюрьме. И выпустили его с тем, что он поступит в армию защищать Россию, чтобы как раньше была. А он вместо армии взял и подался в зеленые. Знакомый у него был, посоветовал. Зеленых в те времена в крымских лесах и горах больше, чем деревьев было. Попросту сказать – бандиты. Называли себя чистыми или честными бандитами потому, что бедных не трогали. А бедных не трогали, потому что у бедных трога[ть] нечего. Если хочешь тронуть что-нибудь, то [иди] к богатым, там трогай. А за богатого почитали каждого, у кого хоть что-нибудь есть. Если у тебя два рубля, то один рубль возьмет себе, а другой тебе оставит чистый бандит. Хорошо поработали на одной немецкой колонии, пока немцы не вооружались, и пришлось спасаться от немцев. Потом на Ф[а]росе, на даче у купца Воейкова. А потом какая-то история произошла, бежал к зеленым какой-то видный офицер из штаба. Астафьев, Аласафьев... Афанасий Иванович не помнит, память изменяет. У него два слабых места: память и поясница. И белое командование взялось за зеленых. Была выделена часть с капитаном Мешниковым или Свешниковым. В той части сотня кубанцев – воры отменные... и рота ингушских пластунов⁵... еще хуже. Они по-русски не говорили и не стреляли. Так и пели: мы по-русски не говорим и не стреляем... без ножа русский зарезам... И пришлось уйти из тех мест, приблизиться к Феодосии. Там есть такая деревня – Кишлав, Кашлав... что-то в роде этого. В Кашлаве был друг и приятель одного из них. Вот на этого друга-приятеля [пришлось] базироваться. А жил друг и приятель не в самом Кашлаве, а так версты две в сторону, в лесу и на речке. Там мельница была. Самое разлюбезное дело для зеленых. Но вышла неудача, и в этот самый Кашлав пластуны нагрянули. <...> И на

этой мельнице устроили засаду... Обычным порядком – их было восемнадцать человек, свечерело, вот, как теперь, дождик накрапывает... прислушивались, приглядывались, приближаются к мельнице... Поток шумит, лес шумит. И выходит к ним из кустов женщина. И узнают в ней Маринку, племянницу того самого приятеля, к которому шли. И она им говорит: «Не ходите туда, там вас ждут». И рассказывает, что там было. Никого нет, все ликвидированы. Жену брата с девочкой отправили в деревню, а ее схватили, оставили в доме, всю ночь куражились над нею. Что там было, лучше и не говорить. У пластунов один русский за старшего, Никанором звали его. Плачет бедная Маринка, рукавом полушубка лицо закрывает, а по рукаву слезы текут, и зубами за рукав держится. Еле живой осталась. Второй день ждет их, чтобы предупредить: «Не ходите туда, там вам – смерть». Домой ей вернуться нельзя. Забыют. И хочет пристать к ним. Ну, обсудили и согласились. Сколько раз услуги им оказывала. А потом – не на сладкое житье идет. Можно сказать – из огня [да] в полымя. А потом знали, что она деловая девка. Будет у них за сестру милосердную, за повариху, за хозяйку, как у семи богатырей. Только требует Маринка, чтобы к ней не приставали со своими мужицкими замашками похабными. Согласились, не будут приставать. У них за старшего был сибиряк, Черных. И он пообещал: будь спокойна, не пристанут. Ты только укажи на приставалящика, будет иметь дело со мной. И в ту же ночь не их в засаду [заманили], а они засаду на ингушей сделали. Думали всех взять, а двое ушли. Придут в деревню и скажут, что на мельнице зеленые. И им пришлось уйти с мельницы, чтобы этого контакта не получилось. Они одного своего потеряли, но с Маринкой как было восемнадцать, так и осталось.

Времена были трудные. А какие они могут быть у зеленых? Только трудные. Сначала так-сяк, а потом хуже и хуже. На одной диверсии их чуть не залопали. Место есть такое, тоже забыл, как называется. <...> Немецкая колония. Четырех оставили там. Осталось их четырнадцать. Пришлось им рассыпаться, чтоб отвязаться. Их четве-

ро было, Маринка четвертая. Действительно, боевая девица. В такие дела ходила, что не всякий мужик потрафит. Не давал ей покоя Никанор. Непременно хотела достать его. И достала. Три дня ее не было. На четвертый день приходит из своей операции и показывает кожаный бумажник. А в бумажнике фотографии, письма, и на одном так и написано: «Никанору». Посмотрели эти фотографии, убедились и возвратили ей, а она в огонь бросила. А была некрасивая, рябоватая, рыжеватая, но сильная, ловкая, веселая. Шутки любила. Только как скажет такую шутку, так не знаешь, на что смотреть. И Черных-сибиряк говорил ей: «Не выражайся так, ты ведь женщина среди мужчин». А она отвечает, что ей начхать на все, она уже не женщина. Прошли те времена, когда женщиной была. Она была похожа на тех женщин-героинь, что в американских фильмах выступают. Только те – красавицы, а она невзрачная. Посмотришь не нее и не догадаешься, какой геройский, твердый дух в ней.

В общем, проходит лето двадцатого года. У белых дела не идут, им уже не до зеленых. Не стало ни пластунов, ни кубанцев. Помнит такого Раешника, лихой парень, не пойми кто, не то белый, не то зеленый. Прославился налетом на поезд, что шел из Джанкоя в Керчь. От налета выгоды немного было, а белые послали карательную экспедицию на зеленых, и стало хуже. Приставали к ним разные шайки, отряды, называли себя патрулями. Они тоже приставали к другим. Все, как в котле, кипело. Маринка все время с ними. Только стали замечать, что у нее живот выпятился. Беременная. И вот, стояли они на хуторе у одного поселанина. А рядом с хутором был дом не то лесника, не то еще кого-то. Нежилой, пустой, разрушенный. И вот в этом доме они стояли. Приходит раз Черных-сибиряк и говорит, чтобы они выкатывались из этого дома. На дворе тепло, приятно на дворе поспать. А зачем выкатываться, не сказал. Они выкатились, сидят в саду, у огня, картофель пекут. А Черных при Маринке остался. И слышали детский писк – младенец родился. Входит Черных и командует: «А ну, встать... на молитву шапки долой... Смирно». Все встали, сняли шапки и не

понимают, что такое. А Черных до конца досказывает: «У Маринки мальчик родился. Накройсь. Вольно. Вы тут бугаями сидите, а женщина ребенка родила. Ничего вы не понимаете. Когда нужно, она на операцию пойдет не хуже вас, а потом ребенка родить может. Вот оно что. Примите к сведению». Они согласились, приняли к сведению. Таким образом произошло прибавление семейства собственного завода.

Трудно было, но ничего, выходили ребенка. Назвали его Василием. Крестили. Попа не было. Черных был. Все равно, разница какая... С тем крещением и сию пору ходит, хотя уже не Василий, а Базиль. Но это одно и то же. Летом с ребенком не трудно, потому что тепло, а настала осень, подул норд-ост и стало трудно. Уговаривали Маринку – почему в город не пойдешь, в городе спокойнее. А она не хочет, она не городская, в городе у нее никого нет. А на случай холодов у нее полушубок имеется. Вот только надо достать его. И отправились за полушубком. И он с нею. Нельзя же слабую женщину с ребенком в таких условиях оставлять одну. И он, Афанасий Иванович, ходил за полушубком с нею. Он не был тогда Афанасием Ивановичем, а просто Афанас или Афонька. Четыре дня были туда и обратно. На мельнице были. Там артель⁶ какая-то поселилась, седьмого дня⁶ или духоборы, приводят в порядок мельницу и по вечерам свои песни поют о спасении души и загробной, вечной жизни. Ну, и нашли время... Маринка свое дитя к спине подвязала платком и накрыла полушубком. Холодно уже было. А она чувствует, как он там, шевелится или не шевелится и что ему нужно. Распорол на спине полушубок, вставила вставку, сшила, чтобы ему воздух был дышать. Получилось очень хорошо. В таком виде походила на горбатую. Никто не догадывался, что это ребенок, а не горб. Как он там не задохся – одному богу известно. Но не задохся – факт на лицо. И за нею пошла кличка – Горбатая. Раз ее за горбатую на самом деле принял человек, не знавший этого, и ударил ее по горбу. Она его как двинет наотмашь... и за обрез схватилась. Он на нее... А она: «Стрелять буду...» А тут другие вступились и отстранили. Ты, дурак, что заслужил, то и получа-

ешь. Нельзя со слабой женщиной так обращаться. Сейчас же она полушубок скинула. Думала – убит ребенок, конец. А он даже не проснулся, спит, как забавуканный. А дурак увидел, что сделал, и просит прощения: «Не знал, прости ради бога...» Вот какие дела были. А другой раз поскользнулась, земля под нее поддалась, и загремела вниз Маринка. Тоже думали – пропала, и Васютка пропал. А как бы не так. Побежали спасать ее, а она навстречу им идет. Она говорила, что полушубок у нее счастливый, ничего не боится в полушубке. А если снимет, то плохо будет. Только перед самым концом снимет полушубок. Он у нее бронированный, бронебойный, оборонительный. Но тут, правду сказать, неизвестно, кто кого оборонял, полушубок ее или она полушубок.

И вот осенью двадцатого года, незадолго до ухода белых из Крыма... тогда уже Деникина не было, а был Врангель. Голодно было и холодно. А главное, измучились все. Уже не люди, а тени. Обдергались все, оборвались, никуда нельзя приткнуться. Белая армия тикает, в Керчь идут, там корабли есть, на них эвакуироваться можно. Ожидали прихода красных. Вот тогда покажут, это тебе не белые, всем конец тогда. И возникал вопрос – как быть? И мнения раздвоились. Одни – пристать к белым, эвакуироваться. Другие – к красным и будь, что будет. И таким образом возникло задание: рассоваться, кто куда может. Все дела ликвидируются. Три человека отошли на Тамань. Как они там, до[брались] до Тамани или не[т] – ничего не известно. Один ушел в Феодосию. В Керчь никто не захотел идти. А шесть человек, он, Черных, Маринка и еще трое, – на Симферополь, чтобы, когда красные придут, встретить их в Симферополе, а не в лесу.

И случилась беда. Какое-то урочище <...> не помнит точно... все названия, как раки из мешка, расползаются... залопали их [там]. Залопали оттого, что измотались в доску, спали и не проснулись вовремя. Их сейчас же по Маринке признали – ах, эта самая, Горбатая... отлично... Черных-сибиряк хотел уйти. Два выстрела с разных сторон, и Черных упал. Подбежали к нему и прикончили. Остальные не бежали. Пять

их осталось. Ничего у них нет, хотели прикончить тут же. А потом передумали. Сейчас какое-то начальство прибывает, так чтобы показать начальству – вот, дескать, поймали... главного, Черных, и Горбатую... Вот-де как стараемся... Показать, а потом – в расход. Связали им руки, посадили под деревом и дожидаются начальства. А Маринка говорит, чтоб не вязали ей рук, у нее ребенок на спине, под горбом, накормить ребенка. Не поверили – покажи ребенка... Она показала. Да, видят – действительно ребенок. Ну, корми, если так... И осталась не связанной. Лежит под деревом, дождь идет, холодно, мокро, не ели два дня, и сейчас расстреляют. Вот какие бывают перспективы и настроения. А их утешают: сейчас начальство придет, покажем вас и больше не будете страдать. Потом ушли все, от дождя спрятались, оставили одного часовым, чтоб сторожил их. А он выломал палку, и чуть кто пошевелится, он бьет его палкой. Одному палкой в глаз ткнул, от глаза ничего не осталось. Зачем тебе глаз, с одним глазом увидишь, как тебя расстреливать будут. Потом пришел один сменить часового. Приехала походная кухня, так чтобы пошел, поел, а он пока за него посидит. И вот счастье... Этот подмена оказался знакомым булочником из Симферополя, с их слободы. И даже дальний родственник Афанасию Ивановичу. Такую встречу нельзя оставить без последствий. Надо выручать родственника. В это время приходит часовой, которого [подменяли], и родственник говорит ему, что вот нашел мужа по сестре, нельзя его... в расход. Тот ничего против не имеет – родственник так родственник. И развязал ему руки. А тот пошел и возвращается, приносит ему кусок хлеба, сала и три куса сахара. Ешь. А как будешь есть, когда голодные товарищи сидят и на тебя смотрят. Спрятал в карман и не ест. А в это время начальство прибывает. Подъезжает крытая брезентом со слюдяными оконцами тачанка, одна пола откидывается, и вылезает оттуда не то французская, не то английская шинель задом наперед и трехцветный косячок⁷ на рукаве. А самого не видно, потому что воротник шинели поднят и рыжие усы торчат оттуда. А на папаше офицерская кокарда. А за ним взводный с

фонарем. К тому времени уже темнеть стало. И осматривают связанных. Обошли кругом дерева.

– А почему это в полушубке? – спрашивает начальство.

– Господин полковник, разрешите доложить. Это не он, а она, известная Горбатая, женщина с ребенком. У нее маленький на спине привязан. Она его кормила, и мы ее не связали.

– Отлично. Правильно сделали, – говорит начальство. – Маленького отнять от матери, и сдашь его в Симферополе в детский приют, а ее вместе со всеми израсходовать.

– Так точно, господин полковник.

В общем, так поговорили. А что он, Афанасий Иванович, не связан, осталось незамеченным. Он нарочно заложил руки за спину, чтобы не заметили. Осмотрело начальство. И еще спросили, где самый главный, и ему разъяснили, что лежит там, где его убили, не закопан еще.

– Желаете посмотреть?

Но начальство не пожелало. Куда там... темно, дождь идет... что он, его в лицо узнает? Ес[ть] на что смотреть. Начальство залезло в свою тачанку и отбыло. А взводный остался, чтобы привести в исполнение. Подняли их на ноги и ведут к яме. Расставили по краям ямы пять человек. Он рядом с Маринкой. И в это время родственник докладывает взводному, что вот так и так... его дядя из Симферополя... нельзя ли как-нибудь для дяди поблажку сделать. Тот спрашивает: который? А родственник показывает – вот тот, что рядом с нею. И хлопнул его по плечу. Ну, хорошо – пусть выйдет. И он вышел, встал в стороне. Смотрит. Четверо стоят спиной к нему. Темно, только фонарь светит. Маринка и еще трое. И он видел все остальное, как это было. Подошли к Маринке отнимать ребенка. Она сняла полушубок. Под полушубком платок и ребенок в нем. А на ней самой одни только лохмотья. Она стала развязывать платок. И не может развязать. Пальцы окоченели и не повинуются, как деревянные. И тогда говорят ему: «Эй, ты, спасенный... помоги женщине, видишь – она не может развязать». Афанасий Иванович подошел и тоже не может развязать, темно и нужно знать,

как развязывать. Тогда Маринка догадалась и стала через голову снимать платок с ребенком, а он помогал ей. Последний раз прикоснулся к ней. Взял ребенка в платке. А Маринка говорит, чтобы таким же способом одел платок на себя, тогда у него ребенок на спине будет. Он просунул руки, она оправила на нем, одернула и поверх всего полушубок накинула, чтобы ребенок не промок под дождем, не простудился. И все это фонарем присвечивал. Наконец, готово, получил ребенка и отошел в сторону. Она ничего не сказала, все молча и при свете фонаря. Сделала все и стала на свое место. И их расстреляли, выстрел в затылок, и тот падает в яму.

Пришли на хутор. На хуторе его накормили, позволили возле огня остаться, провести ночь. Он провел ночь. А на другой день сели на телеги под брезент и уехали. Дождь все время льет. Взводный подозвал его к себе и говорит: «Вот так и так, спасенный... мы по месту назначения едем, а ты куда хочешь, туда и ступай, и чтобы я тебя больше не видел... Одно дело – начальство приказывает, а другое, как дело выходит. Оставляем тебе полушубок для ребенка, потому что он с тобою останется, делай с ним, что хочешь. Какие там приюты для детей, нет никаких приютов. Мы не в Симферополь едем, а в Керчь. Ступай». И они уехали. Ехать далеко не пришлось, потому что дорога так раскисла, что лошади не берут. Ну, с родственником попрощался. Вот и вся история Базиля. Так что он никакой не его сын, а усыновленный. Потом он женился на русской в Болгарии, приехал с нею во Францию, в Эльзас, на расчистку железа. Там жена простудилась и померла, а он приехал в Алжир. Вот и все.

Помолчали, и Конопницын спрашивает – знает ли об этом Базиль?

– А как же, – ответил Афанасий Иванович, – я ему рассказал пять лет тому назад, когда ему было тринадцать. Только мне показалось, что он чего-то не понял, наверное, подумал, что это о ком-то другом, а не о нем, и я рассказал ему еще раз в прошлом году. А он мне отвечает: «Я уже знаю, ты мне рассказывал». Значит – понял, знает. Но, правду сказать, я так думаю – мало его

касается это все, другим занят. И кто эту проклятую игру выдумал...

Еще поговорили немного, Конопницын расспрашивал о зеленых в Крыму. И заснул под шум дождя.

– Разные бывают дожди, – последнее, что сказал Афанасий Иванович, – есть такие дожди, что в век не забудешь. Мне так кажется, что вся моя жизнь под шум дождя прошла, как кусок дерева обгорелый с двух концов.

– Да, бывает... – ответил Конопницын.

Прошло несколько лет. Афанасия Ивановича Конопницын больше не встречал. А после войны узнал, что он умер. А Базиль уехал во Францию.

РГАЛИ, ф. 1435 (новые поступления, не описаны).

Примечания

¹ См.: *Раковский Г.Н.* В стане Белых. (От Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920, с. 102, 202–219; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926; *Ярко Н.* Тюрьма, суд и казнь // Революция в Крыму. Сборник материалов к десятой годовщине советизации Крыма. [Симферополь] 1930; *Слащов-Крымский Я.А.* Белый Крым. 1920 г. Материалы и документы. М., 1990; *Шмелев И.С.* Солнце мертвых. М., 1991; *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Крымско-татарское национальное движение в 1917–1920 гг. // Новый Град, Симферополь, №1, 1995, с. 50–59; *их же.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997; *Вернадский В.И.* Дневники. Март 1921 – август 1925. М., 1998; *Воронович Н.В.* Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891–1920. М., 2001; *Карпов Н.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005, с. 238–290; *Савин Иван.* «Всех убиенных помяни, Россия...» М., 2007, с. 86, 98, 160; *Филимонов Сергей.* По следам репрессированных прототипов эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых» // Мир Паустовского. М., 2008, № 26, с. 42.

В советской литературе тема «красно-зеленых» мельком отражена в пьесе К.А. Тренева «Любовь Яровая».

² Н.А. Тэффи, вспоминая впоследствии первые дни пребывания в «белом» Новороссийске, не скрывала своего удивления: «Тут впервые услышали мы слово “зеленые”... Зеленые были новые, не совсем понятные – из белых и красных образовался этот новый цвет». (*Тэффи Н.А.* Моя летопись. М., 2004, с. 138). Не встретить развернутого суждения о «зеленых» и у писателей-фронтовиков. Так, в романе «Призрак Александра Вольфа» Г. Газданов ограничивается туманной фразой о

конном отряде некоего товарища Офицера, революционера с уклоном к анархизму. Отряд этот, «уточняет» автор, вел партизанскую войну «где-то на юге России». (*Газданов Г. Призрак Александра Вольфа // Газданов, Гайто. Вечер у Клэр. М., 1997, с. 153–154*).

³ Петровская слободка до революции находилась на выезде из Симферополя. Сейчас это центральный район города.

⁴ Здесь: поймали, схватили.

⁵ Пластунами называли пеших казаков, которые несли разведывательную или сторожевую службу на Кубани.

⁶ Вероятно, речь идет о секте адвентистов седьмого дня, одном из течений протестантизма.

⁷ Бело-сине-красная остроугольная нашивка, шеврон.

В.С. Христофоров

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ФСБ РОССИИ ПО ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА 1920–1930 ГОДОВ

Для большинства советских людей к 1980 г. Афганистан был малознакомой незначительной страной, имеющей небольшой участок совместной границы с Советским Союзом. Однако ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и дальнейшие события поставили эту страну не только в центр международной политики, но и оставили неизгладимый след в судьбах очень многих людей в нашей стране. Сегодня Афганистан продолжает оставаться одной из ключевых «горячих» точек в мировой политике. Публикации по афганской тематике не задерживаются на прилавках книжных магазинов. Выпущенная в свет в 2004 г. Институтом востоковедения РАН «История Афганистана. XX век»¹ уже стала почти библиографической редкостью.

Востребованность публикаций по афганской тематике достаточно очевидна. Во многих государственных и ведомственных архивах в нашей стране хранятся комплексы документов по тем или иным вопросам, связанным с Афганистаном. На сегодняшний день разработка и введение в научный оборот этих материалов является актуальной и важной задачей ученых-востоковедов и других заинтересованных специалистов.

В Центральном архиве ФСБ России также имеются на хранении документальные материалы по афганской тематике. Документы, отражающие события в Афганистане и вокруг него в последней четверти XX в., представлены достаточно разносторонне, но сегодня полагаю возможным остановиться на более раннем этапе истории наших взаимоотношений с афганским государством.

Во время правления эмира Амануиллы² в 1919–1929 гг. между Советской Россией и Афганистаном установились особые отношения сотрудничества в политической и экономической сфере. Придя к власти 21 февраля 1919 г., Аманулла буквально

через несколько дней, 28 февраля, провозгласил независимость Афганистана. В результате обмена дружественными посланиями между Амануллой-ханом и В.И. Лениным в 1919 г. были установлены дипломатические отношения с Советской Россией, в 1921 г. заключен советско-афганский договор, в 1926 г. между СССР и Афганистаном был подписан договор о нейтралитете и взаимном ненападении.

События, развернувшиеся в начале 1920-х годов в Средней Азии и Афганистане, потребовали от руководителей органов безопасности найти решение сложных задач по обеспечению интересов нашей страны в этом регионе. Методы борьбы ВЧК–ГПУ с белогвардейскими организациями и антисоветскими политическими партиями оказывались неэффективными в условиях восточных национальных окраин. Специфика работы в своеобразной национальной и культурной среде на Востоке требовала соответствующих специалистов и исполнителей. В сложившихся условиях было принято решение образовать самостоятельное подразделение ГПУ при НКВД РСФСР для работы на восточном направлении.

Восточный отдел в составе Секретно-оперативного управления был создан приказом ГПУ от 2 июня 1922 г. № 98. Существовавшее ранее в составе Особого отдела (ОО) ГПУ 14-е специальное (Восточное) отделение было передано в Восточный отдел со всем аппаратом, делами и имуществом.

Созданное в начале 1921 г. 14-е специальное отделение ОО ГПУ в силу недостаточных полномочий и неуккомплектованности подходящими кадрами не смогло решить поставленные перед ним задачи. По сути, отделение только вело наблюдение за миссиями восточных государств в Москве, причем не имело при этом существенных результатов, за исключением

дела по разоблачению турецких шпионов. Другим важным направлением деятельности 14-го специального отделения была систематизация материалов в отношении восточных национально-политических и религиозных организаций. Однако собранные материалы нередко носили случайный, отрывочный характер, часто искаженно и поверхностно изображали те или иные события и явления.

Низкая эффективность деятельности 14-го специального отделения вызвала необходимость выделения восточного направления в контрразведывательной работе органов безопасности молодой Советской республики. На вновь созданный Восточный отдел были возложены задачи по объединению всей работы органов ГПУ на Кавказе, в Средней Азии, Поволжье и Крыму в сфере противодействия местным национально-религиозным контрреволюционным проявлениям, а также шпионажу восточных государств. Кроме того, Восточному отделу была поручена разработка всего материала, получаемого закордонной частью Иностранного отдела ГПУ из стран Востока, с правом давать ИНО ГПУ соответствующие оперативные задания, являющиеся обязательными для исполнения³.

В составе отдела были образованы три отделения (по состоянию на декабрь 1922 г.): 1-е отделение охватывало Кавказ и Ближний Восток (начальник В.А. Стырне⁴), 2-е отделение – Средний Восток и Среднюю Азию (Ф.И. Эйхманс⁵), 3-е отделение – Дальний Восток (М.М. Казас⁶). Начальником Восточного отдела назначен Я.Х. Петерс⁷, незадолго до того вернувшийся из Туркестана, где с 1920 по 1922 гг. он был полномочным представителем ВЧК и членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б). Его заместителем стал В.А. Стырне.

С образованием Восточного отдела прежде всего возникла необходимость набора новых сотрудников, способных выполнять поставленные перед новым подразделением задачи. Практически единственным выходом в сложившейся ситуации руководители Восточного отдела считали перевод на работу в Москву некоторых сотрудников территориальных органов ГПУ на Кавказе и в Средней Азии.

Так, назначения в Москву получили проходившие службу в органах Туркчека в начале 1920-х годов Стырне, Эйхманс, Дьяков⁸, Аллахвердов⁹ и др. Позже, в 1929 г., Дьяков сменил Петерса на должности начальника Восточного отдела, а Аллахвердов в середине 1930-х и начале 1940-х годов стал резидентом в Кабуле.

Начальник Восточного отдела обращал внимание сотрудников на необходимость изучения истории народов Востока, так как у каждого из них она имеет свои существенные особенности, зависящие от различия воздействующих на него социально-экономических факторов. Он отмечал, что «имевшаяся литература по Востоку, оставленная нам в наследство буржуазным строем, если пытается осветить национально-религиозное движение, то далеко не полностью и, кроме того, она слишком тенденциозна. Главным же образом ее составляют научные изыскания антропологического, этнографического, географического и пр. подобного характера»¹⁰. По мнению Петерса, накопившиеся за время революции данные в архивах различных учреждений, также, как и литература, представляли собой очень ценный, но сырой материал, могущий быть использованным только при значительной его обработке достаточно компетентными лицами, и притом лишь с помощью метода исторического материализма.

Сотрудники Восточного отдела приступили к сбору разносторонней информации по странам Востока и стали готовить «исчерпывающие исторические обзоры национально-религиозного движения»¹¹. В этих целях были налажены деловые отношения с различными учреждениями и ведомствами, располагавшими информацией по Востоку. В первую очередь это был Наркомат иностранных дел, внешнеторговые организации и информационные агентства. Кроме того, было организовано изучение научной литературы и периодических изданий по восточной тематике и создана соответствующая библиотека.

Важнейшим направлением деятельности Восточного отдела была организационная работа территориальных органов ГПУ, располагавшихся в южных и восточных рай-

онах страны. Были составлены и разосланы на места циркулярные письма, в которых на основе накопленного опыта давались указания и разъяснения местным органам ГПУ по работе на национальных окраинах. Периодически составлялись обзоры информации о национально-освободительном и религиозном движениях в странах Востока.

Создание Восточного отдела и выделение борьбы со шпионажем восточных государств в самостоятельное направление деятельности в руководстве ГПУ имело не только сторонников, но и противников. Так, помощник начальника Особого отдела ГПУ Р.А. Пилляр¹² составил докладную записку, в которой он высказал несогласие с передачей функций по противодействию шпионажу восточных государств из Контрразведывательного отдела во вновь образованный Восточный отдел. По мнению Пилляра, «так называемый восточный шпионаж тесно сплетен со шпионажем государств Европы» и, соответственно, «методы борьбы с восточным шпионажем тождественны методам борьбы со шпионажем государств Европы и Америки»¹³. Тем не менее, точка зрения о целесообразности существования самостоятельного подразделения ГПУ по работе на восточном направлении в тот период одержала верх.

Восточный отдел функционировал в системе органов ГПУ–ОГПУ на протяжении восьми лет. Это был сложный период становления советской власти в южных и восточных областях СССР, борьбы с бандитизмом (басмачеством) в Средней Азии, решения политических и дипломатических задач по налаживанию отношений с государствами Востока. К концу 1920-х годов, по мере укрепления положения советской власти внутри страны и в международной политике, происходили изменения и в структуре органов безопасности страны.

После упразднения Восточного отдела в 1930 г. его функции по борьбе с националистической и «восточной» контрреволюцией, со всеми видами шпионажа со стороны государств Востока и наблюдение за соответствующими посольствами, консульствами и национальными колониями в СССР передали в 3-й отдел Особого отдела ОГПУ¹⁴.

Имеющиеся на сегодняшний день в фондах ЦА ФСБ России документальные материалы по восточной тематике за 1920–1930 годы представляют собой документы, отложившиеся в фондах секретного делопроизводства и уголовных дел.

В архивных материалах Восточного отдела ГПУ–ОГПУ за 1920-е годы значительное место занимают документы по внутренней и внешней политике Афганистана, а также касающиеся политических событий, развернувшихся в сопредельных странах.

Афганистан, в соответствии с организационным построением Восточного отдела, находился в сфере деятельности 2-го направления, которым вначале руководил Ф.И. Эйхманс, а затем Т.М. Дьяков. Как отмечалось ранее, в первые годы существования Восточного отдела работа по линии Афганистана осложнялась отсутствием квалифицированных кадров. По свидетельству Петерса, аппарат ИНО ГПУ был в то время еще слаб и не мог охватить даже наиболее важные политические центры в восточных государствах. Так, в Афганистане первоначально вовсе не было резидентуры ИНО ГПУ¹⁵. Важнейшую информацию, использовавшуюся как в оперативной работе органов безопасности, так и при решении внешнеполитических задач Советской республики, приходилось собирать через посольство в Кабуле, Особый отдел Туркестанского фронта, Полномочное представительство ГПУ в Туркестане, а также через некоторых журналистов и торговых работников, выезжавших в Афганистан по линии своих учреждений и организаций.

Упомянем некоторые архивные документы, которые можно условно объединить в несколько групп.

К первой группе документов, представляющей существенный интерес для исследователей, можно отнести материалы переписки полномочного представительства Советской России (СССР) в Кабуле с руководством НКВД – Г.В. Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом. В основном это машинописные копии шифротелеграмм, а также донесений и писем, часто выполненные на папиросной бумаге. Подписанные полномочным представителем Ф.Ф. Раскольниковым¹⁶ (а позже – сменив-

шим его Л. Старком¹⁷), они содержат информацию о текущих событиях в стране и вокруг нее, встречах и переговорах советских дипломатов с эмиром Афганистана Амануллою и влиятельными представителями афганского правительства. Важное место отводится информации о деятельности британских дипломатов в Афганистане, раскрытию их интриг и политических шагов, направленных на ослабление позиций Советской России в данном регионе. Сообщается также о тесных связях бежавшего из Турции в 1918 г. Энвера-паши¹⁸, бывшего соратника Мустафы Кемаля Ататюрка, с афганским правительством в деле организации басмаческого движения на территории Туркестана.

Вторую группу документов представляют собой обзоры Восточного отдела по внутреннему положению и внешней политике Афганистана, а также «сопредельных стран Востока», составленные на основе анализа информации, поступавшей по различным каналам. Помимо констатации политического и экономического состояния восточных государств, в этих обзорах, как правило, даны разъяснения и обоснования необходимости тех или иных политических мероприятий со стороны Советской России.

Обзор по Афганистану (1921 г.) предваряется вступлением о его роли в международной политике. Отмечается, что территория Афганистана издавна рассматривалась Англией, Россией и другими влиятельными державами как ворота в Индию¹⁹. В обзоре подробно анализировался заключенный в ноябре 1921 г. англо-афганский договор. По мнению сотрудников Восточного отдела, этот договор способствовал осуществлению британских интересов в Афганистане и на территории пограничных племен. Это могло привести к тому, что Афганистан превратится в марионеточное государство, через которое Англия и другие империалистические государства Запада будут вести враждебную деятельность против Советской России. Это «будет своего рода Грузия на границах Индии, но не меньшевистская, а правоверная, самодержавная и воинственная»²⁰.

Несмотря на конфликт интересов в Центральной Азии крупнейших империалисти-

ческих держав, аналитики Восточного отдела ГПУ отмечали, что в скором времени Советская Россия встретит единый фронт разведывательной и иной подрывной деятельности западных стран со стороны Востока и Афганистана в особенности²¹.

В связи с этим советские дипломаты при существенной помощи сотрудников Иностранного отдела, Восточного отдела и других подразделений ГПУ–ОГПУ в Афганистане делали все возможное для того, чтобы убедить эмира и других влиятельных лиц афганского общества в необходимости поддержания мира и сотрудничества между нашими странами. Благодаря успехам Красной Армии в борьбе с басмачами, ликвидации независимости Бухары, а также оказания материальной помощи Афганистану в соответствии с заключенным в 1921 г. договором между Афганистаном и Советской Россией в целом удалось убедить эмира Аманулла и его правительство находиться в рамках мирных и взаимовыгодных отношений.

Третью группу архивных документов составляют сводки, обзоры и другие документы Полномочного представительства ГПУ Туркестанской республики и Особого отдела Туркестанского фронта о военнополитической обстановке в Афганистане и афганско-советских отношениях.

Так, в январе 1923 г. в Восточный отдел ГПУ поступила из Полномочного представительства ГПУ Туркестанской республики копия проекта Конституции Афганистана под названием «Основные законы управления Афганистаном». В заверительной надписи в конце документа указано, что перевод выполнен с персидского языка (имеется в виду язык фарси-кабули, или язык дари, являвшийся в то время единственным государственным языком в Афганистане). Этот документ оказался в руках сотрудников советских органов безопасности во время его подготовки афганскими чиновниками и был рабочим вариантом, который в некоторых деталях отличался от окончательного текста, принятого 9 апреля 1923 г.

Документ разделен на две главы, которые, в свою очередь, разделены на статьи. В первой главе излагаются основы управления государством, обосновывается роль

министерств и ведомств, приводится их структура, форма назначения руководителей, основные функции и сфера их деятельности. Вторая глава посвящена управлению провинциями. Несколько статей в конце документа посвящены Контрольной палате, в функции которой входил надзор за деятельностью всех министерств и независимых управлений. При этом указывалось, что Контрольная палата подведомственна Министерству внутренних дел. В заключение приводились статьи об управлении государством во время военного положения²².

К этой же группе документов примыкают сообщения о событиях в районе Хоста (1924 г.), где произошло восстание нескольких племен, спровоцированное реформами эмира Амануллы, направленными на модернизацию страны.

Помимо сообщений и обзоров о причинах и ходе мятежа среди архивных материалов имеются два документа, в переводе названные: «Воззвание к негодям повстанцам Зурмата» (от 5 октября 1924 г.) и «Прокламация эмира к повстанцам, которая разбрасывалась с аэроплана в районе Логары и Альтимура в конце августа – начале сентября 1924 г.». Экземпляры этих документов сохранились в архиве в подлинниках, они скреплены оттиском печати эмира Амануллы. Переводчик указал, что оригиналы выполнены на двух языках – персидском и пушту (под персидским, возможно, подразумевался язык дари).

Обращения эмира к повстанцам составлены в традиционном стиле восточной риторики. В них делалась попытка разъяснить восставшим племенам, что они обмануты своими подстрекателями и действуют в интересах врагов Афганистана и всех исламских народов. Обличая изменников и грозя им неминуемыми карами, Аманулла одновременно пытался убедить мятежников в необходимости проводимых в стране реформ и в заключение выражал надежду на возвращение их «на истинный путь»²³.

Четвертую группу документов составляют материалы дореволюционной российской администрации в Туркестане. Среди них – подлинники и копии переписки туркестанского генерал-губернатора, управ-

ляющего Российским императорским политическим агентством в Бухаре, дипломатического чиновника МИД при туркестанском генерал-губернаторе с МИД и генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба за 1910–1917 гг. В этих документах содержатся главным образом донесения о деятельности германских и турецких агентов по привлечению на свою сторону афганцев и индийских мусульман для использования их в борьбе с Англией и Россией в Центральной Азии²⁴.

Определенный интерес представляют афганские газеты середины 1920-х годов, полученные Восточным отделом ОГПУ из отдела Среднего Востока НКВД СССР²⁵.

Знакомство с архивными материалами Восточного отдела ГПУ–ОГПУ по Афганистану позволило выявить некоторые особенности формирования архивных фондов. Так, архивные документы по Афганистану за период 1922–1925 гг. относительно многочисленны и разнообразны. Среди них основное место занимают материалы Иностранного и Восточного отделов ОГПУ. Имеются подлинные документы афганского происхождения.

Со второй половины 1920-х и до начала 1930-х годов афганская тематика в архиве ФСБ России представлена скромнее, в основном в сводках, информационных бюллетенях и сообщениях ИНО, а также Полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии.

Документальные материалы Восточного отдела ГПУ–ОГПУ по афганской тематике за 1920-е годы содержат информацию о политической, экономической и культурной жизни страны, административном устройстве, национальном составе и племенах, религиозных особенностях, обычаях и традициях населения Афганистана.

В последние годы ЦА ФСБ России осуществил ряд значимых научных и издательских проектов по различным проблемам и направлениям российской и всеобщей истории, ввел в научный оборот достаточно большое количество документов. Восточная тематика также была представлена в мемуарах²⁶, монографиях²⁷ и научных статьях²⁸ исследователей, работавших в нашем архиве.

Разработка и введение в научный оборот документальных материалов по афганской тематике несколько сдерживается недостатком специалистов, владеющих восточными языками и имеющих опыт работы с документами по восточной тематике. Тем не менее мы готовим ряд публикаций по истории политических отношений Афганистана и России (СССР), их военно-технического сотрудничества и планируем ввести в научный оборот некоторые новые источники по афганской тематике.

Примечания

¹ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004.

² Аманулла-хан (1.6.1892–25.4.1960) – афганский король в 1919–1929 гг. Реформы Амануллы-хана, руководствовавшегося идеями младоафганцев, содействовали централизации страны и буржуазным преобразованиям в ее экономике. Антиправительственное восстание 1928–1929 гг. вынудило Амануллу-хана в январе 1929 г. отречься от престола и эмигрировать. Умер в Цюрихе, похоронен в Джелалабаде (Афганистан).

³ См.: Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник. М. 2003, с. 431–432.

⁴ Стырне Владимир Андреевич (1897–1937) – уроженец г. Митава. В органах безопасности с 1921 г. С 2 июня по 5 октября 1922 г. – заместитель начальника Восточного отдела ГПУ, одновременно с 2 июня по 11 сентября 1922 г. – начальник 1-го отделения Восточного отдела ГПУ. С октября 1922 по март 1923 г. – начальник Контрразведывательного отдела ПП ГПУ по Туркестану. С 15 марта 1923 г. по 21 сентября 1930 г. – на различных должностях в Контрразведывательном отделе ГПУ–ОГПУ СССР. Арестован 22 октября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, осужден 15 ноября 1937 г. к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 августа 1967 г. реабилитирован.

⁵ Эйхманс Федор Иванович (1897–1938) – уроженец Курляндской губернии. В органах безопасности с 1918 г. В 1920 г. – заместитель начальника активной части, начальник Казалинского отдела Особого отдела Туркестанского фронта, председатель ВЧК Семиреченской области. В 1921 г. – председатель ЧК Туркестана. В 1922–1923 гг. – начальник 2-го отделения Восточного отдела ГПУ. Арестован 22 июля 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, осужден 3 сентября

1938 г. к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 июля 1956 г. реабилитирован.

⁶ Казас Михаил Маркович (1896–?) – уроженец г. Нижний Новгород. В органах безопасности с 1920 г. В конце 1922 г. – начальник 3-го отделения Восточного отдела ГПУ. По данным на 1942 г. – следователь следственной части Особого отдела НКВД 33-й армии Западного фронта. Уволен из органов безопасности в 1949 г.

⁷ Петерс Яков (Якоб) Христофорович (1886–1938) – уроженец Бринкенской волости Курляндской губернии. Участвовал в революции 1905–1907 гг., затем эмигрировал в Англию. В 1917 г. – член Временного революционного комитета Петроградского совета. Член Коллегии ВЧК с момента ее образования по 1929 г. С декабря 1917 г. по июнь 1918 г. – секретарь ВЧК, с декабря 1920 г. – член Президиума ВЧК. Возглавлял ВЧК с 9 июля по 22 августа 1918 г., во время левозэсеровского мятежа в Москве. С июня 1922 г. по 1929 г. – начальник Восточного отдела ГПУ–ОГПУ. Арестован 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, осужден 25 апреля 1938 г. к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 марта 1956 г. реабилитирован.

⁸ Дьяков Таричан Михайлович (1897–1939) – уроженец с. Усть-Угольское Новгородской губернии. В органах безопасности с 1919 г. В 1920 г. – военный следователь и начальник информации Особого отдела 10-й армии и Особого отдела Терской области. В 1921–1922 гг. – начальник информации Особого отдела Туркестанского фронта, начальник Мервского отделения погранотряда, начальник экспедиции уполномоченного Особого отдела Туркестанского фронта на Памире. В 1923–1924 гг. – начальник общедминистративной части ПП ОГПУ по Туркестану, помощник начальника 2-го отделения Восточного отдела ГПУ. В 1924–1926 гг. – начальник 2-го отделения Восточного отдела ОГПУ. Арестован 26 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, 19 апреля 1939 г. осужден к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 марта 1956 г. реабилитирован.

⁹ Аллахвердов Михаил Андреевич (1900–1968) – уроженец г. Шуша (ныне Степанакерт). В органах безопасности с конца 1919 г. Находился на оперативной работе в органах ЧК Средней Азии. Участвовал в установлении советской власти в Таджикистане. В 1923–1925 гг. – помощник уполномоченного Восточного отдела ОГПУ СССР. Уволен в отставку из органов безопасности в 1955 г.

¹⁰ Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–179.

¹¹ Там же. Л. 180.

¹² Пилляр Роман Александрович (Ромуальд фон Пильхау) (1894–1937) – уроженец г. Вильно. В органах безопасности с 1920 г. С 1 июля 1921 г. по 13 июля 1922 г. – 2-й помощник начальника Особого отдела ВЧК–ГПУ, а с 20 июля 1921 г. по 13 июля 1922 г. – одновременно помощник начальника Иностранного отдела ВЧК–ОГПУ. С 13 июля 1922 г. по 7 декабря 1925 г. – заместитель начальника Контрразведывательного отдела ГПУ–ОГПУ СССР. Арестован 16 мая 1937 г. В особом порядке 2 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 июля 1957 г. реабилитирован.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 5.

¹⁴ См.: Лубянка. Справочник, с. 47–48.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 702. Л. 33.

¹⁶ Раскольников (настоящая фамилия Ильин) Федор Федорович (1892–1939) – политический и военный деятель, дипломат, литератор. С 1918 г. заместитель наркома по морским делам, член РВС Восточного фронта, член ВРВС. В 1919–1920 гг. командующий Волжско-Каспийской военной флотилией. В 1920–1921 гг. командующий Балтийским флотом. В 1921–1923 гг. полпред в Афганистане. В 1930–1938 гг. полпред в Эстонии, Дании и Болгарии. В 1938 г. отозван, но остался за рубежом. Выступил с обвинениями Сталина в массовых репрессиях («Открытое письмо Сталину», 1939 г.). По приговору Верховного суда СССР от 17 июля 1939 г. объявлен «вне закона». В августе 1939 г. был помещен в клинику по поводу психического заболевания, где и скончался 12 сентября 1939 г. Постановлением Верховного суда СССР от 10 июля 1964 г. приговор от 17 июля 1939 г. отменен, реабилитирован за отсутствием состава преступления.

¹⁷ Старк Леонид Николаевич (1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат. В ноябре–декабре 1917 г. заместитель народного комиссара почт и телеграфов РСФСР. В марте–апреле 1918 г. комиссар Российского телеграфного агентства, основатель Союза журналистов. В 1919 г. редактор газеты «Советская страна». В 1920 г. советник Полномочного представительства РСФСР в Грузии. В 1921–1924 гг. советник Полномочного представительства, а затем полномочный представитель РСФСР в Эстонии.

С 22 апреля 1924 по 16 апреля 1936 г. полномочный представитель СССР в Афганистане. С апреля 1936 по 1937 гг. уполномоченный НКВД СССР при СНК ЗСФСР. Арестован 29 июля 1937 г. Приговорен «тройкой» НКВД Грузинской ССР 13 ноября 1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян в Тбилиси. Реабилитирован определением Военного трибунала Закавказского военного округа от 27 июля 1956 г.

¹⁸ Энвер-паша (Enver-Paşa; 1881–1922) – турецкий военный деятель; маршал. Уроженец Константинополя. Из бедной семьи. Окончил Академию Генштаба в Константинополе (1903 г.). Один из лидеров партии младотурок; участвовал в проведении младотурецкого переворота (1908 г.) и низложении султана Абдул-Гамида II. С 1909 г. военный атташе в Германии. В 1911 г. организатор и руководитель народной войны в Триполи против итальянских войск. С января 1914 г. военный министр. Сторонник союза с Германией. После поражения Турции и свержения младотурецкого правительства бежал в Германию. Затем переехал в Россию, по приглашению К. Радека посетил Москву. Осенью 1921 г. уехал в Туркестан. В 1922 г. возглавил банды басмачей, действовавших на территории России. В одной из стычек его отряд был разбит, а сам он погиб.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 10–11.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 98–100.

²² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 702. Л. 309–327.

²³ К разжиганию мятежа в районе Хост приложили руку англичане, недовольные стремлением Амануллы к проведению Афганистаном самостоятельной политики, не отвечавшей британским интересам в регионе. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 235. Л. 116–124.

²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 439. Л. 16–39.

²⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 406.

²⁶ Крючков В.А. Личное дело. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1996.

²⁷ Тихонов Ю.Н. Афганская война третьего рейха: НКВД против Абвера. М., 2003; *он же*. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). Москва – Липецк, 2007.

²⁸ Христофоров В.С. Мусульманское духовенство в афганской армии // Военно-исторический журнал. 2006. № 10, с. 39–43; *он же*. Феномен Джелалабада // Родная газета. 2004, 20 февраля; *он же*. Долгий путь из Афганистана // Время новостей. 2008, 14 апреля.

Т.В. Котюкова

АНТИПОД «ЧЕЛОВЕКА В ФУТЛЯРЕ»

Воспоминания о В.П. Наливкине

Известный этнограф и краевед, ташкентский городской голова Н.Г. Малицкий, как-то метко заметил: «Чиновники, даже самые лучшие, все-таки не всегда могут понять и оценить ту или иную народную нужду». Но порой среди них встречались люди неординарные, которые совмещали в себе талант руководителя и ученого. Одним из них был Владимир Петрович Наливкин¹.

Под началом генерала М.Д. Скобелева В.П. Наливкин участвовал в Хивинском и Кокандском военных походах 1873–1875 гг. Суровая военная действительность быстро развеяла его юношеские иллюзии. Владимир Петрович вышел в отставку. В 1876 г. его назначили помощником начальника Наманганского уезда Ферганской области. Но в 1878 г. он оставил и карьеру чиновника.

Вместе с женой Марией Владимировной Наливкиной (урожденной Сартори) он поселился в 25 верстах от г. Намангана в урочище Радван среди кипчаков, а затем в небольшом кишлаке Нанай, где прожил шесть долгих лет. В литературе данный поступок Наливкина объясняют влиянием на него идеологии «хождения в народ»². Из письма же самого Наливкина следует, что, находясь на службе в должности помощника Наманганского уезда, он столкнулся с рядом трудностей в связи с незнанием языка, быта, истории края и хотел восполнить эти пробелы, несмотря на отсутствие специального востокведческого образования³.

Результатом этого «хождения в народ» стало создание двух уникальных для своего времени работ: «Русско-сартковского и сартовско-русского словаря» и «Очерка быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», высоко оцененных Русским императорским географическим обществом. В 1886 г. он создал первую в русской и европейской науке «Краткую историю Кокандского ханства».

В 1884 г. Наливкин вернулся на государственную службу в качестве исполняющего дела младшего чиновника по особым поручениям при военном губернаторе Ферганской области. Затем его перевели на службу по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства.

С сентября 1884 г. Наливкин стал заведующим русско-туземным училищем в Ташкенте. Вскоре его рекомендуют на должность преподавателя местных языков в Туркестанской учительской семинарии. В своих воспоминаниях бывший директор учительской семинарии Н.П. Остроумов отметил, что в семинарии Наливкин заложил основы преподавания восточных языков⁴. По инициативе Наливкина практиковались летние поездки воспитанников в кишлаки с целью сбора этнографических материалов⁵.

Русско-японская война, «кровавое воскресенье», по мнению И.Б. Наливкина, вплотную подвели Владимира Петровича к «безоговорочному одобрению революции 1905 г.»⁶.

В 1906 г. при генерал-губернаторе Д.И. Суботиче Наливкин по собственному прошению уходит в отставку «по семейным обстоятельствам» в чине действительного статского советника, то есть штатского генерала. Какое-то время он читает лекции по мусульманскому праву и активно сотрудничает с газетой «Русский Туркестан». Сложно определить однозначно политическую принадлежность этой газеты. По одной версии, она считалась легальным органом местных социал-демократов⁷, по другой – это был печатный орган большевиков⁸.

В ходе второй думской избирательной кампании В.П. Наливкин был избран депутатом от европейского населения г. Ташкента⁹.

Став депутатом, Владимир Петрович обозначил свою политическую позицию на встрече с населением Ташкента 9 февраля 1907 г.: «...я буду сидеть в рядах социал-демократов, к которым по своим воззрениям стою ближе, но я все-таки беспартийный, гнет дисциплины столь давил на меня, что я последние свои годы хочу быть свободным и последние старческие силы свободными отдать своей истерзанной родине»¹⁰.

Газета «Среднеазиатская жизнь» писала в этой связи с насмешкой, намекая на политические пристрастия Наливкина: «Кому же и быть представителем социал-демократов, если не вице-губернатору, да еще Ферганскому»¹¹.

Сам Наливкин никогда не выражал своих однозначных симпатий к меньшевикам или большевикам, но, возможно, с большей симпатией относился к менее воинственной позиции меньшевистских лидеров¹². И.Б. Наливкин политические пристрастия деда определил следующим образом: «Он был только сочувствующим социал-демократическим идеалам, не считая себя членом партии»¹³.

Для краевой администрации столь вольное поведение Наливкина походило на гром среди ясного неба. С роспуском II Государственной думы Наливкин вернулся в Ташкент, но был лишен властями заслуженной пенсии, правда, с сохранением генеральского чина.

Наливкин зарабатывал литературным трудом. Большой отрезок его дальнейшей жизни, с 1907 по 1917 г., изучен мало. По мнению С.Н. Абашина, отторгнутый властью и элитой, Наливкин, видимо, стал более тесно общаться с разного рода социалистами и с туземной интеллигенцией. Он приветствовал появление новометодных школ и был знаком со многими туркестанскими просветителями¹⁴.

Февральскую революцию Наливкин встретил восторженно. 19 июля 1917 г. его назначили председателем Туркестанского комитета Временного правительства и Временным главнокомандующим войсками Туркестанского военного округа. По его собственным словам, в результате этих событий «он потерялся, метался из стороны в сторону». Неприятие Наливкиным идеоло-

гии насилия и волевого решения проблем общественной жизни отдалило его от большевиков¹⁵. В то же время он не оставлял попыток примирить большевиков и меньшевиков¹⁶.

После ноябрьского вооруженного восстания в Ташкенте 1917 г. и прихода к власти большевиков Наливкин перешел на нелегальное положение. Тяжело и мучительно переживая происходящее, похоронив жену, в январе 1918 г. он покончил с собой. Внук Владимира Петровича, Иван Борисович Наливкин в опубликованных воспоминаниях о деде спустя несколько десятилетий напишет: «Он покончил с собой, потеряв цель в жизни, замучив себя переживаниями»¹⁷.

Могилы В.П. и М.В. Наливкиных на старом русском кладбище Ташкента не сохранились. Через два года после их смерти кресты вырыли, а сами могилы были уничтожены в 1942 г.

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз), в личном фонде В.П. Наливкина. Первоначально, при комплектовании фонда в 1965 г., из документов, поступивших на хранение в архив, было сформировано одно дело. В 2002 г., при обработке личного фонда Б.В. Лунина, было обнаружено 27 документов, относящихся к В.П. Наливкину, в том числе и предлагаемые сегодня воспоминания его родственников: внука – Ивана Борисовича, дочери – Натальи Владимировны и снохи – Натальи Васильевны.

В настоящее время эти документы являются составной частью фонда 2409 «Личный фонд В.П. Наливкина». Они представляют собой первоначальный вариант воспоминаний, работу над которыми И.Б. Наливкин завершил к 1984 г. и которые впоследствии легли в основу рукописи, изданной в 2001 г. в Омске. Первоначально она предназначалась для семейного архива. Еще при жизни Иван Борисович дал согласие на ее публикацию. В 1997 г. некоторую редакторскую обработку рукописи провел В.С. Бородин¹⁸, автор исторической трилогии «Звезды над Самаркандом». Интереснейший материал, представленный в воспоминаниях И.Б. Наливкина, опубликован

ных в 2001 г., не носит строго научного характера, но является информативно очень важным.

Публикуемые машинописные тексты датируются 1957–1959 гг. В них большое внимание уделяется общественно-политической деятельности Владимира Петровича. О его исследовательской деятельности как этнографа и краеведа, к сожалению, не сказано практически ни слова. Примечательно, что определенное место в воспоминаниях уделено Марии Владимировне Наливкиной, которую Н.И. Веселовский называл «первой русской женщиной-этнографом» – соратнице и помощнице Владимира Петровича. Воспоминания близких людей, окружавших Наливкиных долгие годы, ярко раскрывают их личностные характеристики, человеческие слабости и пристрастия, что, безусловно, помогает лучше понять и принять этих неординарных людей.

№ 1¹⁹

Материалы к биографии Владимира Петровича Наливкина (по воспоминаниям его дочери Натальи Владимировны и снохи Натальи Васильевны)²⁰

Владимир Петрович родился в г. Калуге²¹ 15 июля (ст. стиля) 1855 г.²² в семье военного. В 1864 г. поступил в 1-й кадетский корпус в г. Петербурге, который окончил в 1871 г. По окончании корпуса учился в Павловском военном училище (2–3 года) и окончил его с отличием²³. Не обладая достаточными средствами²⁴, чтобы служить гвардии, был вынужден²⁵ уехать в г. Оренбург²⁶, где был зачислен офицером в 6-й казачий полк (1873–1874 гг.).

Участвовал в Хивинском походе²⁷ под командованием молодого тогда генерала Скобелева (сохранил о нем весьма нелестные воспоминания, которые были опубликованы в нескольких номерах Туркестанского курьера в 1907 г.)²⁸.

Получив по окончании похода²⁹ отпуск из Ташкента, в 1876³⁰ г. (?)³¹ находился в г. Саратове, где женился на Марии Владимировне Сартори, окончившей в том году Саратовский институт (родилась в г. Саратове 6 декабря ст. стиля 1858 г.).

Железная дорога на Ташкент в тот период отсутствовала, и путь из Саратова Мария Владимировна проделала на лошадях, а местами, где повозка не могла двигаться через пески, путешествовали верхом на верблюдах. Владимир Петрович выехал вперед, т. к. был срочно вызван в полк в связи с Кокандским походом.

Указанная в вопроснике дата³² военной службы – 1876 г., ошибочная, т. к. ко времени переезда в Нанай был женат 2–3 года и имел двух сыновей погодков – Бориса (1877 г.) и Владимира.

Что явилось причиной ухода в отставку?

Наблюдая во время Хивинского и Кокандского походов огромные бедствия, которые война несет населению (см. воспоминания о генерале Скобелеве), Владимир Петрович глубоко разочаровался в военной карьере и отказался от первоначальной мысли остаться на воинской службе. Было ли то влияние народничества или начавшего приобретать в ту пору известность путешественника-этнографа Миклухо-Маклая, либо сама собой возникающая потребность сменить опостылевшую бессодержательную жизнь на жизнь, посвященную большому делу, только Владимир Петрович оставил военную службу, был записан в запас и уехал с семьей в кишлак Нанай, имея намерения изучить и ближе познакомиться с бытом коренного населения.

Так как никаких средств начать новую жизнь не имелось, были проданы ценные вещи, полученные Марией Владимировной в приданое.

По приезде в кишлак Нанай [он] приобрел участок земли и скот и вел хозяйство личным трудом – других средств существования не было.

В Нанайе семья Наливкиных ни в чем – ни в одежде, ни в быте – не отличалась от своих соседей – дехкан. Насколько это удалось, можно судить по тому, что сыновья Борис и Владимир в детские годы знали русский язык значительно хуже, чем узбекский, на котором говорила вся семья.

Важнейшим памятником этого периода явилась работа «Быт женщины Ферганы»³³. Вероятно, [они] в Нанайе остались бы значительно дольше, но в связи с намечавшимся

каким-то походом³⁴ Владимир Петрович был срочно вызван из запаса. Пришлось спешно продать скот, юрту³⁵, домашнюю утварь (земля была подарена нанайским дехканам) и выехать в Коканд, где выяснилось, что поход не состоится и Владимир Петрович волен распоряжаться своей судьбой.

Оставшись без средств, с семьей из четырех человек, Владимир Петрович вынужден был принять предложение выехать в пески Центральной Ферганы для изучения причин их передвижения и способов их закрепления.

Этот, пожалуй, наиболее тяжелый период в жизни В.П. Наливкина (в этот период умерла дочь Александра) был кратковременным – не выше года, и о нем напоминают лишь опубликованные наблюдения за песчаной пустыней³⁶.

Старшие дети уже подросли и их нужно было определять в школу и, вероятно, поэтому было принято предложение переселиться³⁷ в Ташкент и работать по народному образованию.

В Самарканде (1897–1900 гг.)³⁸ Владимир Петрович работал инспектором русско-узбекских училищ. В это время главным инспектором народных училищ в Туркестане был Керенский Ф. (отец А.Ф. Керенского), с которым Владимир Петрович был в очень натянутых отношениях (в частности был случай, когда Керенский опубликовал под своим именем работу В.П.), и по этой причине был вынужден уйти из системы народного образования. Этот период жизни был весьма плодотворным, и Владимир Петрович написал русско-узбекский и русско-персидский словарь, учебники узбекского и персидского языка³⁹.

Из Самарканда Владимир Петрович был переведен в Ташкент и назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Духовском, который оказал содействие в издании работ В.П. Наливкина, что отражено в одной из работ. Из Ташкента Владимир Петрович в 1901 г. получил назначение в г. Новый Маргилан вице-губернатором.

В воспоминаниях сохранилось, что Ферганский губернатор Арендаренко, с которым Владимир Петрович работал, никогда

не бывал в семье последнего, держал себя очень заносчиво и был не любим населением, чему было достаточно оснований.

Владимир Петрович убедился, что Арендаренко злоупотребляет своим положением и совершает служебные преступления, о чем Владимиром Петровичем был собран неопровержимый материал. Однако это пришлось не по душе начальнику, и хотя Арендаренко был отстранен от работы, Владимир Петрович был отозван в Ташкент, где работал на государственной службе непродолжительное время и вышел в отставку.

В 1907 г., после опубликования воспоминаний о генерале Скобелеве, был лишен половины пенсии (98 руб. в месяц), якобы как не выслуживший установленного срока. В этот период источником существования была литературная работа (сотрудничество в газетах), преподавание на курсах, которые создавались периодически.

В 1917 г. принимал участие в работе Туркестанского комитета Временного правительства, а некоторое время (июль-сентябрь) был его председателем.

В ноябре 1917 г. (нового стиля) скончалась от рака Мария Владимировна. Владимир Петрович тяжело переживал смерть своей подруги и мужественной помощницы в нелегкой подвижнической жизни. В это время он жил у своего второго сына Владимира.

Утром 20 февраля (нов. стиля) 1918 г. Владимир Петрович незаметно вышел из дому, на столе в его комнате была обнаружена записка, написанная красными чернилами: «Прошу в моей смерти никого не винить. В. Наливкин».

На одной из боковых дорожек Ташкентского кладбища был найден труп Владимира Петровича, сбоку в фуражке лежала вторая записка такого же содержания и револьвер.

За выдающиеся работы Владимиру Петровичу была присуждена Золотая медаль Русского географического общества и бронзовая (?)⁴⁰ медаль Французской академии наук.

Сохранившиеся после Владимира Петровича некоторые письма, рукописи, книги были переданы в Государственный архив⁴¹ (по его просьбе)⁴².

Часть материалов для их исследований взял Н.Г. Малицкий, часть (очень небольшую) – член-корр[еспондент] АН СССР А. Якубовский, который не оставлял мысли написать работу о В.П. Наливкине и, по его словам, накопил огромный материал (Якубовский был в Ташкенте в эвакуации).

Сохранившиеся фотокарточки В.П. Наливкина: портрет в рост, внизу напечатано «В.П. Наливкин», портрет – бюст с надписью «Член II Государственной думы от Ташкента» (на обороте письмо В.П. дочери). Увеличенная фотография в бюст (первая и вторая имеются в Ташкенте, все три в Алма-Ате). Фотографии В.П. Наливкина имеются также в фондах Музея революции⁴³.

О переписке с Л.Н. Толстым ничего не известно. В числе больших друзей Владимира Петровича были толстовцы Якубовский⁴⁴, К.Л. Блинов, Комаровский, Репин, часть из которых организовала под Ташкентом толстовскую колонию⁴⁵. Находясь уже в Ташкенте, Владимир Петрович один период увлекался проектом приобрести участок земли в Букинской волости и переехать туда всем «гнездом», однако это, видимо, не было чистым толстовцем, хотя и содержало его элементы.

Сохранилась версия о причине, побудившей Владимира Петровича написать одно из своих обличительных произведений.

Как-то полицейский пристав привязался с придирами к одному узбеку и настолько вывел его из терпения, что последний назвал его назойливой мухой с прибавлением некоторых эпитетов, за что был немедленно схвачен и обвинен в оскорблении царской особы (муха и царь звучат в узбекском языке одинаково – паша). Защитником подсудимого выступил Владимир Петрович и произнес горячую речь, в которой показал, что обвинение построено на подтасовке, что власти создают невыносимые условия местному населению. Это событие послужило поводом дать общую оценку колониальной политике царизма в статье «Туземцы прежде и теперь»⁴⁶.

ЦГА РУз. Ф. 2409, оп. 1, д. 7, л. 1–6. Машинопись с автографом.

№ 2

И. Наливкин⁴⁷

Воспоминания о В.П. Наливкине

Мне шел двенадцатый год, когда февральским утром Владимир Петрович остался на столе в своей комнате написанную красными чернилами записку⁴⁸: «В моей смерти прошу никого не винить. В. Наливкин».

Я потерял его прежде, чем мог сознательно оценивать его поступки и высказывания. Но теперь, когда осталось не так много людей, близко знавших В.П. Наливкина, я пытаюсь восстановить то немногое, что слышал о нем, главным образом от моих родителей, либо – в меньшей степени – запавшие мне в память личные впечатления.

Владимир Петрович был антиподом чеховского «человека в футляре», и ему было совершенно несвойственно скрывать свои взгляды, поступать не так, как подсказывала его совесть, опасаться, «как бы чего не вышло». Поэтому биография его изобилует различными столкновениями и конфликтами. Список их, пожалуй, начинается со спора шестилетнего ребенка с няней, которую он пытался убедить, что Иисус Христос был еврей, и привел ее в ужас «богохульными» речами.

Более серьезный характер носило столкновение В.П. Наливкина со М.Д. Скобелевым, о чем он рассказал в опубликованных им воспоминаниях о последнем. Совершенно беспрецедентным в истории русской бюрократии был конфликт с Ферганским военным губернатором Арендаренко.

Владимир Петрович, подчиненный Арендаренко, – как рассказывала моя мать – установил, что губернатор берет с населения взятки, и направил материалы в соответствующие инстанции с требованием привлечь Арендаренко к уголовной ответственности. Разумеется, власти не могли допустить такого скандала, как суд над губернатором, да еще по настоянию его подчиненного, и дело было решено в административном порядке; Арендаренко убрали с поста Ферганского губернатора, а Наливкина перевели в Ташкент.

Третий резкий конфликт с непосредственным начальником, главным инспектором народных училищ края Ф.М. Керенским, возник в связи с опубликованием последней статьи о медресе Туркестанского края без ссылки на источник – материалы проведенного В.П. Наливкиным обследования сети медресе. В.П. Наливкин публично назвал Керенского литературным вором.

Приведу малоизвестный пример «безрассудного» поступка Владимира Петровича. Во время работы второй Государственной думы – передавала мне Екатерина Ильинична Смолина⁴⁹ – в Петербурге вышли на демонстрацию рабочие, интеллигенты, студенты и курсистки; в числе их была и я. На разгон демонстрации были высланы казаки, жестоко полосовавшие демонстрантов нагайками. Вдруг вылетает извозчицья пролетка, на которой в распахнувшейся генеральской шинели стоит В.П. Наливкин – депутат Думы – и кричит казакам: «Не смейте бить!» Вероятно, генеральская шинель ввела казаков в заблуждение, они приняли Наливкина за кого-либо из властей, и избиение прекратилось.

Характерно для Владимира Петровича выступление на одном судебном процессе. Пристав – рассказывала моя мать – привязался по какому-то поводу к одному узбеку и довел беднягу до такого состояния, что тот бросил в лицо приставу нецензурное выражение, в котором фигурировало слово «поша». Этого было достаточно, чтобы привлечь узбека к уголовной ответственности, якобы за оскорбление особы царя – паши. Подсудимому грозила каторга. Владимир Петрович выступил в суде в качестве эксперта и доказал, что в узбекском языке слова «царь» и «муха», случайно или не случайно, имеют схожее звучание и подсудимый употребил второе слово, назвав пристава «назойливой мухой» с добавлением некоторых эпитетов.

Попутно Владимир Петрович воспользовался трибуной суда, чтобы охарактеризовать тот произвол, который допускают по отношению к местному населению подобные этому приставу чины русской администрации.

После выступления Владимира Петровича прокурор морщился, но все же был вынужден заявить, что он отказывается от обвинения, и подсудимый был освобожден из-под стражи. Когда Владимир Петрович выходил из зала суда, все присутствовавшие на заседании старики-узбеки встали и глубоко поклонились своему защитнику.

Не в характере В.П.Наливкина было кривить душой и сохранять видимость хороших отношений с людьми, далекими ему по своим взглядам. После роспуска второй Государственной думы, когда он более четко определил свое место среди борющихся сил, он решительно порвал многие, раньше дорогие для него связи. Возвращаясь после разгона Думы в Ташкент, Владимир Петрович не заехал навестить свою престарелую мать, т.к. считал, что встреча с ней, сохранившей монархические иллюзии, была бы и тягостной и ненужной. От своих многочисленных друзей – в большинстве служащих государственного аппарата – он ожидал присоединения к своим политическим убеждениям, а коль скоро этого не случилось – порывал знакомство. Я вспоминаю, что моя мать называла десятки фамилий людей, которые были когда-то близкими друзьями Владимира Петровича, но во время моего детства они уже не бывали в доме Наливкиных.

Недалеко от дома Наливкиных на бывших Никифоровских землях находилась дача Н.Г. Малицкого – мужа дочери Н.П. Остроумова. Последний летом часто навещал Малицких и, хотя всегда проходил мимо дома, где жил Владимир Петрович, никогда не заходил к последнему – слишком далеко разошлись их жизненные пути.

На пост Туркестанского генерал-губернатора намечалось назначение одного из товарищей Владимира Петровича по военному училищу.

– Ты пойдешь к нему с визитом? – спросила моя мать.

– Непременно, – с сарказмом ответил Владимир Петрович. – Босиком, в соответствующем одеянии и под руку с Костей Блиновым пройдемся по Соборке до Белого дома – это будет мой визит к губернатору.

С нескрываемым презрением относился он к жившей по соседству богомольной

ханже Е.И. Докучаевой⁵⁰, и как только она заводила свои елейные речи, Владимир Петрович «фыркал» и уходил из комнаты.

– Обсчитает рабочих, – говорил он матери, – а потом бегают по церквам и благодарственные молебны служат.

Нетерпимое отношение Владимира Петровича к бывшим друзьям, не разделявшим его политических взглядов, не распространялось на толстовцев, которых он не относил к лагерю врагов. Дружеские отношения сохранились у Владимира Петровича с Ю.О. Якубовским⁵¹ – ГОРЯЧИМ ПОЧИТАТЕЛЕМ (выделено в документе. – Т.К.) Льва Толстого и его учения. Юрий Осипович бывал в гостях у сыновей и дочери В.П. Наливкина и всегда заходил в комнату последнего, где они подолгу беседовали. Теплые отношения были с толстовцем Костей – К.Л. Блиновым, ярким сторонником «опрощения», о чем нагляднее всего свидетельствовал его более чем странный костюм и страшно запущенная шевелюра.

Вероятно, дружбой с толстовцами был в свое время навеян выдвинутый Владимиром Петровичем перед сыновьями проект «осесть» на землю.

– Ну чего вы просиживаете штаны в канцеляриях, все вами помыкают, – передавала моя мать слова Владимира Петровича. – Надо все это бросить, купить землю где-нибудь в Буке, будем заниматься сельским хозяйством.

Наряду с восторженным отношением к социал-демократам, Чхеидзе и Церетели, с которыми Владимир Петрович был знаком по Думе, он глубоко уважал анархиста П.А. Кропоткина, а из менее видных политических деятелей с симпатией относился к мятежному лейтенанту П.П. Шмидту, эсерке Марии Спиридоновой, члену Государственной думы Павлу Алексеевичу Аникину.

Эти персональные симпатии Владимира Петровича отражают весьма характерную особенность его мировоззрения. Когда в семье заходила речь об эсерах, анархистах, толстовцах и других политических группах, по-разному боровшихся с царизмом, то Владимир Петрович говорил о них не как о врагах, а как о людях, идущих к той же цели, что и он, но запутанным и окольным путем. Не предвидел он и неизбежности

ожесточенной борьбы между этими группировками после победы над царизмом – он считал, что демократическое устройство общества, которое наступит с победой революции, обеспечит отбор всего прогрессивного, что имеется в программах левых политических группировок, отражающих чаяния стоящих за ними миллионов простых людей. Эти взгляды, видимо, являлись одной из причин, почему Владимир Петрович не разделял тактики большевиков.

Лица, которые заслужили уважение Владимира Петровича и ничем не запятнали себя, оставались для него дорогими на всю жизнь.

После ухода с военной службы Владимир Петрович работал некоторое время помощником П. Аверьянова – наманганского уездного начальника, о ком, по воспоминаниям моей матери, Владимир Петрович всегда отзывался с большим уважением как о человеке исключительно справедливым, честном, не попиравшем права и интересы местного населения.

Хорошие впечатления сохранил Владимир Петрович о Ниле Куропаткине – брате известного генерала и своем сослуживце во время Хивинского похода. Тепло относился он к членам бывшего⁵² кружка туркестановедения⁵³, которых мог, в какой-то мере, считать своими учениками. Приезжая в Ташкент, М.С. Андреев, В.Я. Вяткин, П.Е. Кузнецов, бывали желанными гостями Владимира Петровича.

Часто навещал Владимира Петровича крупный местный востоковед Саид-Гани⁵⁴ (не Азимбаев!), с которым он был связан глубоким взаимным уважением, многолетней дружбой и общими научными интересами. Иногда навещали Владимира Петровича неизвестные мне лица, фамилии которых было не принято называть – как теперь я полагаю, его политические единомышленники.

В отношении религии взгляды В.П. Наливкина с годами сильно изменились.

– Когда мы жили в Самарканде, – сообщила мне Наталья Владимировна, – тяжело заболел брат Борис, и мама уехала к нему в Коканд. Однажды мы вышли с отцом на прогулку и встретили нищего.

– Помолись о здравии Бориса, – сказал отец, подавая нищему монету. Моя мать помнила время, когда Владимир Петрович – по убеждению или по обязанности – посещал церковь.

Впоследствии он резко отрицательно относился к религии и к духовенству, любил повторять стихи Пушкина «Народ мы русский позабавим...» и изречение Вольтера, что религия возникла, когда первый мошенник встретил первого дурака.

Священник Петр Алексеевич Остроумов – племянник Николая Петровича – увлекался изучением узбекского языка (после революции он преподавал его) и всего, относящегося к исламу. Питая большое уважение к В.П. Наливкину, он зачастил к нему советоваться по интересующим его вопросам. Когда Владимиру Петровичу сообщили об очередном приезде П.А. Остроумова, он достаточно громко, чтобы слышал последний, сказал: «Что нужно от меня этому попу?». В этом, безусловно, проявилось отрицательное отношение В.П. Наливкина к духовенству, но едва ли можно оправдать такой грубый выпад.

Владимир Петрович был натурой очень деятельной и весь его день был занят трудом – физическим или умственным. Хорошо помню распорядок его дня летом, в период, когда семья моего отца и его брата Владимира приобрели участки и приступили к строительству домов на бывших Никифоровских землях. Это в то время была самая необжитая окраина Ташкента – на территории около двух квадратных километров тогда было не более десяти расположенных разбросанно домов и участков с молодыми садами; все остальное было занято холмами, на которых весной и осенью пасли стада или сотни всадников показывали свою удаль и резвость коней в головоломных скачках.

Летом вся растительность на холмах, кроме верблюжьей колючки, была выжжена солнцем, и от них полыхало жаром, как от раскаленной печи. Такой же голой степью были участки, приобретенные сыновьями Владимира Петровича.

Владимир Петрович – ему тогда было под шестьдесят – вставал в пять часов утра

и работал с кетменем на участке того или другого сына до восьми часов, после чего завтракал и снова махал тяжелым кетменем до полудня, а иногда и часов до двух. За лето в первый год под палящим солнцем – только что посаженные фруктовые деревья не могли дать тени – дважды перепахал целиком оба участка, составлявшие в общей сложности площадь около 0,4 гектара, вырастил прекрасные бахчи и огород, а осенью посадил ягодники.

Вторую половину дня, как правило, Владимир Петрович проводил в своей комнате, работал над узбекско-русским словарем или газетными статьями, к вечеру просматривал газеты и почту, писал письма. Ложился спать рано – часов в одиннадцать.

Кроме работы на участке, он часто ходил в Никольский (ныне Луначарский) поселок за провизией, выбирал время приготовить дрова, принести воды, полить и подмести двор. В последующие четыре года Владимир Петрович проводил все время в саду и огороде на участках своих сыновей, а так как этой физической нагрузки ему, по-видимому, было мало, он еще из любви к делу несколько лет проводил весь уход за расположенным поблизости и заброшенным нерадивым хозяином садом и поливал посаженную и оставленную без надзора тополиную рощу другого владельца.

– Когда я был мальчонкой, – рассказывал Владимир Петрович, – моя бабушка учила меня владеть иглой, самому пришивать пуговицы, ставить заплаты, штопать. «Военному в походе надеяться не на кого», – говорила она.

Эти уроки оказались небесполезными. Владимир Петрович всю жизнь чинил и приводил в порядок свое белье. Когда у моей матери были маленькие дети и она не успевала их обшивать, Владимир Петрович предложил свою помощь.

– Может быть, Наташа, твоим мальчишкам надо что-нибудь сшить? Я могу, ты только скрой и вставь шпульку в машину.

С наступлением охотничьего сезона Владимир Петрович каждую неделю ходил на охоту. В этот период жизни у него уже не было компаньонов по охоте. Уходил он рано утром, возвращался во второй поло-

вине дня. Охотился он в трех местах: в Дурмене на люцерниках – на перепелов, на Никольских болотах – на бекасов и на островах Чирчика – на зайцев. Несмотря на обилие уток и фазанов, я не помню случая в этот период, когда бы он охотился на эту дичь – уток, по его выражению, стреляют только «сапожники».

Стрелок он был первоклассный. С. Попов⁵⁵, сам отличный охотник, рассказывал, как он, мальчуганом, пасшим вместе с товарищем стадо, бросил все, чтобы посмотреть на виртуозную стрельбу «старика» – как правило, падал каждый бекас, по которому он делал выстрел, а если вылетала в разные стороны пара бекасов, то их обоих обычно настигал удачный дуплет. Без дичи с охоты Владимир Петрович никогда не возвращался.

Раза два в месяц Владимир Петрович уходил в редакции и издательства или отвести душу со своими политическими единомышленниками.

По своему характеру Владимир Петрович был жизнерадостный, веселый и остроумный человек.

Когда он вернулся из восьмилетней добровольной ссылки – из кишлака Нанай и песков Центральной Ферганы – и поселился в Ташкенте⁵⁶, он охотно посещал устраиваемые местным обществом вечера, танцевал, пел, красочно и с большим юмором рассказывал эпизоды из своей жизни. В семье он любил в комическом виде изображать свои беседы и столкновения с начальством, упрямое нежелание многих администраторов считаться с фактами и логикой.

Долгое время в Ташкенте его постоянными спутниками на охоте были учитель гимназии М.К. Смирнов и ветеринарный врач Бронников. По возвращении с охоты начиналось нескончаемое чаепитие и разбор Владимиром Петровичем «хода военных действий», слушая который покатывались со смеха члены его семьи и зашедшие «на огонек» знакомые. Большею частью мишенью для Владимира Петровича служил «таксыр»⁵⁷ Бронников.

С течением времени характер Владимира Петровича заметно изменился. Наложилось отпечаток разочарование в результатах культуртрегерской работы в Туркестане,

которой он отдал дань в свое время, постоянные столкновения с той частью общества, которая была заклеяна М.Е. Салтыковым-Щедриным как «господа ташкентцы», и, особенно, поражение революции 1905 г. и наступивший затем период черной реакции. Веселый когда-то Владимир Петрович теперь срывал свое раздражение на бывших друзьях и домашних, частенько бывал «не в духе». Особенно доставалось в такие часы местным властям.

– Однажды, – рассказывала моя мать, – приехал к Владимиру Петровичу его давний сослуживец, настойчиво делавший свою карьеру. Владимир Петрович в беседе скоро перешел к обсуждению своих порядков и особенно яростно нападал на генерал-губернатора и его окружение. Его гость не решался возразить Владимиру Петровичу и еще больше боялся поддержать «крамольные» речи. Он сидел красный, как рак, вскакивал со стула, и все его участие в беседе сводилось к повторению возгласа «Дык ведь...».

От плохого настроения Владимира Петровича не страдали его старинные друзья – узбеки и киргизы из Наная, из Ферганы, Самарканда и Ташкента, которые запросто приезжали к своему «тамыру»⁵⁸, встречая со стороны хозяина самое радушное отношение. На окраине Ташкента, где Владимир Петрович провел последние годы жизни, было много узбекских хуторов. Он пользовался большим уважением среди местных жителей, которые величали его «домля» – учитель.

Иногда Владимир Петрович мог вспылить по незначительному поводу и в такие минуты терял контроль над собой. Мне было около пяти лет, когда в саду дяди Владимира Владимировича появились первые яблоки на молодых деревьях.

– Не рви их, они еще зеленые, – наставлял меня дедушка.

Через несколько дней после этого ко мне пришел приятель, и я, около дерева, сообщил ему, что рвать яблоки нельзя, а рука моя произвольно тянулась, пока я не зажал в ней яблоко. Вдруг моего приятеля как ветром сдуло, и я увидел, что ко мне бежит разъяренный дедушка – и пустился наутек.

– Нет, паршивец, ты от меня не убежишь, – и топот тяжелых солдатских сапог наполнял мою душу ужасом. Финалом этого бега было несколько ударов камышинкой, совершенно не соответствовавших моему представлению об ожидавшей меня каре. Тем не менее я долго не мог прийти в себя от пережитого. Моя мать потом, когда дедушка упрекал ее, что она не умеет воспитывать детей, напоминала ему об этом эпизоде.

Характеру Владимира Петровича была свойственна доверчивость, склонность идеализировать и считать людей более хорошими, чем они есть на самом деле. В результате он часто заблуждался и испытывал впоследствии глубокое разочарование.

Когда выражали сомнения в нравственных качествах кого-нибудь, Владимир Петрович мог ответить: «Ну что ты, ведь это наш эсдек» – словно это являлось исчерпывающим доказательством безупречной биографии.

Долгое время увлечением Владимира Петровича был некто Габитов⁵⁹, и все попытки близких доказать, что Габитов злоупотребляет доверием Владимира Петровича, последним немедленно отменялись, пока он не убедился с большим опозданием в их обоснованности.

Как-то моя мать заговорила о необходимости найти хорошего столяра для выполнения некоторых работ.

– Я знаю одного столяра, – вмешался дедушка. – Возьми его, у него такое одухотворенное лицо.

«Одухотворенное лицо» оказалось не только плохим столяром, но и нечестным человеком.

Владимир Петрович был бесребреник и, по-видимому, довольно равнодушен к чинам и карьере.

– Что вы сидите на сорок рублей в месяц, – убеждал его перейти на работу в ведомство просвещения один из местных деятелей, – ведь ваши товарищи уже в генералы выходят.

Но равнодушие к чинам и карьере отнюдь не означало, что Владимир Петрович был лишен всякого честолюбия. Он очень ревниво относился к своим литературным

трудам и, прежде чем сдать в газету очередную статью, приходил к Марии Владимировне или, чаще, к моей матери и читал рукопись. Если статья вызывала искреннее одобрение, лицо автора выражало искреннюю радость.

– Иду я по Пушкинской улице, – с явным удовольствием рассказывал Владимир Петрович, – мчится на своем рысак Рейсер⁶⁰ и кричит на всю улицу: «Побольше, Владимир Петрович, побольше таких статей!»

Любил Владимир Петрович, чтобы оценили его труд. Он сделал у нас деревянный заборчик, отделявший часть двора от кур.

– Наташа, я починил забор, – сообщил он моей матери и вышел на двор.

– Пойди, похвали забор, – шепнула Мария Владимировна, – ведь он этого ждет.

Изгородь получилась очень несурезной, но мать покривила душой и выразила полное одобрение. Владимир Петрович сиял.

Большую радость доставляло Владимиру Владимировичу сделать приятный сюрприз близким и, в первую очередь, Марии Владимировне. Когда родители строили дом, мать рассказала Владимиру Петровичу и Марии Владимировне, что из-за отсутствия средств на достройку дома вынуждена его заложить. Когда мать ушла, Владимир Петрович догнал ее.

– Наташа, не делай глупости, ты влезешь в такую петлю, из которой никогда не выпутаешься. Я скоро должен буду получить деньги за «руководство»⁶¹, и Машенька тебе поможет. Только пока ничего не говори ей о получении мною денег – это должно быть для нее сюрпризом.

Все знали, что Владимир Петрович очень огорчается, если его подарки оказывались неудачными, и вели себя соответствующим образом.

В воспитание своих внуков Владимир Петрович вмешивался редко, главным образом когда сталкивался с чем-нибудь, что его возмущало.

Однажды я – было мне не более пяти лет – завладел несколькими номерами «Нивы», и, вырезав из них картинки, развесил их в своем уголке. Дед, увидев в этой картинной галерее царские портреты, набросился с упреками на мою мать.

– Как ты, Наташа, допускаешь это. Ведь из мальчишки подлец вырастет.

Второй раз мне попало за торговлю персиками. Неподалеку от нас строился дом, и каменщики попросили меня принести персиков, которых в нашем саду было великое обилие. Я несколько раз носил им персики и отказывался от медяков, которые они мне совали, пока один предприимчивый приятель не посоветовал брать деньги. Какая разыгралась буря, когда Владимир Петрович узнал о моих торгашеских наклонностях!

– Нет ни моего, ни твоего – все общее. Кому нужно – тот берет и пользуется, – втолковывал он, когда я однажды завел с ним разговор о «нашем» и «не нашем».

К успехам детей и внуков в учении Владимир Петрович был равнодушен.

– И зачем ему обязательно учиться? Пусть будет пастухом или сапожником, – ответил он моей матери, когда она просила его воздействовать на плохо учившегося внука. Меня удивляет, что Владимир Петрович совершенно не обращал внимания на то, что его младшие дети и внуки не знают узбекского языка, и не требовал говорить с детьми по-узбекски с целью их обучения.

Был Владимир Петрович очень нетребователен и на себя тратил минимум. Ходил круглый год в простых солдатских сапогах и только в город ходил в хромовых. Покупал на толчке для себя белье из небеленой бязи и солдатские шаровары. Сколько я его помню, имел он одно выдавшее виды черное платье и черный же пиджачок. К пище был не привередлив и только питал слабость к вареникам.

– Если бы был царем, – шутил он, – каждый бы день ел вареники.

Я был слишком мал, чтобы вникать в существо происходивших между взрослыми разговоров. Но когда Владимир Петрович награждал кого-либо эпитетом «монархист», «черносотенец», «жандарм» или «охранник», он вкладывал в слова столько чувства, что даже для ребенка не оставалось сомнений в его отношении к такой персоне. А когда я встречал фотографа Пуришкевича, то мне казалось, что его облик вполне заслуживает того презрения, с которым говорил о нем Владимир Петрович.

Четыре знаменательных события произошли в последний период его жизни.

Хмурый и подавленный был Владимир Петрович, когда стало известно о кончившемся неудачей восстании саперов в Троицких лагерях.

Война 1914 г. не встретила никакого оправдания в нашей семье. Владимир Петрович говорил, что победа в этой войне нужна только царскому правительству, а не народу.

Когда вспыхнуло восстание 1916 г., Владимир Петрович считал, что движение будет возглавлено наиболее реакционной и фанатичной частью мусульманского духовенства, и не связывал с ним никаких надежд.

Восторженно встретил Владимир Петрович весть о Февральской революции. Он готов был с каждым делиться мыслями о великом значении этого события, даже люди, которых он до этого третировал как обывателей, казались ему изменившимися в лучшую сторону, и он вступал с ними в дружескую беседу. Дома в этот период он бывал редко.

В один из мартовских дней 1917 г. гимназистов отпустили после первых уроков, и я с товарищами пошел на Соборную площадь, куда двигались колонны демонстрантов.

На площади я столкнулся с дедушкой. Он шел и что-то горячо говорил своему спутнику, а лицо его выражало безмерную полноту счастья.

– Запомни эти дни, Иван, – сказал он, взяв меня за руку, – они являются началом новой, прекрасной и свободной жизни.

* * *⁶²

– Если бы Мария Владимировна отказалась выйти за тебя замуж, было бы это для тебя тяжелым ударом? – спросила моя мать Владимира Петровича.

– Я так любил ее, – не задумываясь, ответил он, – что в этом случае немедленно бы покончил с собой.

Если в молодости Владимиру Петровичу, вероятно, только казалось, что жизнь его немыслима без Марии Владимировны, то в пожилом возрасте он говорил с полной убежденностью, что это именно так, ибо

отдавал отчет, какая бесценная подруга сопровождала его в жизни.

Когда говорят о выдающейся личности Владимира Петровича, о его больших научных заслугах, о важной роли его в культурной и общественной жизни дореволюционного Туркестана, было бы крайне несправедливо оставлять в тени Марию Владимировну.

На совместный жизненный путь они вышли, имея совершенно неравные данные. С детских лет Владимира Петровича воспитывали как будущего воина, который всегда должен быть готов переносить всевозможные лишения, невзгоды и трудности, обязан проявлять героизм как нечто само собой разумеющееся, каждый день должен быть готов пожертвовать своей жизнью.

С детских лет Марию Владимировну воспитывали как будущую хозяйку уютного домашнего очага, как светскую женщину, для которой доступны все блага жизни, которая навсегда ограждена от житейских трудностей, а необходимость физического труда для нее просто немыслима. Мария Владимировна с шифром (отличием) закончила Институт благородных девиц, и если не считать хорошего знания французского и немецкого языков, которые она от туда вынесла, то все остальное институтское воспитание никак не готовило к той жизни, которая ей предстояла.

С такой явно неравной подготовкой вступили они в жизнь, которая, не считаясь с этим, поровну разделила между ними тяготы, потребовала одинаковой моральной и физической стойкости.

После выхода замуж Мария Владимировна, совсем не знавшая жизни, была вынуждена пуститься в более чем двухмесячный путь на лошадях и верблюдах через степи и пустыни – от Саратова до Ташкента, вслед за уехавшим в военный поход мужем, без уверенности, что она встретит его живым по приезду в Ташкент.

Но азиатский тогда город Ташкент был не самым худшим, что ее ждало – менее чем через год она уже, вместе со своим беспокойным супругом, жила в Намангане. А через год она уже в глухом кишлаке Нанае, в узбекской сакле, ходит в парандже и

должна сама не только печь хлеб и готовить обед, но и доить коров и верблюдиц, стирать и обшивать, делать из навоза кизяки, чтобы иметь топливо, а летом кочевать в горах вместе со своими односельчанами – это при наличии двух маленьких детей, при постоянном недостатке денежных средств. Следует отметить, что в то время во всем огромном Наманганском уезде жило всего три семьи русских, не считая живших в городе военных и чиновников.

После шестилетнего пребывания в Нанае – почти двухлетняя жизнь в середине песчаной Ферганской пустыни. И так в продолжение почти сорока лет – одни испытания и трудности заканчивались, чтобы уступить место другим.

Верная подруга, в меру своих сил и возможностей, устраняла с пути Владимира Петровича многие трудности, и очень возможно, что при отсутствии ее он едва ли был бы в силах совершить свой жизненный подвиг. Она делала это как нечто само собой разумеющееся, делала так, как с готовностью отдала продать полученные от матери немногие драгоценности, чтобы Владимир Петрович мог приобрести участок в Нанае.

В этих условиях Мария Владимировна находила в себе силы помогать мужу и в его научных трудах, о чем свидетельствуют не только опубликованные за совместными подписями работы. Тяжелая жизнь не сделала ее ни нытиком, ни истеричкой, отравляющей существование окружающим. У нее никогда не вырвалось требование к мужу оставить избранный им путь и выбрать более легкий и спокойный. До последних дней она сохранила мужество и вела себя с большой выдержкой.

Она умела успокоить Владимира Петровича, когда нервы его сдавали, и своим примером призывала побороть раздражительность, тактично и деликатно оказывала моральную и материальную помощь своим детям, была первой наставницей и другом своих внуков.

Если жизненный путь Владимира Петровича может вызвать почтительное удивление и достоин подражания, то путь Марии Владимировны – поистине героический. Она вполне заслужила стоять в одном

ряду с замечательными русскими женщинами, о которых с таким преклонением писал Н.А. Некрасов.

И. Наливкин.

Иван Борисович Наливкин – сын Бориса Владимировича, старшего сына Владимира Петровича⁶³.

ЦГА РУз. Ф. 2409, оп. 1, д. 7, л. 1–21. Машинопись с автографом.

Примечания

¹ Историографический обзор работ, посвященных оценке государственной и научной деятельности В.П. Наливкина, см.: *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России 1905–1917 гг. М., 2008, с. 65–70.

² См.: *Якубовский Ю.О.* Владимир Петрович Наливкин. Член Государственной Думы и его Туркестанское прошлое. Ташкент, 1907, с. 83; *Лунин Б.В.* История общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографический очерк. Ташкент, 1972, с. 247.

³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1, оп. 2, д. 699, л. 2.

⁴ Там же. Ф. И-47, оп. 1, д. 3026, л. 154.

⁵ Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет. Ташкент. 1904, с. 128.

⁶ *Наливкин И.Б.* Имя твоё – учитель: повесть о В.П. Наливкине, русском патриоте, казаке, воине, ученом, просветителе, педагоге, писателе, революционере, государственном и общественном деятеле, написанная по документальным воспоминаниям его внуком. Омск, 2001, с. 101.

⁷ *Абашии С.Н.* В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // *Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева.* Омск, 2005, с. 52.

⁸ *Авишарова М.П.* Русская периодическая печать в Туркестане (1870–1917 гг.). Библиографический указатель литературы. Ташкент, 1960, с. 38; *Лукашова Н.* В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // *Вестник Евразии.* 1999, № 1–2, с. 54.

⁹ Подробнее о депутатской деятельности В.П. Наливкина см.: *Котюкова Т.В.* Указ. соч., с. 87–88.

¹⁰ Ташкентский курьер. 1907. 9 февраля.

¹¹ Среднеазиатская жизнь. 1907. 29 апреля.

¹² *Абашии С.Н.* Указ. соч., с. 52.

¹³ *Наливкин И.Б.* Указ. соч., с. 102.

¹⁴ *Абашии С.Н.* Указ. соч., с. 53.

¹⁵ «Выступление контрреволюционных сил под руководством безответственных лиц...» Телеграмма председателя Туркестанского комитета Временного правительства В.П. Наливкина. Сентябрь 1917 г. [публикация Т.В. Котюковой] // *Исторический архив.* 2007, № 5, с. 197–201.

¹⁶ *Наливкин В.П.* Буржуазия и революция // *Туркестанские ведомости.* № 35. 1917.

¹⁷ *Наливкин И.Б.* Указ. соч., с. 155.

¹⁸ В.П. Бородин был женат на внучке В.П. Наливкина, Надежде Владимировне.

¹⁹ В тексте рядом с заголовком от руки сделана запись с перечислением ряда фамилий: «У Н.Г. Малицкого, у Якубовского», далее неразборчиво.

²⁰ Внизу страницы примечание: «Записал И.Б. Наливкин. Весна 1956 г.».

²¹ Относительно места и времени рождения В.П. Наливкина в источниках имеются существенные расхождения. Так, его внук, И.Б. Наливкин, и видный историограф Б.В. Лунин сообщают, что Наливкин родился 15 июля 1852 г. в Калуге (см.: *Лунин Б.В.* Еще одна замечательная жизнь // *Звезда Востока.* 1990. № 9, с. 112–118; *Наливкин И.Б.* Указ. соч.). Другие источники утверждают, что это произошло 25 февраля (см.: *Якубовский Ю.О.* Указ. соч., с. 55.; ЦГА РУз. Ф. И-1, оп. 33, д. 313, л. 18.) или 26 марта 1852 г. в Твери (ЦГА РУз. Ф. И-19, оп. 4, д. 741, л. 65об.). В личном фонде Наливкина местом его рождения названа Казань (ЦГА РУз. Ф. 2409, оп. 1, д. 1, л. 18.), а в публикуемых воспоминаниях дочери и снохи Владимира Петровича фигурирует даже 15 июля 1855 г. (ЦГА РУз. Ф. 2409, оп. 1, д. 7, л. 1.).

²² Слова «15 июля (ст. стиля) 1855 года» взяты в тексте в квадратные скобки и над ними от руки написано «25 февраля 1852 года».

²³ В скобках от руки дописано: «премированием».

²⁴ Сверху от руки написано: «под предлогом, что».

²⁵ Сверху от руки написано: «настоял на назначении».

²⁶ Сверху от руки написано: «ближе к солдату».

²⁷ Сверху от руки написано: «потом служил в гарнизоне Петро-Александровска (Турткуль)».

²⁸ Предложение зачеркнуто.

²⁹ Слова «по окончании похода» зачеркнуты.

³⁰ Дата 1875 г. исправлена на 1876 г.

³¹ Так в тексте.

³² Сверху от руки написано: «оставления».

³³ Имеется в виду книга: *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань. 1886.

³⁴ По всей вероятности, это был предлог для отзыва Наливкина из запаса и прекращения его следовательской деятельности.

³⁵ Слово «юрта» подчеркнуто и от руки поставлен знак вопроса.

³⁶ Имеется в виду книга: *Наливкин В.* Опыт исследования песков Ферганской области. Новый Маргилан. 1887.

³⁷ Слово дописано от руки.

³⁸ В.П. Наливкин являлся инспектором народных училищ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей в период с 1890 по 1895 гг.

³⁹ По всей вероятности, имеются в виду книги: *Наливкин В.* Руководство к практическому изучению сартовского языка. Самарканд, 1898; *Он же.* Руководство к практическому изучению персидского языка. Самарканд, 1900. «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» был выпущен в 1884 г. в Казани.

⁴⁰ Знак вопроса в тексте напечатан на машинке. Видимо, уточнить эту информацию ни Наталья Владимировна, ни Наталья Васильевна не могли, хотя «Краткая история Кокандского ханства» была издана во Франции на французском языке в 1889 г.

⁴¹ Имеется в виду Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз).

⁴² Слова в скобках «по его просьбе» зачеркнуты в тексте.

⁴³ Среднеазиатский Музей революции основан в 1925 г.

⁴⁴ Имеется в виду Ю.О. Якубовский, автор очерка «Владимир Петрович Наливкин. Член Государственной Думы и его Туркестанское прошлое» и отец А.Ю. Якубовского.

⁴⁵ О колонии толстовцев см.: Толстовцы в Туркестане. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1908–1915 гг. [публикация В.Л. Гентшке, Т.В. Котюковой] // Исторический архив. 2003, № 6, с. 187–200.

⁴⁶ Имеется в виду очерк: *Наливкин В.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

⁴⁷ Рядом от руки надпись: «И.Б. Наливкин. 1957–1959 гг.»

⁴⁸ Здесь и далее подчеркнуто в тексте документа.

⁴⁹ Биографические данные выявить не удалось.

⁵⁰ Биографические данные выявить не удалось.

⁵¹ В тексте над инициалами «Ю.О.» вписаны инициалы «И.Ю.».

⁵² Сверху от руки вписано: «семинарского».

⁵³ Имеется в виду Ташкентское отделение Императорского общества востоковедения.

⁵⁴ Биографические данные выявить не удалось.

⁵⁵ Биографические данные выявить не удалось.

⁵⁶ «...и поселился в Ташкенте» вписано от руки.

⁵⁷ Таксыр – почтеннейший.

⁵⁸ Тамыр – друг, приятель.

⁵⁹ Биографические данные выявить не удалось.

⁶⁰ Биографические данные выявить не удалось.

⁶¹ Возможно, имеется в виду «Руководство к практическому изучению сартовского языка». Самарканд, 1898, или «Руководство к практическому изучению персидского языка». Самарканд, 1900.

⁶² Так в тексте.

⁶³ Предложение написано от руки.

Наши юбиляры

ПТЕНЕЦ МГИМО, ПЕВЕЦ ВОСТОКА

Владимиру Владимировичу Белякову – 60 лет

6 февраля исполнилось 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИВРАН, заместителя главного редактора «Восточного архива» Владимира Владимировича Белякова. О юбиларе кратко можно было бы сказать четверостишем:

Воспел свободу Палестины,
Египта изучил руины,
«Архив восточный» полюбил.
Редактор он суров... Но мил.

Из своих шестидесяти Владимир Владимирович пишет уже более полувека. Перо в его руке лежит легко и естественно, будто он с ним родился. Когда-то мальчишка с Трубной площади, а ныне известный ученый и уважаемый автор, обладатель полки с собственными книгами и нескольких сундуков (и саквояжей) с журнальными и газетными статьями, он остается самим собой. Преданным любимому делу – востоковедению в различных его ипостасях (о чем ниже), любимой жене, обожаемым детям и внукам, а еще четырехлапым и хвостатым членам своей семьи. Верность, порядочность, честность, профессионализм. Все – в превосходных степенях. И еще колоссальный запас знаний всех сторон жизни Ближнего Востока, неутолимая жажда поиска – новых документов и новых взглядов на, казалось бы, устоявшиеся вещи. Таким я вижу своего коллегу, который еще дошкольником решил, что делом его жизни будет писать в газету, а еще лучше – издавать ее (правда, изданием «Восточного архива» он занялся уже после своего 50-летия). Одним словом, Владимир Владимирович как избрал в детстве свой тернистый путь, так и идет по нему. Мальчик из московской коммуналки упорным трудом и целеустремленностью пробился в «золотой ряд».

С отличием окончив МГИМО в 1972 г., свою трудовую деятельность юбиляр начал военным переводчиком арабского языка. Но авторучка в кармане кителя подзуживала: «Пиши!» И он писал – для арабской редакции Московского радио, где проходил преддипломную практику и куда пришел на работу после окончания срока службы в армии. А еще по выходным сидел в библиотеках, собирая материал для кандидатской диссертации по палестинскому освободительному движению. Эта тема заинтересовала В.В. Белякова еще в самом начале учебы в МГИМО. Результат: в 1977 г. он досрочно окончил заочную аспирантуру в ИВАНе и защитил диссертацию на тему «Борьба двух линий в палестинском освободительном движении в 1960-е годы».

Сочетание практики и науки дало отличные результаты. Годы работы юбиляра корреспондентом Советского телевидения и радио в Ливане (1980–1982 гг.), сборком «Правды» (1986–1995 гг.) и «Труда» (1996–2000 гг.) в Египте обернулись многими тысячами страниц оперативных корреспонденций и статей, не раз получавших похвалы начальства и по достоинству оцененных читателями, зрителями и слушателями. Посвятив 30 лет журналистике, Владимир Владимирович, как он сам не раз говорил, всегда чувствовал себя в первую очередь востоковедом. И это было заметно в его материалах.

В годы работы на Ближнем Востоке в творчестве В.В. Белякова и созрела проблема гуманитарных связей между представителями российской и арабской ветвей мировой цивилизации. Находясь в Ливане, он тесно общался с палестинцами, которые с искренними симпатиями относились к нашей стране. В лагере беженцев Рашидия на юге Ливана был

даже создан «Палестинско-советский культурный клуб», члены которого переписывались с Московским радио. Когда после израильского вторжения в Ливан летом 1982 г. один из активистов клуба оказался в израильском концлагере Ансар, Владимир Владимирович и его коллеги по Московскому радио сумели развернуть подлинно гуманитарную акцию. В передачах из столицы СССР на арабском языке ежедневно звучали материалы в поддержку заключенных-палестинцев. В них участвовали представители советской общественности, использовались статьи из нашей и иностранной прессы, данные Международного Красного Креста в Женеве. И вскоре Ансар был закрыт, а его узники вышли на свободу. Вышли не сломленными. Не будем излишне преувеличивать личные заслуги нашего коллеги в этих событиях, но то, что в арабском мире ему доверяли и доверяют (в чем убеждался и автор этих строк) и что гуманитарные неформальные отношения были и остаются главной темой творчества В.В. Белякова, ученого и литератора, – это несомненно.

Прекрасное знание региона, острое перо (материалы Белякова из Бейрута и позднее Москвы регулярно печатались в «Комсомолке») привели юбиляра в «Правду», направившую его в 1986 г. в Египет. Годы его работы в этой стране были сложным периодом для Ближнего Востока. Ирано-иракская война, кувейтский кризис, волны палестинской интифады... Не оставляя вниманием «своих» палестинцев, не раз навещая их в Газе и на Западном берегу реки Иордан, встречаясь с хорошо знакомым ему Ясиром Арафатом (Владимир Владимирович наверняка мог бы написать книгу об этом противоречивом арабском лидере), юбиляр углубился в новую для него тему – русско-египетские гуманитарные связи. Первая его литературно-художественная и историко-публицистическая книга на эту тему, «По следам “Пересвета”», была издана в Каире в 1994 г. скромным тиражом в 300 экземпляров. Книгу заметили. Дважды сменив название и каждый раз потолстев, она позже была издана и в Москве («Приютила Африка Жар-птицу», 2000; «Русский Египет», 2008).

Уже в этой книге В.В. Белякова отчетливо прослеживаются контуры будущей докторской диссертации. Непосредственно в Египте, «в поле», были собраны и впервые обобщены целые пласты документальных материалов о становлении и развитии гуманитарных и культурных связей русских и египтян в историческом контексте. А по окончании затянувшейся на 15 лет командировки в Египет началась работа и над архивными документами. Причем еще до того, как юбиляр пришел (или вернулся?) в ИВРАН в 2002 г. и официально вступил на тропу архивного востоковедения, на которой и обрел признание коллег по цеху. Уже на следующий год он выпустил основательную монографию «"К берегам священным Нила..." Русские в Египте» (15 п. л.), получившую высокую оценку специалистов. Эта книга переведена на арабский язык и в ближайшее время будет издана в Каире. А в октябре 2007 г. наш юбиляр блестяще защитил докторскую диссертацию (тому свидетель автор, имевший честь выступить на защите) на тему: «Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX в.)». Она увенчала важный в концептуальном для автора, значимый для ориенталистики этап исследования документального наследия двух стран. Впервые были сформулированы теория и методика гуманитарных связей, принципы их эволюции, взаимовлияния с войной и политикой. Создана новая перспективная научная парадигма, отвечающая интересам российских инновационных технологий в гуманитарных исследованиях.

Востоковедная деятельность В.В. Белякова многогранна. Это не только написание монографий и научных статей, участие в международных конференциях и редактирование «Восточного архива». Он – автор первого русскоязычного путеводителя по Египту, написанного им по заказу министерства туризма этой страны и вышедшего в Каире в 1996 г., а также многократно издававшихся в Москве и ставших популярными путеводителей («Египет вдоль и поперек. Исторический путеводитель». 2001, 2004 и 2008; «Египет». Серия путеводителей журнала «Вокруг света». 2006, 2007, 2008 и 2010). Перу юбиляра, не раз бывавшего в монастыре Св. Екатерины на Синае и работавшего в его архиве, принадлежит научно-популярная книга «Сокровища Синая» (М., 2004), которая переводится ныне на арабский язык. Он автор сценариев трех документальных фильмов о советско-египетских

отношениях, не раз выступал в прямом эфире Народного радио в программе «Россия и Восток». К этому следует добавить работу в Военном университете МО РФ, где В.В. Беляков занимает должность профессора по курсу «Страноведение Египта», регулярное чтение лекций в РГГУ (Москва), в Российских центрах науки и культуры в Каире и Александрии, а эпизодически – и в египетских университетах. Не бросает В.В. Беляков и журналистику, являясь постоянным автором выходящих в Каире газет «Комсомольская правда в Египте» и «Московский комсомолец в Египте».

К своему юбилею Владимир Владимирович получил достойный подарок. Накануне Нового года вышел из печати составленный им сборник «И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925. Письма, документы и материалы». Заполнена новая страница межкультурного сближения русского и египетского народов. На подходе – монография о русских эмигрантах в Египте.

В день же юбилея В.В. Беляков завтракал в Каире, обедал в небе над Анкарой, а ужинал в Москве. Так завершилась очередная поездка в любимый им Египет. На этот раз в ранге члена делегации нашей страны он принимал участие в Каирской международной книжной ярмарке, куда Россия была приглашена в качестве почетного гостя. Юбилей был ведущим дискуссий о прошлом и будущем российско-египетских отношений, демонстрировал свои книги и документальные фильмы, а заодно дал 19 интервью египетским средствам массовой информации.

Перо остро, и мысли Ваши быстры, дорогой Владимир Владимирович! Долгих лет пути каравану Вашего творчества! Ну, а мы, Ваши друзья и товарищи по отделу, сектору и журналу, будем следовать за Вами, держась за хвостик Вашего ишака.

В.И. Шеремет

И ЦЕЛОГО КИТАЯ МАЛО...

Александр Шайдамовичу Кадырбаеву – 60 лет

В наше время немногие люди оказались одаренными беспокойным характером, побуждающим их постоянно находиться в поиске малоизвестных и интересных явлений, событий, фактов и исторических личностей. Еще меньшее их число обладает талантом внимательного исследования и глубокого анализа документов. Наконец, далеко не все ученые способны воплотить все это в не лишенное изящества и художественного вкуса научное повествование – будь то монография, статья, учебная лекция или публичное выступление. Среди счастливых обладателей редких качеств подлинного исследователя видное место занимает ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, доктор исторических наук Александр Шайдамович Кадырбаев. 19 апреля ему исполнилось 60 лет.

Юбилей родился в городе русской воинской славы Севастополе в интернациональной семье (отец – казах, мать – русская) и унаследовал лучшие черты двух братских народов – жажду знаний, трудолюбие, душевную открытость, отзывчивость, уважение к окружающим, целеустремленность, преданность друзьям и идеалам, упорство в достижении поставленной цели.

Жизненная судьба Александра Шайдамовича во многом повторяла его характер, бросая будущего ученого из одного конца страны в другой. Вслед за отцом – морским офицером, он последовал в г. Владивосток, где и определился его жизненный путь: на дальних рубежах России он закончил восточный факультет Дальневосточного государственного университета, став квалифицированным специалистом по Китаю и его истории. Жизнь и учеба в этом овеянном исторической романтикой краю земли русской оставили заметный след в научной биографии востоковеда. По прошествии многих лет из-под его

пера выходит статья «Россия на рубежах Дальнего Востока. 1844–1857» («Восточный архив», № 2, 2009).

Последующие четверть века А.Ш. Кадырбаев посвятил служению востоковедной науке на исторической родине – в Казахстане. С 1972 по 1996 г. он методично расширял круг своих познаний в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР, а также в Национальной Академии Республики Казахстан. Жизнь и научная работа в глубине азиатского материка, на территории легендарной Великой Степи не могла не оказать сильного влияния на характер и направление научных поисков востоковеда. Плодом его научных изысканий после стажировки в 1975 и 1978 гг. и учебы в аспирантуре Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1981–1983 гг. явилась кандидатская диссертация «Тюрки (кипчаки, канглы, карлуки) в Китае при монгольской династии Юань», защищенная там же в 1984 г.

Однако уже в этот период и в дальнейшие годы научные интересы юбиляра вышли далеко за пределы изучения Китая и его истории. В своих исследованиях он ищет этнические корни народов, населяющих Центральную Азию, выбрав в качестве объекта научного интереса два крупнейших этнических массива – тюркский и иранский. Итогом явилась монография «Тюрки и иранцы в Центральной Азии. XIII–XIV вв.», изданная в Алма-Ате в 1990 г. И все-таки его не покидает мысль глубже изучить небольшие этносы региона, имеющие родственные связи с национальными меньшинствами Китая. Многолетние усилия вылились в очередную монографию – «Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киреитов», опубликованную в казахстанской столице в 1993 г. Накопленный багаж знаний по истории народов Китая и Центральной Азии позволяет ученому еще дальше раздвинуть географические и исторические рамки исследуемого региона, заглянуть за его границы, обнаружить неразрывность и тесную связь людей разного расового и этнического происхождения, религиозной и культурной принадлежности. И пытливым историк дарит читателям новую книгу – «За пределами Великой Степи» (1997 г.).

Исключительно удачное сочетание пространства и времени, истории и этнографии, культуры, языка и традиций все же не удовлетворяет беспокойного исследователя. Он идет вглубь, вновь возвращается к историческим истокам народов в поисках ответа на извечный вопрос – кто мы, откуда мы пришли, куда лежит наш путь. Попытка ответа на этот вопрос предпринимается в новой книге, на сей раз научно-популярного характера – «Сакский воин – символ духа предков», увидевшей свет в 1998 г. в полюбившейся автору Алматы, где витает, как он сам считает, дух его собственных предков. Книга вызывает не только к востоковедам и другим причастным лицам, но и ко всем страждущим познать мироощущение обитателя древней Степи, богато и сочно описанной великим Чингизом Айтматовым.

Между тем утяжелившаяся коллекция собственных произведений становится убедительным свидетельством научной зрелости историка, и он подтверждает это предположение успешной защитой докторской диссертации на тему «Сэму в Юаньской империи». Это тонкое и глубокое исследование эпохи правления юаньской династии было по достоинству оценено и одобрено учеными Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (1993 г.). Работу отличает доскональное знание предмета исследования, яркая индивидуальность автора в манере изложения материала и в его глубоком анализе.

Однако круг читателей произведений по истории и этнографии Востока, тем более научных, все-таки остается крайне ограниченным. А наш исследователь стремится не просто расширить его, а активно приобщить к этому источнику знаний молодое поколение, которое могло бы взять на себя задачу быть ретранслятором и даже интерпретатором и пропагандистом великой истории народов, населяющих громадный регион. И вот уже ставший профессором (1998 г.) Александр Шайдамович Кадырбаев читает курс лекций на историческом факультете Казахского национального университета им. Аль-Фараби в Алматы. Три года, с 1996 по 1999 г., он щедро делится со студентами своими обширными знаниями по истории Центральной Азии, России, Китая, истории и культуре тюркских народов.

В 1999 г. юбилар вливается в ряды сотрудников Института востоковедения РАН. В одном авторском коллективе с учеными с мировым именем он пишет крупный раздел (по истории монгольского владычества в Китае) в многотомном капитальном труде «История Китая». Между тем его научная деятельность становится все более многообразной по тематике, жанру и географии исследований. Как специалист широкого профиля (например, в Казани планируется выход его монографии «От Волги и Дуная до Нила, Инда и Хуанхэ: кипчаки-половцы на Востоке и Западе в средние века») Александр Шайдатович становится все более востребованным в московской научной, культурной и просветительской среде. Он пишет учебные пособия для Института стран Азии и Африки МГУ, сотрудничает с Центром восточной литературы Российской Государственной библиотеки, с Международным культурным фондом Марджани, обогатив его монографическим исследованием гуннов, которое также вскоре должно увидеть свет. Одновременно продолжает творить на ниве просвещения в качестве преподавателя Высшей школы экономики, читает курс отечественной истории.

Юбилар не замыкается в рамках академических исследований. Успешно руководит научными работами молодых востоковедов, воспитывает ученых нового поколения. Участвует в работе ученых советов МГПУ им. М.А. Шолохова и Института повышения квалификации МГУ. При этом не порывает связей с родными пенатами. Его регулярно приглашают в Казахстан в качестве оппонента на защиту кандидатских и докторских диссертаций. А.Ш. Кадырбаев удивительным образом успевает внести свой творческий вклад и в работу редколлегии журналов «Восточный архив», «Восточная коллекция» (Москва) и «Иран-наме» (Алматы).

Наконец, неутомимый исследователь покоряет пространства, очерченные в его трудах: он выступает на международных конференциях, имевших место быть от Венгрии – 2003, 2007, 2009 гг. до Иссык-Куля – 2008 г., от Казани до Тегерана – 2004 г., от Греции, Турции – 2003, 2004, 2008 гг. до Китая – 2010 г. Излишне говорить в этом плане о его родном Казахстане, где он желанный и частый гость. Тематика его выступлений необычайно широка – история средневековых кочевников на пространствах Евразии, евразийство и турецко-российские отношения в регионе Черного моря, влияние иранской культуры в Китае в средние века, история российско-китайских культурных связей, Казахстан и ШОС в контексте урегулирования афганской проблемы. Юбилара хорошо знают и во многих СМИ: он участвует в программе Народного радио «Россия и Восток», был гостем Радио России в связи с 60-летием образования КНР, на казахском телевидении знакомил зрителей с Чингисханом и Золотой Ордой, на российском телеканале «Звезда» – с Улугбеком.

В год своего юбилея А.Ш. Кадырбаев как всегда полон энергии, творческих замыслов, новых идей, которые, мы уверены, будут реализованы. Его личные качества – доброжелательность, искренность, открытость, неиссякаемый оптимизм, желание и готовность всегда помочь плюс его творческий потенциал, еще далеко не полностью раскрытый, вызывают уважение к нему как со стороны коллектива Отдела истории Востока, где он работает ведущим научным сотрудником, так и многих друзей в Москве и за ее пределами.

Отмечая юбилей, хочется пожелать Александру Шайдатовичу крепкого здоровья, больших творческих успехов, новых интересных замыслов и поисков как в науке, так и в педагогической и культурно-общественной жизни.

В.Г. Коргун

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru; www.belyakovv.com.

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. E-mail: dmivas46@mail.ru.

ЗИМОНИН Вячеслав Петрович – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Военного университета МО РФ. E-mail: vp-zimonin@mail.ru.

КОРГУН Виктор Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: korgun@nm.ru.

КОТЮКОВА Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ. E-mail: kotyukovat@mail.ru.

НОСТАЕВА Елена Валерьевна – аспирант Института востоковедения РАН. E-mail: purviasha@mail.ru.

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: horezm83@mail.ru.

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru.

ХОХЛОВА Валентина Павловна – старший научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: vhohlova@mail.ru.

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович – доктор юридических наук, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ. E-mail: jerdev06@mail.ru.

ШЕРЕМЕТ Виталий Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sheremetv@mail.ru.

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые авторы «Восточного архива»!

Просим вас оформлять материалы для журнала в соответствии со следующими требованиями.

1. Объем статьи не должен превышать 1,0 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами). Текст набирается на компьютере в программе «Word». Размер шрифта – 14, интервал между строчками – 1,5. Выставляются переносы слов, а также номера страниц (справа сверху). Сноски концевые. Предоставляются как распечатка (авторами из Москвы), так и электронная версия (диск, дискета). Текст можно отправить также по электронной почте на адрес редакции.
2. Необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, его ученую степень и ученое звание, место работы и занимаемую должность, адрес электронной почты.
3. Сноски необходимо оформлять следующим образом. В тексте знак сноски ставится непосредственно за словом, кавычками или скобкой, в зависимости от того, к чему она относится. Например: В конце книги от руки приписана фраза¹. «Привет Вам»². «Привет Вам, Николай Иванович»³.
4. Написание сноски: автор – *курсивом*; сначала фамилия, а затем, через пробел, инициалы без пробела. Затем – название книги, место и год издания, том, номер страницы. Например: *Петров И.Н.* История гарема. М., 2008, т. 12, с. 163.
5. При первом упоминании архива его название дается полностью, например, Государственный архив Российской Федерации, в круглых скобках – сокращение (ГАРФ). В дальнейшем название архива дается в сокращении. Далее через запятую следуют: номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа. Например: ГАРФ. Ф. 121, оп. 6, д. 104, л. 25. Названия фонда и дела приводить не обязательно.
6. При повторной ссылке на источник дается фамилия автора, далее – «Указ. соч.», номер страницы. Если были ссылки на два или более сочинения одного и того же автора, то, кроме его фамилии, дается и название сочинения, можно с некоторыми сокращениями. Если ссылки на один и тот же источник следуют одна за другой, то во второй ссылке достаточно указать «Там же» и дать номер страницы или листа.
7. Просьба перед подачей материала убедиться в отсутствии лишних пробелов между словами, включив кнопку «Непечатаемые символы».
8. Обратите внимание на употребление пробелов:
после сокращений всегда пробел;
после знаков препинания всегда пробел;
после № всегда пробел;
до и после тире – всегда пробел.
9. Дописывания или расшифровка слов в тексте заключаются в квадратные скобки. Пояснения автора заключаются в круглые скобки и оформляются так: «Был хороший (теплый. – *Авт.*, или инициалы автора, тоже курсивом. – *И.П.*) день». Опущенные фрагменты документов отмечаются знаком <...>.

Редакция не имеет возможности выплачивать гонорары авторам. Материалы, получившие положительные рецензии членов редколлегии, публикуются бесплатно.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

¹ «Как Вы себя чувствуете?»

² Там же.

³ Николай Иванович Петров (1905–1995).